Православие и современность. Электронная библиотека.

Профессор Киевской Духовной Академии
Доктор Богословия М. Олесницкий

Нравственное Богословие

© Holy Trinity Orthodox School

Содержание

Введение
- Понятие о нравственности и Нравственном Богословии; идея блага
- Вера и нравственность
- Отношение между нравственным и догматическим Богословием
- Отношение Нравственного Богословия к Нравственной Философии
- Источники Нравственного Богословия
- Значение и важность Нравственного Богословия
- Краткий очерк истории науки. Разделение науки

Часть первая. О нравственном законе Божием
1. Нравственная природа человека
   - Первобытное совершенство мира и человека
   - Учение Откровения о высоком назначении человека
   - Воспитание свободы и нравственного характера
2. О нравственном законе
   - Свойства нравственного закона
   - Совесть
   - Закон Моисеев
   - Евангельский Закон
3. Главное начало христианской нравственности
   - Христианская нравственность
   - Главное нравственное начало
4. Побуждения к исполнению нравственного закона
   - Виды побуждений
5. Действия человека-христианина
   - А. Добродетель
   - Б. Грех. Понятие о грехе, порок
   - Виды греха
6. Нравственное вменение
   - Условия вменения
7. Адиафоры; коллизия обязанностей
   - Адиафоры (нейтральные)
   - Вопрос о «позволенном»
   - «Сверхдолжные» совершенства и Евангельские советы
   - Коллизия обязанностей, казуистика
8. Иисус Христос — образец нравственной жизни

Черты нравственного совершенства Иисуса Христа
Подражание Христу. Благодать Св. Духа
9. Возрождение и освящение
Возрождение, как дело божественной благодати
Время обращения
Покаяние и вера
Освящение
Опасности в жизни христианина
Средства освящения
Степени освящения

Часть вторая. Обязанности и добродетели христианина
1. Добродетели в отношении к Богу
Обязанность богопочитания
Внутреннее и внешнее благочестие
Добродетели, выражающие внутреннее богопочитание
Вера и ее значение
Грех неверия
Надежда, ее свойства
Отсутствие надежды
Любовь к Богу
Свойства истинной любви к Богу
Отсутствие любви к Богу
Молитва
Богослужение
Таинства Церкви
Исповедь
Святость храма
Праздники
Посты
Грехи небрежности в Богопочитании
Особые виды внешнего богопочитания
Исповедание веры
Клятва
Обеты
2. Добродетели самосовершенствования
Спасение души
Попечение о душе и образование ума
Образование воли
Образование эстетического чувства
Попечение о теле
Богатство и бедность
Общественные обязанности
Доброе имя и честолюбие
3. Уважение и любовь к ближним
Справедливость и милосердие
Утверждение ближних в доброй нравственности
4. Христианин как член общества
А. Обязанности и добродетели в церковном обществе
Отношения между членами общества

Б. Обязанности и добродетели в отношении семейства
Семья
Взаимные отношения супругов
Родители, дети, работники
Гостеприимство и дружба
В. Отношение к государству
Государство и нравственность
Гражданская и политическая стороны государства
Власть, законодательство, война

Введение

Понятие о нравственности и Нравственном Богословии; идея блага

Как в физической природе господствует всеобщий и неизменный закон, производящий повсюду порядок и красоту, так и в мире духовном, и в частности в области человеческой жизни, господствует такой же всеобщий и неизменный закон, устанавливающий повсюду порядок и производящий благо. Оба закона имеют свое основание в святой, всемогущей и благой воле Бога. Но если в физической природе закон осуществляется с необходимостью, то в человеческой жизни он исполняется свободно. Там принужденность и неизбежность, а здесь обязательство (т.е. повеление без принуждения). Свободное или добровольное исполнение обязательств, налагаемых на нас законом или волей Бога, как Творца и как Искупителя нашего, называется нравственностью или нравственной жизнью, точнее — христианской нравственностью.

Эта нравственность и составляет предмет Нравственного Богословия, которое есть наука, во-первых, о нравственном Божием законе и проистекающих из него частных обязанностях христианина, а во-вторых — о соответствующей закону нравственной жизни и о частных добродетелях христианина. (Так как в мире существует нравственное зло, то Нр. Бог. по необходимости должно говорить о нарушениях закона, о грехе вообще и о грехах в частности).

От добровольного исполнения нравственного закона зависит личное или высшее достоинство человека — лучшее его украшение. Ни высокий ум, ни блестящий художественный талант, ни житейское благоразумие, ни, тем более, физическая сила не в состоянии заполнить глубокий недостаток человека при отсутствии в нем доброй нравственности. И только доброе направление воли сообщает истинное значение и достоинство остальным способностям (уму, эстетическому таланту и т.д.), а также человеческим произведениям в мире (науке, искусствам, промышленности т.д.).

Потому-то внимание к религиозно-нравственному учению и жизнь по нему Господь Спаситель назвал *единым на потребу* (Лук. 10:42). И ап. Павел пишет: *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими ... и если имею дар пророчества и имею всякое познание и всю веру, а любви не имею, — то я ничто»* (1 Кор. 13:1-2). Он же заповедует христианским женщинам украшать себя *«не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценными одеждами, но добрыми делами»* (1 Тим. 2:9-10). Это, однако, не значит, что христианину непозволены внешние украшения; а означает лишь, что не надо полагать своего достоинства в этих украшениях, что истинное украшение человека — это его добродетели. Поэтому же со всеми своими познаниями в разных отраслях, с различными житейскими делами — христианин должен связывать нравственные цели, всегда иметь в виду нравственное значение и все направлять к достижению этого назначения.

В то же время добрая нравственная жизнь доставляет человеку высшее благо или, что то же, истинное счастье. Идея блага неразрывно связана с идеей нравственности. Благо вообще есть соответствие предмета или существа своему назначению или своей цели. Если, напр., Бог, обозревши мир после его сотворения, признал его «благим», то это означает, что все было на

своем месте и все соответствовало своему назначению. Так как в человеческой природе есть много различных сторон (телесная, или физическая, житейская и общественная, умственная, или интеллектуальная, эстетическая и т.д.), то для него существует много различных благ и возможны различные виды счастья. Благо для него — пища и питье, утоляющие его голод, благо для него — промышленность и торговля для удовлетворения житейских потребностей, благо — общество, как возможность общения с подобными себе, благо — наука и искусство, удовлетворяющие стремление к истине и красоте. И есть немало людей, расположенных довольствоваться счастьем, доставляемым, главным образом, этими видами благ. Даже лучшие между нами иной раз останавливаются на каком-либо из названных видов благ, как-будто оно есть конечная или главная цель нашей жизни. Не случалось ли нам иной раз есть и пить не так, как заповедует ап. Павел, говоря: *«Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию»* (1 Кор. 10:31), — садимся за стол, не перекрестившись и не помолившись и забыв, что «человек ест для того, чтобы жить, а не живет для того, чтобы есть», и потому пересыщаемся. Или погружаемся в коммерческие дела иногда настолько, что на интересы духовные и высшие не остается ни времени, ни охоты, ни сил. Успех в делах считаем своим высшим счастьем. Случается также, что в сообществе или союзе с подобными себе (напр., в браке, в дружбе) мы останавливаемся, как на самом высшем для человека счастье? А тем более науку и искусство мы ценим много выше их достоинства; к образованию стремимся ревностнее, чем к воспитанию в себе добросовестности и благочестия. Между тем, есть у человека высшее благо, в котором заключено и высшее счастье для него. Это высшее благо и высшее счастье состоит в общении с Богом, что достигается добродетельной жизнью. Благоугождая Богу, человек находится в состоянии богосыновства и принадлежит к царству Божию; а в этом-то и состоит высшее назначение или цель каждого человека, и самое основное его благо. В священном Писании это благо представляется под образом *многоценного бисера*, ради приобретения которого купец продал все, что имел (Мат. 13:46). Счастье, доставляемое человеку этим благом есть, конечно, внутреннее, духовное, невидимое; царство небесное есть «правда и мир и радость о Духе Святом» (Рим. 14:17). За гробом же и, особенно, с окончанием земного века, после второго пришествия Христова, высшее благо осуществится для благочестивых христиан во всей полноте и откроется видимым образом. Тогда будет достигнута ими полная святость и полное блаженство. В соединении святости и блаженства состоит высшее благо. Псалмопевец говорит: *«Я в славе Твоей ... буду насыщаться образом Твоим»* (Пс. 16:15). А ап. Павел говорит: *«А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его»* (2 Тим. 4:8).

Но мы имеем неложное свидетельство Свящ. Писания, подтверждаемое и опытом, что людям благочестивым и исполняющим заповеди Божии все благопоспешествует по Божию благоволению и в земной жизни, и во временных предприятиях, и делах. Господь Спаситель сказал: *«Ищете прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* — все, потребное для жизни (Матф. 6:33). И по слову ап. Павла: *«Благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей*» (1 Тим. 4:8). Наблюдая человеческую жизнь, можно сказать вместе с царем Давидом: «Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба» (Пс.36:25).

Надо заметить, что в человеке, как в существе, происшедшем от Бога, есть сильное желание нравственного блага и невольное влечение к нему. Еще языческий философ Платон изображал томление человека по этом благе, как узника по свободе, как странника по своем отечестве. Из священных книг, особенно в псалмах Давида часто выражается воздыхание души человека и его стремление к высшему благу; напр.: «*Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже. Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь перед лицо Божие!»* (Пс. 41:2-3). И ап. Павел выражал желание *разрешиться и быть со Христом,* т.е. достигнуть за гробом высшего блага (Филип. 1:23). Та же мысль высказана им в

словах: «*Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего* (Евр.13:14) *Наша жизнь есть на небесах*», — свидетельствует он же (Филип. 3:20).

Таким образом, к указанным выше двум сторонам в понятии о нравственности, к ее закону, содержащему норму жизни для человека и к свободному исполнению добродетели, надо присоединить третью сторону, а именно — благо, как результат нравственности. Таким образом, Нравственное Богословие есть учение с одной стороны — о законе или долге (обязанностях), с другой — о добродетелях, а частично о благе.

Вера и нравственность

Из понятия о нравственности с очевидностью следует, что она предполагает веру в личного Бога или религию, с которой находится в тесной связи. Потому апостол говорит: «*Без веры невозможно угодить Богу;* всякому, *приходящему к Богу, подобает* прежде всего *веровать, что Он есть и ищущему Его воздаст»* (Евр. 11:6).

Без веры в личного, христианского Бога, без религии, нравственности будет недоставать надлежащего основания. Вера в безусловное значение нравственного закона и в его святость по необходимости предполагает веру в Всесвятого Бога, Который *не человек, чтобы Ему лгать, и не сын человеческий, чтобы Ему изменяться* (Числ.23:19), и *слово Которого пребывает во веки* (Пс. 118:89; 1 Петр. 1:25) *и есть истинно* (Ин. 17:17; 2 Цар. 7:28) *и свято* (Петр. 1:15; Лев. 20:7:8).

Без веры в Бога, или без религии, нет основания для нравственной жизни. Но для нравственной жизни мы встречаем много препятствий и испытываем часто недостаток сил. Эти препятствия могут быть устранены и силы восполнены ни Кем иным, как только всемогущим и всеблагим Богом. Первое препятствие заключается в физической природе, — как окружающей нас, так и имеющейся в нашем телесном организме. Физическая природа среды течет своим чередом, не обращая внимания на жизнь человеческого духа. А наш телесный организм подвержен болезням, страданиям, вообще нестроениям, задерживающим духовную жизнь и деятельность. Второе препятствие заключается в самом духе человека, в его воле. Здесь мы ощущаем *иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного* (Рим. 7:23); вследствие чего я *не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю* (Рим. 7:15, 19). Как же быть в виду этих препятствий?

Необходима вера в премудрого и благостного Бога, целесообразно направляющего течение физической природы и устрояющего человеческие судьбы таким образом, что они служат во благо человеку, содействуют достижению его конечной цели (Иов. 28:26; 1 Цар. 2:6,7; Притч. 20:24; Матф. 10:30; 1 Петр. 5:7; Рим. 8:28). Необходима также вера в Искупителя, возвестившего и совершающего силой Святого Духа «новое рождение» (Ин. 3:3) человека и делающего его способным преодолеть *«иной закон».* Лишь имея веру в эту всесильную помощь возможны мужество и энергия в следовании этой нравственной задачи. Лишь при опыте союза с Богом и надежде на вечное блаженство возможно радостное чувство и готовность, как к совершенной нравственной деятельности, так и к перенесению страданий.

Наконец, без веры в личного Бога не может быть подлинного содержания или качества нравственности, не может быть чистоты и высоты ее. Совершив «хищение» достоинства и чести Божией (Фил. 2:6) и основывая свою жизнь лишь на самом себе, человек делает себя центральным пунктом своей жизни, и потому уровень его нравственности неизбежно падает и извращается себялюбием, эгоизмом и гордостью. Тогда нравственность уходит далеко от своего идеала, состоящего в самоотверженной деятельности искренней любви. А с ложной любовью к самому себе неизбежно связана и ложная привязанность к миру и рабское ему подчинение. Только при вере в личного Бога, Который есть полное отрицание себялюбия (эгоизма), есть ***любовь***, по слову ап. Иоанна (1 Ин. 4:16), и потому и самый высший, и достойный предмет желания и стремления человеческого. Тогда человек может отрешиться от себялюбия и научиться истинной любви, а также освободиться от привязанности к миру и служения ему.

Лишь перед лицом единого небесного Отца все люди есть братья и сестры. Не напрасно бл. Августин назвал языческие добродетели «блестящими пороками», хотя они и добродетели, но носят в самих себе разрушительное начало себялюбия. Нравственность, отрешенная от религии, напоминает миф о Прометее, которым современные нравоучители выражают душевное состояние таких людей: Прометей похитил огонь с неба и этим дал людям культуру и цивилизацию, но не сделал их лучшими и благочестивыми; в наказание он прикован к скале, и коршун клюет его печень: это образ человеческого сердца, снедаемого себялюбием и страстями.

Как видим из сказанного, вера в личного Бога или религия, составляют основание нравственности. Религия может быть уподоблена корню растения, а нравственность — стволу и ветвям. Но и религия не может быть истинной, если отрешится от нравственности. Она тогда вырождается в пиетизм, квиетизм, мистику. Потому, говорит ап. Иаков: «*Вера без дел мертва есть»* (Иак. 2:26). «*Не любящий брата пребывает в смерти,* потому что заповедь Божия состоит не только в том, чтобы мы *веровали во имя Сына Его Иисуса Христа*, он и в том, *да любим друг друга»* (1 Ин. 3 23). Корень может оставаться живым только в том случае, если из него растут ствол и ветви; так и религия может быть здоровой лишь в том случае, если она постоянно проявляется в нравственной деятельности, в ней развивается и укрепляется.

Тесная связь религии и нравственности объясняется их сродной природой, присутствием в них одинаковых элементов или составных частей. Именно: истинная религия имеет нравственный характер, и нравственность имеет религиозный характер. В религии есть элемент не только зависимости, но и свободы в отношении человека к Богу. И в нравственности есть элемент не только свободы, но и зависимости человека от воли Божией.

Но тем не менее, религия и нравственность составляют две особые области, и потому не должны быть отождествляемы. Во-первых, в религии сильнее выражается зависимость и определяемость человека Богом и Его благодатными силами; в нравственности же больше места для самоопределения человека, и зависимость его от Бога посредственнее. Во-вторых, в религии человек стремится к Богу; в нравственности же он стремится к угодной Богу деятельности в сфере своей собственной личности, ближних и видимого мира.

Отношение между нравственным и догматическим Богословием

Нравственное Богословие находится в самом близком отношении к Богословию Догматическому. Это как бы две родные сестры. Потому-то оба эти учения долгое время излагались совместно. И в настоящее время можно встретить такие сложные богословские произведения. Но с развитием наук богословы сознали необходимость излагать оба эти учения отдельно. К этому побуждает и удобство: при совместном изложении каждое из учений не даст возможности раскрыть содержание другого во всей полноте. Но более глубокое основание их разделения находится в том, что каждая из этих наук представляет собой особый предмет и имеет право на самостоятельность. Царство Божие созидается, с одной стороны, действиями Бога, а с другой — действиями человека. Действия Божии в созидании этого царства составляют предмет Догматики, а действия человека в этом созидании составляют предмет Нравственного Богословия. Поэтому предмет Догматики запечатлен характером божественной необходимости и составляет содержание веры человека; а предмет Нравственного Богословия зависит от свободной воли человека и является содержанием его деятельности. В этом — общая противоположность этих двух наук.

С этой точки зрения распределяются между двумя науками и все частные предметы, входящие в них. Напр., о законе говорится и в Догм., и в Нр. Б., но в первом закон рассматривается с точки зрения откровения Божия и воспитательного водительства человеческого рода; в Нр. Б. же — с точки зрения человеческих обязанностей. О Церкви идет речь и в той, и в другой науке; в первой Церковь является устроением божественной благости, а в последней она создается верующими. «*Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют её»,* (Матф. 16:18) — это положение догматическое; *старайтесь обогатиться дарами духовными к*

назиданию церкви ... только все должно быть благообразно и чинно (1 Кор. 14:12, 40) — это положения нравственные. Так же и учение о возрождении и освящении человека встречается и в Догм., и в Нр. Бог.; в Догм. этот предмет рассматривается главным образом с точки зрения божественной благодати, а в Нр. Бог. — с точки зрения свободной воли человека. *Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению* (Фил. 2:13) — это положение догматическое; *со страхом и трепетом совершайте свое спасение* (ст. 12) — это положение нравственное.

Отношение Нравственного Богословия к Нравственной Философии

Если нравственность есть факт общечеловеческий и принадлежит всему роду человеческому, то понятно, что учение о ней может иметь место не только в христианстве, но и у философов и язычников. И действительно, рядом с Нр. Бог. развивалась и Нр. Философия; а в дохристианский период одна языческая философия выражала научное нравственное сознание. Обе эти науки сродны и занимаются одним и тем же предметом, именно — исследованием законов и норм нравственной жизни. Но есть между ними и различие, потому что в своих исследованиях они исходят из разных начал и идут в различных направлениях. Нр. Б. идет, так сказать, от центра к периферии, а Нр. Фил. — от периферии к центру. Нр. Б. исходит из откровенного нравств. учения и стремится уяснить его и оправдать на основании исторического предания и человеческого разума, и показать его соответствие общечеловеческим нравственным потребностям и, след., представить его истинным человеческим благом. Между тем Нр. Философия ищет пока истину, предполагает ее изначально неизвестной, и, следовательно, исходным пунктом для нее служит некий искомый Х; этот Х ищется силами и средствами человеческого разума. При таких условиях научного исследования понятно, что Нр. Б. не может заблуждаться. Правда, и богослов может неправильно толковать места Свящ. Писания, но, по крайней мере, поскольку Нр. Б. есть подлинное учение Свящ. Писания, оно выражает несомненную истину. Нр. же философия и естественное учение разума вообще легко может пойти в ложном направлении и исказить нравственную истину, представив, как полу-истину или вообще не истину. Таковы, напр., нравоучения, создаваемые на пантеистической или материалистической почве, также как и учения Кантовой или Гербартовой школы. Последняя проповедует полу-истину (хотя не отрицает личного Бога, но отделяет нравственность от религии, проповедует деизм); а первая — совсем неистину, отрицая существование личного Бога. А то, что на языческой почве невозможно истинное нравственное познание, об этом излишне и говорить. К философскому и языческому учению о нравственности применимы слова: *«Свет во тьме светит и тьма его не объяла»* (Ин. 1:5).

И язычник, а тем более философ в христианскую эпоху имеют совесть и нравственное сознание, но это естественное сознание и совесть не могут постигнуть сами собой чистую и полную нравственную истину. Следовательно, Нр. Ф. должна восполняться и выправляться Нр. Б. Без богословия философия собственными силами не в состоянии разрешить вопроса об абсолютном, а также вопросов о происхождении зла и о победе над ним. *Божьего никто не знает, кроме Духа Божия* (1 Кор. 2:11).

Конечно, возможна философия христианская; она встречается там, где ее исследование и выводы проникнуты христианским духом и согласны с его учением. И возможность ее тем более вероятна, что в настоящее время нет ни одного элемента в духовной жизни человека, который бы не был произведением христианства, ставшего основанием исторического развития всей нашей культуры. Но и в этом случае философия и богословие различаются: и Нр. Ф. должна восполняться Нр. Богословием. Прежде всего, философия движется всегда в сфере общих понятий, и потому в Нр. Ф. мы не найдем специального учения об обязанностях христианина (т.е. всего того, что составляет вторую часть Нр. Б.; там есть только первая, общая часть). И в общей части Нр. Ф. не идет так далеко в рассмотрении нравственных понятий христианина, как далеко идет Нр. Б. Напр., в отделе о нравственном законе философия больше

рассуждает о законе, как об отвлеченной норме, чем как о выражении личной воли Божией. Или в отделе о добродетели она не занимается изображением личности и дел Христа Спасителя, как совершенного выражения добродетели и источника нравственного возрождения и жизни христианина. Между тем в Нр. Б. это существенная и неотъемлемая часть.

Источники Нравственного Богословия

Если Нр. Б. исходит из богооткровенного нравственного учения и ставит в центре своих рассуждений богодарованную истину, то, следовательно, главным источником его является Свящ. Писание. Оно, по слову апостола, *Богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности; да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен* (2 Тим. 2:16); оно *может умудрить тебя во спасение верой в Христа Иисуса* (стих 15). И Сам Иисус Христос свидетельствует: *«Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь»* (Ин. 6:63). Святой Ипполит пишет: *«*Как тот, кто хочет изучить мудрость мира, не может иначе достигнуть сего, как изучением философов, так если хотим изучать благочестие, достойное Бога, не иначе, как из божественных писаний, должны изучать его».

Но учение о царстве Божием, возвещенное в Свящ. Писании, постепенно раскрывалось в течение веков в христианской Церкви. Поэтому, кроме Свящ. Писания, необходимо еще обращаться к учению христианской Православной Церкви, выраженному в твореniях отцов и учителей Церкви и в *«*символических» книгах. Здесь мы найдем восполнение св. Писания свящ. Преданием, по свидетельству ап. Павла: «*Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предание так, как я передал вам* (1 Кор. 11:2), *итак, братия, стойте и держите предание, которым вы научены или словом, или посланием нашим»* (2 Сол. 2:15). — *«*Нужно держаться и предания, — пишет св. Епифаний, — ибо невозможно обрести всё в одних Писаниях; св. апостолы одно оставили в Писании, а другое — в предании».

А то, что только в Церкви содержится вполне верное объяснение св. Писания, это следует из обетований, данных Господом Иисусом Христом Церкви: «*Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ее»* (Матф. 16:16). Он обещал послать Апостолам и их преемникам — Духа истины, который будет с ними вовеки и наставит их на всякую истину (Ин.14:16, 17; 26; 16:13). По слову апостола: «*Церковь Бога живого, столп и утверждение истины»* (1 Тим. 3:15). Православные восточные патриархи пишут: *«*Веруем, что божественное и Свящ. Писание внушено Богом; посему мы должны верить ему беспрекословно, и притом не как-нибудь по-своему, а так, как изъясняла и передала его вселенская Церковь. Человеку, который говорит от себя, можно погрешать, обманывать и обманываться, но вселенская Церковь не может погрешать». Наконец, образцы нравственной жизни мы найдем в Церкви вследствие того, что отцы церкви много подвизались на пути добродетели, очищали себя от страстей, становились храмом Святого Духа и друзьями Божиими, носили в себе обетование и предвкушение вечных благ.

Что касается человеческого разума, то значение его состоит в том, что он способен оценить высоту библейского учения о нравственности: наблюдает факты человеческой жизни и на их основании показывает потребность людей к откровенным нравственным истинам и их согласие с высшими интересами человечества. Другими словами: путем критики и логических методов философского познания, разум подтверждает из человеческого сознания и из обыденной жизни то, что в Свящ. Писании свидетельствуется из откровения. В Свящ. Писании одобряется деятельность разума в познании религиозно-нравственной истины; там человек призывается: *«Исследовать Писание ... все испытывая, доброго держаться ... не всякому духу верить, но испытывать духи, от Бога ли они ... познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная,... возрастать в познании и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее, быть чистыми и непредкновенными в день Христов»* (Ин. 5:39; Фесс. 5:21; 1 Ин. 4:1; Рим. 12:1; Филип. 1:9,10). Из отцов Церкви особенно Иустин Философ, Климент Александрийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, бл. Августин, Феодорит и др.

утверждают полезность разума в деле познания христианской истины. Хотя Свящ. Писание предостерегает христиан, чтобы не увлекли их философией и пустым обольщением, по человеческому преданию, по стихиям мира, а не по духу Христа (Колос. 2:8; 1 Тим. 6:20).

Значение и важность Нравственного Богословия

Значение и важность Нр. Б. сами собой открываются из понятия о нравственности и ее значения. Если нравственная жизнь есть выполнение назначения, указанного Богом человеку, если она сообщает ему личное и высшее достоинство, доставляет ему истинное благо и счастье, то отсюда видна важность и обязанность изучать Нр. Б. Оно важно не только для некоторых лиц, напр., начальствующих и воспитывающих, но для всех без исключения, так как все призваны к богоугодной и нравственной жизни.

Конечно, одно только знание нравственных правил, само собой не порождает нравственности, как думал Сократ, утверждавший, что знание есть добродетель, или Фихте (наука есть зерно жизни), также Гегель (логическая идея есть родительница бытия). Можно знать нравственное учение и не жить по нему. И такие случаи встречаются, к сожалению, весьма часто. Священное Писание эти случаи предполагает и говорит: *«Раб, ведавший волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много»* (Лук. 12:47). Потому Господь называет блаженными не тех, кто слушают учение Его и знают его, а тех, которые исполняют учение: «*Блаженны слышащие слово Божие и исполняющие его, ... Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете»* (Лук. 11:28; Ин. 13:17). Для исполнения нравственности необходимо, чтобы к знанию присоединилась и воля. Эта свободная воля зависит от самого действующего лица, каждый человек должен захотеть и приложить усилие. Но, во всяком случае, знание служит руководством для воли. Следовательно, Нр. Б. указывает и освещает путь для нравственной жизни. В этом и состоит его значение и важность. К нему может быть применено изречение Псалмопевца: Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей (Пс. 118:105).

Краткий очерк истории науки

Первые века христианства были веками не столько науки, сколько жизни, поэтому в начале христианской эры не встречаем систематического нравоучения. Но первые христиане могут похвалиться такой высотой нравственной жизни, которую впоследствии уже не встретить часто среди христиан. А руководством к нравственной жизни служили пояснения св. отцами и учителями церкви нравственных мыслей Евангелия и вообще Свящ. Писания и руководящих начал его. Эти толкования совершались в виде бесед, проповедей на тему Писания и трактатов или монографий по вопросам нравственной жизни.

Из отцов и учителей восточной, или греческой, церкви известны в этом отношении Климент Александрийский, Василий Вел., Иоанн Златоуст и Ориген. Климент, получивший образование философа, вводит философский элемент и в развитие нравственных христианских понятий. Поэтому он больше других приближается к научному и систематическому изложению нравоучения: «Увещание к эллинам», «Педагог» и «Строматы». Василий Великий излагает чисто библейское нравоучение. Он оставил немало бесед о нравственном вероучении, написал «Ифику» и первый составил монашеские правила. Богатый научный материал содержится и в знаменитых проповедях Златоуста. Ориген близок по нравственным взглядам и мыслям к Клименту Александрийскому, но они рассеяны в его догматических сочинениях, на которых основывается его нравоучение.

Из отцов западной церкви или латинской известны св. Амвросий Медиоланский и бл. Августин. Амвросий написал сочинение «Об обязанностях», по образцу Цицероновского. А бл. Августин оставил несколько сочинений научного характера («О граде Божием», о «Нравственности кафолической церкви», о «Христианской науке», о «Вере, надежде и любви»), в которых развивает также и нравоучительный материал. Бл. Августин имеет огромное значение

в истории нравоучения, и его влияние в этой области продолжалось в течение многих веков. Следует упомянуть еще о Тертуллиане, проповедующем ригористическую (строгую) мораль, и Киприане Карфагенском, его почитателе.

После бл. Августина (6 век) дух самостоятельной разработки нравоучения угас. На западе (где преимущественно занимались нравоучением) учители церкви ограничивались или описанием догм, или энциклопедическим собранием и сопоставлением мнений различных нравоучителей, как христианских, так и языческих. Так составлялись назидательные сборники, вышедшие, главным образом, под редакцией Боэция. Тогда же, в начале 8го века, появились сборники (под редакцией Феодора, архиеп. Кентерберийского), представлявшие собой перечни грехов и наказаний за них и бывшие сильным средством в руках духовенства для дисциплинирования народной жизни. На Востоке же, где преимущественно разрабатывалась Догматика, появились в это время нравоучительные творения Максима Исповедника и Иоанна Дамаскина. «Священные параллели» последнего представляют богатый сборник назидательных мыслей и нравственных правил, взятых из Свящ. Писания, отцов Церкви и классической литературы.

В средние века Богословие было образовано в форму науки, и тогда же Нр. Б. также стало специальной наукой. Петр Ломбард открыл ряд выдающихся нравоучителей того времени. Но важнее для нашей науки — Фома Аквинат. В его творении Summa Thelogiae, основанном на началах бл. Августина, находим полную органическую систему нравственного учения. Изложение показывает тонкость и ясность ума автора. Католическое богословие до сих пор строится по образцу Аквината. Но, как бл. Августин имел противника в лице Пелагия, так Фома Аквинат имел противника в лице Дунс-Скотта. Вместо теономической точки зрения, он стал на автономическую точку зрения (самозакония человека); вместо веры и благодати его творение наполнено скепсисом и софицизмами. Оно впоследствии послужило образцом для иезуитов, оправдывавших произвол человеческой свободы.

Эта отрасль средневекового богословия известна под именем **схоластики,** или схоластического Богословия. Схоластика характерна преобладанием рассудка, господством отвлеченных и нередко пустых форм, изобилием рубрик с бесчисленными делениями и подразделениями, подавлением читателя множеством различных мнений и воззрений философов и богословов. В ней не было жизни и положительного раскрытия нравственных истин христианства. От этой отрасли нравоучения отлична другая отрасль, под именем **мистической**. Здесь преобладало религиозное чувство. Задача мистиков состояла в том, чтобы освобождать по возможности нравственную жизнь от внешних предписаний, вводить душу человека в более непосредственное отношение к Богу и намечать ступени богообщения, по которым душа может возвыситься до полного единения с Богом. Лучшее сочинение этого направления принадлежит Фоме Кемпийскому: «О подражании Христу». Но единение с Богом некоторые мистики понимают в смысле пантеистическом или полу-пантеистическом, т.е. в смысле обезразличения и слития божеского и человеческого существ.

В средние века образовалась еще третья форма нравоучения — **казуистическая**. Казуистика основана, в сущности, на схоластике, но имеет особую систему для таинства исповеди. Она не занималась исследованием общих законов нравственной жизни, а имела в виду лишь частные «случаи совести». Она учила, каким образом совесть может не подчиняться нравственным требованиям в том или другом своем затруднении. В то же время определялась количественная величина (качество поступка оставалось на заднем плане) каждого нравственного поступка. В этом разрешении затруднений совести много адвокатской софистики. Начала казуистики были положены, как мы видели раньше, в 8-м веке, в «пенитенциалах». Но расцветает казуистика в 13-15 веках. Наибольшей известностью пользовались 4 книги Раймунда Пеннафортского Summa de casibus poenitentiae.

Учение католического Богословия о сверхдолжных делах, о возможности откупиться от грехов, о действиях нравственно безразличных, о грехах смертных и простительных и т.п. в

казуистике было доведено до грубости и вызвало реформацию. Главная же мысль протестантизма — оправдание верой, в противоположность католическому учению о делах закона. Поэтому Лютеранское вероучение есть лирическое излияние сердца, благоговеющего перед искуплением. Здесь, следовательно, мало места исследованию, и у первых протестантов не встречается систематического учения о нравственности. Но в реформаторстве больше обращено внимание на закон и дела, и потому здесь есть место для научного исследования. Создавая Нр. Б. на новых началах, протестантские богословы в конце 16 и 17 в. окончательно возвели его в степень науки (Данеус, реформат и Каллист, лютеранин). В католической же церкви в это время действовали и писали иезуиты.

Но в протестантское богословие проникли отвлеченность и школьность, и оно начало принимать вид новой схоластики. Иезуиты же низвели безусловную нравственную идею, выраженную Свящ. Писанием и хранящуюся в Свящ. Предании, на степень авторитета видимой главы церкви, и софистическим толкованием заповедей старались поставить ее на пользу этому главе и его церкви, и в то же время сделать исполнение заповедей возможно более легким для греховного человека. В противодействие первому явился пиетизм, а в противодействие вторым — янсенизм, которые старались ввести в нравоучение простоту мысли, теплоту чувства и строгость требований...

В 18 в. Нр. Б. вступает в столкновение с философией и получает новое освещение. Протестантские богословы (особенно Буддеус и Мостгейм) ставят богословское учение на философскую почву, но английский деизм и французский материализм действуют на него неблагоприятно, и нравоучители вынуждены отступить. Не в силах бороться с нападающими, они ограничиваются лишь жалобами на развращенность нравов. Только в лице Канта богословы-моралисты нашли надежного союзника. Кантовский «категорический императив» гармонировал с их высоким взглядом на нравственные заповеди и сообщал нравоучению устойчивость и крепость. Кантовская «автономия» повлияла на то, что Нр. Б. вышло на первое место сравнительно с Догматикой. Богословы-кантианцы (де Витте, Аммон, Шварц, Флитт и др). занялись не столько догматикой, сколько нравоучением. Но в их нравоучение проникла крайняя рассудочность: они больше заботились об утонченном понимании нравственной деятельности, чем о проведении нравственности в жизнь. Для них Евангелие было не силой и жизнью, а лишь рядом моральных идей.

Усиление этого направления вызвало ответную реакцию в лице философа и богослова Шлейермахера, который освободил нравоучение от кантовского догматизма и на место беспрекословного «должно» поставил свободное «нужно». Он указал на сердце, как на источник добра и зла. Он утверждал, что самосознание христианина настроено по-христиански; он смотрел на нравственную деятельность каждого человека, как на творческий процесс, оригинальный, а не как на копию лишь закона (как у Канта). Лучшим представителем этого направления считается протестантский богослов Роте. Но к недостаткам его надо отнести излишнюю спекулятивность, не подходящую к простоте христианского учения.

В наши дни богословы-нравоучители Запада поставили своей задачей, с одной стороны — освободить нравоучение от давления философских систем и построить его просто на библейских и церковных началах, а с другой — сообщить ему научную форму и твердость. В таком духе написаны нравственные системы Бемера, Шмида, Шварца, Вутте, Пальмера, Мартенсона, Фильмера, Эттингена, Дорнера, Франка и др. — протестантские, и Брауна, Зайдлера, Риглера, Гиршера, Линаземана и др. — католические.

В нашем отечестве христианское нравоучение излагалось вначале в форме катехизиса. Известно «Православное Исповедание» Петра Могилы, митр. Киевского (17 в.) и «Катехизисы» митр. Платона и Филарета (19 в.). В то же время немало ценного нравоучительного материала найдем в сочинениях наших святителей, особенно Тихона Задонского. В систематической форме нравоучение изложено еп. Иннокентием, «Деятельное Богословие» (1819), прот. Кочетовым, «Черты деятельного учения веры» (1824), прот. Бажановым, «Об обязанностях

христианина» арх. Платоном (1854), прот. Солярским (1860, 3 части), прот. Халколивановым (1876), арх. Гавриилом (1885), учит. Пятницким (1890). Еп. Феофаном (1891), учит. Покровским (1904), под заглавием — «Православное Нравственное Богословие». Выше этих систем в научном отношении должны быть поставлены «Чтения о христианской нравственности» прот. Янышева (1906). Сюда же можно отнести «Чтения о христианской нравственности» прот. Фаворова (1880). Ему же принадлежат «Очерки нравственного учения» (1868).

Разделение науки

Нравственное Богословие может быть разделено на две части. Первая часть излагает общее учение о нравственном законе и жизни христианина, а вторая часть — частное учение об обязанностях и добродетелях его (и о грехах).

Первая часть имеет задачей, во-первых, рассмотреть составные части нравственности и показать существо ее и, во-вторых, изобразить процесс нравственной жизни христианина, начиная с возрождения и оканчивая освящением; вторая же часть имеет задачей обозреть нравственное отношение христианина к Богу, к ближним и к самому себе.

Часть первая. О нравственном законе Божием

1. Нравственная природа человека

Первобытное совершенство мира и человека

Не только в истории философии, но и в истории христианской Церкви высказывались различные взгляды на нынешнее состояние мира и человека. Крайние из этих взглядов известны под именем оптимизма, или пелагианизма, и пессимизма, или манихеизма.

По оптимистическому воззрению, мир и человек находятся в нормальном состоянии; они в сущности чисты и добры. Зло есть случайное пятно, тень, легко устранимая силами и средствами самого человека, его свободной волей. Следовательно, нет нужны в каких-либо чрезвычайных, сверхъестественных средствах для преодоления зла и для спасения. Да притом это летучее зло скорее возвышает прелесть ландшафта, чем портит его; и, след., оно удобно мирится с добром. Зло состоит, главным образом, в неведении, в недостатке образованности, в варварстве; и потому оно будет исчезать по мере развития культуры и цивилизации. Тогда утвердится господство гармонии в мире; и в этом состоит высшее благо. По воззрению же пессимистическому, зло неразрывно связано с самым бытием, с субстанцией всего существующего; след., и с существом человека. И потому человек не только находится в ненормальном и несчастливом состоянии, но в таком состоянии всегда будет оставаться, так как зло неотделимо от мира и человеческой жизни и неустранимо. След., все идеалы человеческие есть лишь фантом воображения; вся жизнь человеческая бесцельна, и высшее благо, к которому стремится человек, недостижимо.

Священное Писание и истинное христианство исправляют оба эти взгляда, совмещая в себе как то, что есть истинного в пессимизме, так и то, что есть истинного в оптимизме.

Так, Свящ. Писание яркими чертами изображает мрачную картину глубокой испорченности человечества и каждого в отдельности человека со времени грехопадения. Достаточно обратить внимание на послание ап. Павла к римлянам гл. 1-3; 5, 12 и д. (Иак. 3:2; 1 Кор. 15:22; Еф. 2:3), и затем сравнить с книгой Бытия, гл. 4-11. Вот как изображает нравственное состояние языческого мира ап. Павел: «Но как они, познавши Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобно тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, — то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте так, что они осквернили сами свои тела; они заменили истину Божию ложью, и поклонялись и служили твари вместо Творца, ... Потому

предал их Бог постыдным страстям... И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, коварства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, сомохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Рим. 1:21-31). И если обратимся к книге Бытия, то увидим фактическое подтверждение этого суждения о человеческом роде. Каиново братоубийство было резким проявлением нравственного зла в мире. Затем, о всем допотопном человечестве Бог произносит такой суд: *«Велико развращение человеков на земле, все мысли и помышления сердца их зло во всякое время. Земля растлилась перед лицом Божиим, и наполнилась злодеяниями: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле»* (Быт.6:5). Развращение человеческого рода закончилось соответствующим наказанием — всемирным потопом. Но это пример страшного наказания не исправил человечества. Зло, обнаружившееся вскоре после потопа в самом семействе Ноя, быстро развилось, достигши крайнего выражения своего во время вавилонского столпотворения. «Помышления сердца человеческого — зло от юности его» (Быт. 8:21). Дав обетование не истреблять впредь человеческого рода, Бог подверг его рассеянию по всей земле, дабы ослабить этим способом силу зла (Быт. 11:8). Но зло неудержимо распространялось. Идолопоклонство, а с ним развращение и всевозможные пороки проходят через всю историю, оканчиваясь новым состоянием разложения перед пришествием Господа Спасителя на землю. Таково состояние язычества.

Из среды языческого мира был выделен народ еврейский. Но и этот народ представляет собой не менее печальное свидетельство глубокой испорченности человеческой природы. Гордый знанием закона он до плена Вавилонского постоянно увлекался идолопоклонством (книги Судей и Царств). А увлечение служением иному богу сопровождалось грехами чувственности и всевозможными другими, которые так часто и строго изобличают пророки. А после плена вторгся дух чисто внешнего, механического исполнения закона, совершенно заслонившего внутреннюю, нравственную базу и заглушавшего совесть, сделавшего еврейский народ неспособным к истинному добру. Еще через пр. Исаию Бог взывал к еврейскому народу: «К чему Мне множество жертв ваших? — говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их» (Ис. 1:11-14). Но крайности это чисто легальное направление нравственной жизни достигло в век явления Господа Спасителя в мир.

Кому не известны строгие суждения Спасителя о фарисеях, как *лицемерах*, которые лишь *... расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежды своих ... дают десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе, суд, милость и веру ... Вожди слепые, отцеживающие комара, а верблюда поглощающие, очищающие внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды ... уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты.* И потому-то Господь Иисус Христос изрекает на них многократное *горе* (Матф. гл. 23).

Если, наконец, оглянемся вокруг себя и присмотримся к христианским обществам, то найдем, что и здесь нет ничего легче, как доказать существование греха и зла в мире и всеобщую испорченность человеческой природы. Каждая газета, каждое выступление, каждая книга, касающаяся практической жизни, сообщают нам несметное число известий о всевозможных видах греха и сопровождающих их бедствий, со всеми их скорбями и ужасами. Нравственная беспечность, сластолюбие, распутство, зависть, вражда, месть, интриги, тщеславие, гордость, властолюбие, корысть, самообольщение, лицемерие, религиозное

равнодушие, безбожие, ожесточение, попрание всего священного, междоусобие и кровопролитные войны — это все неизбежные спутники жизни и христианских обществ. Невольно приходится признаться: «*В беззаконии я зачат, и во грехе родила меня мать моя»* (Пс.50:7); *кто родится чистым от нечистого? Ни один. Если один день его жизни на земле* (Иов. 14:4); *нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не согрешил бы* (Еккл. 7:20); *все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет до одного* (Пс.13:3); *если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас* (1 Ин. 1:8); *весь мир во зле лежит (5:19); потому что все согрешили и лишены славы Божией* (Рим. 3:23). (Сравни — 2 Пар. 6:36, Притч. 20:9, Сир. 40:1, Иак. 3:2, Рим. 7:14-24, Еф. 2:2-3, 4:17-18).

Конечно, как в среде еврейского народа, так, тем более, в среде христианских обществ, есть лица, относительно праведные. Эти люди особенно ощущают в себе жало греха и замечают его вредные действия на других. Лучшие лица израильского народа с особенной силой жаждали нового откровения и истинного примирения человека с Богом, вместо приношений животных жертв; они сознавали, что еврейский народ выродится, если не последует возвещенное пророками возрождение. И среди христиан есть люди недовольные собой, порицающие себя и очищающие, те кто серьёзно сознают требования нравственного закона и по-настоящему заняты своим усовершенствованием.

Но, с другой стороны, Свящ. Писание говорит о первобытном совершенстве мира и человека. Уже из понятия совершенности Творца с необходимостью следует совершенство сотворенного Им мира. «Поелику Творец по Своему существу благ, — говорится в послании восточных патриархов о православной вере, — то посему все, что только Он сотворил, сотворил прекрасным, и никогда не может быть Творцом зла» (Чл. 4). Совместно с благостью Творец обладал и всемогуществом сотворить прекрасный мир. По свидетельству Псалмопевца, Бог *все сотвори премудростью*, т.е. наилучшее (Пс. 103:24). Но в Свящ. Писании есть и прямые указания на совершенство сотворенного мира. После обозрения своего творения Бог нашел его *добрым зело* (Быт. 1). *Все, что сотоворил Бог*, говорится в книге Екклезиаст, *есть добро во время свое*. В Новом Завете ап. Павел свидетельствует, что *всякое создание Божие добро* (1 Тим. 4:4). Потому-то можно согласиться с оптимистом Лейбницем, который говорит, что наш мир есть самый лучший из всех возможных миров. В особенности же красота и возвышенность творения открывается в человеке, *умаленом малым чем от ангелов, увенчаном славою и честью* (Пс. 8:6).

Затем, Свящ. Писание учит, что и после грехопадения сохранились в человеке остатки добра. Прежде всего, у него остался образ Божий. Изрекая Ною закон против человекоубийства, Бог указывает, что: *Человек создан по образу Божию* (Быт. 9:6); следовательно, и после грехопадения не отнимается у человека образ Божий. Восточные патриархи пишут: «Веруем, что человек, падший через преступление, помрачился и лишился совершенства и бесстрастия, но не лишился той природы, которую получил от преблагого Бога; ибо, в противном случае, он сделался бы неразумным, и, след., нечеловеком». Мало того, так как падение человека не было настолько глубоко, как падение диавола, то и дальнейшая человеческая жизнь не была совершенно оторвана от жизни Божией, и, след., сохраняла в себе в известной степени подобие Божие, т.е. человек в некоторой степени уподоблялся Богу, подчинялся норме духовно-нравственного существа.

В особенности же лучшие между людьми — основатели религий, преобразователи нравов, философы и т.д. — усиленно стремились к изысканию средств и путей для примирния человека с самим собой, к возвращению его в то первобытное состояние, из которого он вышел. О язычниках ап. Павел говорит, что язычники, не имея закона, по природе законное делают, не имея закона, они сами себе закон (Рим. 2:14). Корнилий был язычником, но тем не менее он назван в книге Деяний Апостольских «праведным и боящимся Господа» (Гл. 11:2,22). И ап. Петр засвидетельсвовал ему, что *«во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде*

приятен Ему» (Гл. 10:35). Потому-то ап. Павел приписывает законным делам язычников равное достоинство с делами иудеев перед судом Божиим: Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание? (Рим.2:26). Если фактически человечество и не могло похвалиться нравственными делами своими, то хотя бы стремления его были направлены на искание блага или нравственного идеала. Лучшая часть человечества всегда готова противодействовать дурным влечениям и действиям. Добрые и благородные стремления и действия обыкновенно находят себе признание у людей, по крайней мере, у лучших из них. Можно даже указать на некоторый нравственный прогресс в жизни древних народов, прогресс в расширении понятия личности, в выработке нравственных заповедей, в урегулировании нравственных отношений между людьми, в развитии учения о бессмертии, в переходе от легкомысленного оптимизма или скорбного пессимизма к стремлению соединить их в неком высшем единстве.

И если язычники не дошли до того, что составляет высшее содержание нравственной идеи, то, во всяком случае, они сделали некоторые предварительные работы для его достижения. Или, если перед пришествием Господа Иисуса Христа на землю язычество находилось в состоянии нравственного упадка и даже разложения, но и в его среде усиливалось желание и ожидание избавления. В особенности о еврейском народе надо сказать, что явное осознание нравственного закона Божия, живое ощущение греха, большей частью ревностное стремление к исполнению (хотя главным образом обрядовому) заповедей Моисеевых, надежда на Мессианское царство — всегда были присущи этому народу и всегда делали возможной более или менее серьезную нравственную борьбу и совершенствование. А тем более возможна истинно нравственная жизнь и полная надежда на восстановление человечества в первобытное блаженное состояние в христианстве. Оно основывается на учении Нового Завета о пришествии на землю Сына Божия и искуплении Им человеческого рода и на действии в христианской Церкви св. Духа.

Из всего сказанного следует, что воззрения оптимистическое (пеллагианское) и пессимистическое (манихейское) не могут быть приняты во внимание, хотя и содержат часть истины. Вот почему в Свящ. Писании высказывается двоякий взгляд на наш мир. С одной стороны, там заповедуется *не любить мира, ни того, что в мире* (1 Ин. 2:15); в любящем мир нет любви Отчей (там же); *дружба с миром* называется *враждой против Бога* (Иак. 4:4); мир представляется *юдолью скорби и страданий* (в псалмах); а с другой стороны говорится — *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного* (Ин. 3:16); мир представляется полем, на котором насаждается царство Божие (Матф. 13:27). След., по учению Свящ. Писания, наш мир есть как бы двустороннее существо; он ни небо, ни ад, ни оптимистичен, ни пессимистичен, но он есть преддверие к тому и другому. В нем *пшеница* и *плевелы* смешаны.

Учение Откровения о высоком назначении человека

По ясному учению Бытописателя и автора книги Екклезиаст (Быт. 2:7; Еккл. 12:7; ср. Матф. 10:28), человек есть двусоставное существо: чувственное, или естественное, и духовное, или личное.

Чувственная, или естественная, сторона человека есть общая с остальными существами и предметами физического мира; и здесь нет высшего достоинства и назначения; нет образа и подобия Божия, а есть только, так сказать, след Божий, только отражение свойств Божиих. Но так как чувственная, или телесная, сторона соединена в человеке с духовной и личной стороной в одно существо и назначена быть непосредственным органом и символом ее, то и по телу своему, по строению и выражению его, человек отличается от животных и превосходит их.

Вертикальным положением человеческого тела (в отличие от горизонтального положения тела животных), направлением лица, обозревающего все окружающее и устремляющегося взором вверх, указывается назначение человека быть господином природы (Быт. 1:26) и выполнять высшую миссию на земле. Из телесных органов, в особенности

указывающих на нравственное назначение человека, следует обратить внимание на руки. Между тем, как соответствующие рукам, органы животных служат только подпорой для тела и отчасти помогают приобретению пищи, руки человека назначены ко всесторонней деятельности. Руки делают человека способным к промышленным и художественным предприятиям и созданиям. Руками человек налагает на природу свою печать. Руку подает он ближнему в знак дружбы и примирения. Рукою же он благодарит. Руки он возносит на молитве и благословляет ими младших. Руками же совершаются всевозможные преступления. Даже есть особое умение по рукам угадывать жизнь и судьбу человека (хиромантия).

Известно также, что только в соединении с телом человек может произносить слова, а слово имеет чрезвычайно важное значение для положения человека во внешнем мире и для нравственного образования. Посредством слова весь окружающий человека мир применяется к миру его мыслей и усвояется его духу, и человек дает имена всем предметам. Когда Адам дал имена всем животным, то этим действием он как показал знание внутренних свойств их, выразившееся в соответствующих именах, так и принял их в свое обладание. Через слово же говорит человеку Дух Божий; и божественные внушения напечатлены для всех родов и веков в словах, в Библии. Связь слова с духом и человеческой нравственностью ясно выражается и в следующих местах Свящ. Писания: *от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишся* (Матф. 12:37). В объяснении притчи о «Сеятеле и семени» учение Христово называется словом (Матф. 13:19). В Евангелии Иоанна Сын Божий назван *Словом* (гл.1:1).

Но тело не есть только орган духа; оно есть и символ его. Поэтому высшее назначение человека сказывается не только при рассмотрении тела, как органа нравственного духа, но и как символа духа. Известно, что каждая человеческая личность имеет изначала данную ей индивидуальную особенность, в силу которой она отличается от всякой другой человеческой личности. И эта индивидуальная особенность каждой личности не только присуща душе, но выражена и в теле. Как нет двух человеческих душ, совершенно похожих друг на друга, так нет и двух человеческих тел (разумея внешний облик) совершенно похожих. След., и в телесной стороне человеческого существа заключено богатое начало индивидуального различия, не имеющее места в организме животных, представляющих собой только экземпляры своей породы. И при этом между индивидуальными особенностями известной души и индивидуальными особенностями тела (строения и выражения лица) есть соответствие: след., особенность тела выражает духовно-нравственную особенность. Уверенностью в этом объясняется наше желание увидеть выдающегося в каком-либо отношении человека. Уверенностью в этом объясняется и то, что мы при встрече с незнакомым человеком всматриваемся в его лицо и стараемся составить первое представление о нем на основании произведенного им впечатления на нас. Если в Евангелии говорится, что дети с доверием приближались ко Христу и восклицали ему — *осанна*, то они вызывались к тому непосредственным впечатлением, производимым на них лицом Иисуса.

В лице Господа отражалась небесная душа. Он был *прекраснее всех сынов человеческих* (Пс. 44:3), по словам Псалмопевца. И наоборот, если в кн. Бытия говорится, что Бог положил знамение на Каине (гл.4:16), по которому люди могли бы узнать братоубийцу и в страхе бежать от него, то это значит, что на его искаженном лице выразились свойства его преступной души. Потому-то мы должны быть способны и в телесной стороне человеческого существа читать рукописание Божие, наблюдать в ней высший, или небесный, тип, подмечать отражение образа и подобия Божия. Нельзя, конечно, не согласиться, что грех расстроил и испортил не только душу, но и тело, и что человек, предающийся порокам, обезображивает не только душу, но и свое тело. Но кто довольно наблюдателен, а главное — имеет в себе достаточно любви к ближним, тот и сквозь мглу страстей и пороков заметит мерцание божественной искры. Но мы, конечно, заблуждались бы, если бы захотели внешностью человека исчерпать все его внутреннее содержание, если бы захотели по внешности верно и точно судить о внутреннем. Если о животном действительно можно сказать, что тело есть вся видимая душа его, то человек

скрывает в душе своей богатство, которое никогда не может во всей полноте и точности выразиться во внешнем проявлении; следовательно, главное наше внимание при суждении о достоинстве человека должно быть направлено на его душу. Образ и подобие Божие заключаются в душе, в личности человека.

Условия личного, или нравственного, существования есть следующие: самосознание, или разум, и самоопределение, или свобода. Этими свойствами обладает человек: В силу этих свойств он есть нравственное существо, образ и подобие Божие. Силой самосознания, или разума, мы познаем и усвояем себе нравственный закон. Но о нравственном законе будет речь в следующей главе. В настоящем же месте у нас на очереди учение о самоопределении, или свободе. (Хотя и здесь подразумевается существование закона).

Надобно различать два вида свободы: свободу формальную, или психологическую свободу (свободу воли), и свободу существенную (реальную, истинную), или нравственную (свободу духа).

Формальная, или психологическая, свобода есть свобода выбора (liberum arbitrium), т.е. способность направлять свою деятельность на те или другие предметы, избирать тот или другой путь, делать себя или чадом Божиим, или рабом греха.

Свящ. Писание почти не находит нужным говорить о формальной свободе: Оно ее предполагает, как общеизвестный и несомненный факт, когда речь идет о человеке и его действиях. Так, сотворивши человека, Бог сказал ему: от всякого древа райского ты *в праве есть*, от древа же познания добра и зла *ты не в праве есть*. Яснее говорится во Второзаконии: *Я предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло: избери жизнь и будешь жить ты и семя твое* (гл.30:15-19). Иисус, сын Сирахов, пишет: Сам изначала сотворил человека и оставил в его руке произволение его: если хочешь соблюдать заповеди, и веру сотворишь и благоволение. Предложил тебе огонь и воду, на них же хочешь, простреш руку твою (Сир. 15:14-17). В Новом Завете обличительную речь к фарисеям Господь заканчивает следующими словами: *«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»* (Матф. 23:37). *«Если хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди», —* сказал Господь Спаситель богатому юноше (Матф.19:17). *«*Вы всегда противитесь Духу Святому», — говорит апостол евреям (Деян. 7:51). И в 1-ом послании к Коринфянам: — *«*но кто будучи властен в своей воле» (7:37). Мефодий Тирский пишет: *«*Бог, желая почтить человека и сделать его способным узнать лучшее, дал ему власть, по которой он может делать, что хочет; Он склоняет его способность к лучшему, но не с тем, чтобы отнять свободу, но как Отец убеждает сына учиться наукам». Человеку дана способность, которой он может повиноваться Богу, и в этом состоит произвол свободы. Вообще же, отцы и учители церкви доказывали свободу человеческой воли против язычников, гностиков и манихеев.

Свобода выбора подтверждается и самонаблюдением человека. Совершая любое действие, мы чувствуем, что сами решились на это действие и совершаем его, что ничто ни извне, ни изнутри не принуждало нас с неотразимой необходимостью, следовательно, мы могли поступить иначе. Хотя мы сознаем содействовавшие поступку причины, но, по крайней мере, признаем за собой окончательное решение, дальше которого нельзя сдвинуть действие или причину его. Никто не отважится утверждать, что он был подвигнут на совершение действия с такой же непреодолимой необходимостью, с какой движется брошенный камень. Второй факт, доказывающий свободу человеческой воли, есть раскаяние, а вместе с тем, существующие во всех человеческих обществах наказания преступников. Если человек не волен был совершить известное действие, если он не есть вина или причина его, то зачем раскаиваться, и за что его наказывать? Раскаяние есть, очевидно, сожаление человека о том, что он поступил так, а не иначе. Оно есть невольное признание, что он мог бы поступить иначе. А в действиях обыденных, не относящихся непосредственно к высшей цели или конечному назначению человека, свобода воли обнаруживается весьма ясно. Напр., гуляя по улицам города и дойдя до

перекрестка, я могу совершенно по своему изволению пойти в правую или левую сторону. (Свобода сказывается и в теоретической области, т.е. в области мышления. Без свободы было бы невозможно мышление. Мысля, мы сочетаем представления так или иначе, смотря по тому, как нам это нужно).

Свобода выбора отвергается **детерминистами**. Они исходят из того положения, что ни одно человеческое действие не может состояться без мотивов или побуждений к деятельности (со стороны ли представлений о предметах, или со стороны влечений), которыми предопределяется воля, и, следовательно, она несвободна. Но спрашивается: чем же объясняется то напряжение и та **борьба**, которую испытывает воля, прежде чем решиться на известное действие? Если все совершается само собой, независимо от воли, если воля, как думают детерминисты, лишь пассивная, или страдательная, сторона, активная же и действительная — мотивы, то зачем воле напрягаться, зачем бороться? Эта борьба не так заметна в кругу обыденных и привычных действий, но она ясно проявляется в случаях непривычных и важных. Мотивы только возбуждают, **подают повод** к обнаруживанию воли, причина же, **производящая** действие, и есть та самая свободная воля. Мотив только потому становится причиной и производит решение или действие, когда воля усвояет его себе, делает его частью себя. Полагая, таким образом, последнюю причину решения и действия воли в самой же воле, мы находим в ней способность начинать новый ряд действий, быть **причиной причины** решения и действия.

А то, что человеческая воля может действовать не иначе, как по мотивам, т.е. по вызовам со стороны представлений о достоинстве различных предметов и со стороны влечений, коренящихся в естественной индивидуальности, это указывает только на то, что она не есть безусловная воля, какова воля Божеская, но обусловлена рядом обстоятельств, т.е. ограничена. Свободная воля Божия сама есть источник бытия и его законов и, следовательно, основание своей жизни и всех своих действий заключает единственно в самой себе. Воля же человеческая получает предметы своей деятельности извне; они даются ей готовыми, а не производятся ею, следовательно, она ограничивается ими, вызывается ими к деятельности. По слову Свящ. Писания, Бог *Совершает все по изволению воли Своей* (Еф. 1:11); *Он тверд и кто отклонит Его? Он делает чего хочет душа Его* (Иов.23:13). Между тем о человеке говорится, что он должен сначала *испытывать, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная* (Рим.12:2), и только тогда действовать. Не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия (Еф. 5:17).

Далее, человеческая душа всегда живет в двух областях: ясной, сознательной, и темной, бессознательной. Содержание последней никогда вполне не переводится в содержание первой; темная и бессознательная область всегда является базисом для явной и сознательной области. Потому-то свобода человека, принадлежащая ясной области, всегда связана несвободой темной области; темные и слепые естественные влечения всегда служат, как основанием для сознательной и свободной воли, так и вызовом ее к деятельности. Между тем в Боге не существует такой противоположности; все Его существование и вся жизнь Его принадлежат области ясной, сознательной. *Он есть свет и тьмы в Нем нет, ни единой* (1Ин. 1:5; Иак. 1:17).

Существует еще мнение (бл. Августин), что, хотя человек сотворен свободным, но в акте грехопадения он потерял свободу, раз навсегда сделался несвободным (servum arbitrium), и потому вне области искупления и благодати, к которой он относится, как пассивный сосуд, может только грешить. Если и осталась у него свобода, то разве для действий обыденных и внешних, а не для нравственных и угодных Богу. Нельзя не признать глубокого смирения, искреннего чувства и относительной истины, выражающихся в этом признании. Мы уже говорили, что вне христианства и предлагаемых им средств нравственность далека от своего идеала, т.е. от самоотверженной деятельности бескорыстной любви. Но если вне христианства не существует совершенная нравственность, то отсюда не следует, что невозможна там и всякая нравственность. Не знаем ли мы в языческом мире мужей (напр., Леонида), действия которых должны быть названы благородными, честными, самоотверженными, похвальными! И неужели

Бог не полагает никакого различия между поступками преданного долгу и отечеству мужа (каков Леонид) и поступками какого-либо труса и постыдного изменника? Если бы в естественном человеке (живущем вне христианства) совершенно не было нравственной свободы, т.е. возможности делать добро, тогда было бы невозможно обращение в христианство, или, по крайней мере, это обращение не имело бы никакой цены, так как оно было бы совершено несвободно; а необращение в христианство не навлекало бы никакой вины на человека. Человек не есть только член рода, как выходит из теории нравственной несвободы со времени греха Адама, — он есть индивидуум. Потому, согрешив в Адаме и рождаясь с его первородным грехом, и существом повинным, человек в то же время или навлекает на себя еще большую вину, из-за своих личных новых грехопадений, или борется со своей испорченной природой, и, следовательно, умаляет греховную тяжесть и свою виновность.

Истинному учению о свободе приходится считаться не только с детерминизмом, но и с противоположным ему учением — индетерминизмом. По этому учению, человеческая воля индифферентна (безразлична) находится над всеми мотивами или побуждениями и во всякое время может с одинаковой легкостью следовать по своему желанию тому или другому мотиву; напр., злодей сразу может стать добрым человеком, лишь только ему заблагорассудится. Воля, по этому учению, потому и свободна, что она независима от мотивов, и свобода есть ничто иное, как чистая способность выбирать.

Мало того, что такая свобода не подтверждается ни опытом, ни Свящ. Писанием, — она не нужна нам; не о такой свободе мы хлопочем в нашей науке и в нравственной практике. Нам нужна такая свобода, которая постепенно укреплялась бы в неизменном следовании добру, а не носилась безразлично над добром и злом. При индетерминистической свободе немыслимо нравственное совершенствование. Чем больше человек укреплялся бы в добре и освобождал себя от возможности совершить зло, тем менее он был бы свободен по этому учению, а чем более был бы нравственно шаток в делании добра, тем более был бы свободен. Но кто из нас согласится с таким взглядом на свободу? Не в формальном выборе заключается сущность свободы, как увидим сейчас. А если обратимся к опыту, то заметим опровержение индетерминистического учения на каждом шагу. О каждом известном нам человеке мы составляем себе какое-либо определенное представление и предполагаем, что он при всех возможных случаях более или менее выдерживает свои привычки и свой характер. Напр., в нужде я не обращусь за помощью ни к скупому, ни к жестокосердному, а к милостивому и привыкшему помогать бедным. Задумав совершить сообща какое-либо бесчестное действие, я обращусь за соучастием в преступлении не к честному человеку, а к привыкшему не внимать голосу своей совести и вменять в ничто свою честь. Или, если я вижу, что известный человек успел победить в себе дурные влечения и не поддается искушениям, то я, отнюдь, не считаю его несвободным, — хотя ему невозможно поступить против совести, но напротив, в отсутствии этой противоположной возможности я усматриваю совершенное господство свободной воли.

Отвергая индетерминистическое учение, мы уже перешли ко второму виду свободы, а именно к свободе существенной, или истинной, к свободе нравственной, полной. Свобода в этом смысле состоит в добровольном стремлении человека к указанному ему Богом назначению, или к добру. След., не исключается и грех. Когда человек достигнет такого состояния, при котором для него исключен уже выбор между добром и злом, когда он направит себя единственно к добру, тогда он становится вполне свободен. В таком, главным образом, смысле понимается свобода в Свящ. Писании, такую свободу оно удостаивает благородного и высокого названия свободы. Напр., *и познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин.8:32); *если Сын освободит вас, то истинно свободны будете* (ст.36); *где Дух Господень, там свобода* (2 Кор.3:17); *закон духа жизни о Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти* (Рим.8:2); *кто вникает в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будет не слушателем забывчивым, но исполнителем дела* (Иак.1:25); *так говорите и так*

поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы (Иак.2:12); *сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих* (Рим.8:21).

Потому-то истинная свобода есть, по учению Свящ. Писания, осуществленная, уподобившаяся Богу личность — *новый человек, созданный по Богу в праведности и в святости истины* (Еф. 4:24), — *обновляемый в разум по образу создавшего его*; истинная свобода есть *употребление свободы не для прикрытия зла, но как подобает рабам Божиим* (1 Пет. 2:16). По этой же причине творящий грех есть, по учению Свящ. Писания, несвободный человек: *всякий делающий грех есть раб греха* (Ин. 8:34); и Господь пришел для того, чтобы освободить людей и сделать их свободными чадами Божиими; благодарим Бога, что вы прежде быв рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому придали себя (Рим. 6:17). Вообще, вне отношения ко Христу нет в Новом Завете речи о свободе. В этом смысле сказал Господь: без Меня не можете делать ничего (Ин. 15:5).

Истинность библейского отождествления свободы с конечным назначением человека свидетельствуется и в обыденной жизни. Так, когда воспитатель внушает ребенку стремления разумные и добрые, то говорится, что он нравственно «освобождает» его. Или, когда человека, склонного к пьянству или воровству, принуждают отстать от страсти, то опять выражаются, что его «нравственно освобождают». Очевидно, что здесь свобода понимается в смысле задачи или цели жизни; и в этом смысле можно делать человека свободным вопреки его желаниям. И на вопрос, почему стремление человека к добру и к богоуподоблению названо именем **свободы**, можно ответить так: Свобода вообще есть самоопределение, подчинение самому себе, а не посторонней воле, она есть независимость. След., когда человек стремится к своему истинному назначению, т.е. к добру и к Богу, он определяет себя из своего истинного и первоначального существа, а не из чего-либо постороннего, вынужденного. Когда же он делает грех, когда уклоняется от Бога и предается злу, тогда он определяет себя не по своей истинной природе, а по чуждому ей началу, по чуждой власти (так как зло и грех чужды богоданной природе человека); следовательно, он одолевается тогда внешними силами, он несвободен, он «раб греха», по словам Св. Писания. Хотя его воля свободна, но не свободен дух его, который подчинен злой воле.

Воспитание свободы и нравственного характера

Воспитание свободы в смысле, указанном в предыдущем параграфе, и образование нравственности в характере составляют главную задачу жизни человека. В каком бы направлении человек не развивался, в добром или дурном, он всегда приобретает характер, т.е. рядом свободных действий налагает на свою волю основную печать. Но высшая задача состоит в образовании нравственного характера, т.е. в сообщении воле и жизни доброго направления. Какой силы воли и крепости характера может достигнуть человек доказывает история христианского мученичества. *«Крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она — пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее»* (Песнь Песн. 8:6-7). Или вот пример Муция Сцеволы из языческого мира: чтобы показать неприятелям, с какими людьми им придется иметь дело, он спокойно положил руку в огонь для сожжения. Конечно, не все люди и даже не все христиане способны к одинаковому усилию воли, и отсюда снисхождение Бога и церкви к человеческим слабостям. Но если каждый человек обладает свободой, хотя бы в незначительной степени, то он уже имеет возможность укреплять себя и бороться. А при помощи постоянной борьбы он может переходить от степени к степени, дойдя, наконец, до такой крепости и нравственного совершенства, которые вначале казались ему слишком далекими от него и недостижимыми. Ап. Павел говорит о себе: «*не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус. Я не почитаю себя достигшим, а только забывая задняя и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе»* (Фил. 3:12-14). В этих словах апостол выражает постоянное и усиленное стремление свое по степеням к нравственному совершенству, от

которого он отстоял еще на более или менее близком расстоянии. В другом месте ап. Павел сравнивает христианина с бегущими на ристалище атлетами. Как эти последние, задавшись целью получить земной венец, все усилия употребляли на то, чтобы не уклониться на пути от цели и поскорее ее достигнуть, так должен поступать и христианин, задавшийся целью получить небесный венец (2 Кор. 9:24).

Образование нравственного характера и достижение нашей цели зависят от свободы и усилий самого человека. Но не единственно от этого. Они зависимы и от благодатной помощи Божией. Господь сказал: *«Без Меня не можете делать ничего»* (Ин. 15:5). *Благодатью Божией есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я впрочем, а благодать Божия, которая со мною* (1 Кор. 15:10). *Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению* (Фил.2:13). И даже независимо от греховного состояния человека, *всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть,* по слову ап. Иоанна, *исходя от Отца светов* (гл.1:17).

Дальше пойдет речь об отношении благодати к нравственной жизни человека и будут указаны и естественные средства, и частные правила образования воли и характера.

2. О нравственном законе

Свойства нравственного закона

Свободная воля есть один элемент или одна часть нравственности. Второй элемент, или вторая часть, столь же существенная, есть закон нравственности. Чтобы человек мог достигнуть конечной цели, или своего назначения, он должен находиться в правильном отношении к своему назначению, в надлежащем порядке. Порядок не мыслим без закона. Следовательно, в нравственной области должен иметь место закон, который дает указания, как человек должен жить, чтобы достигнуть своего назначения.

Всякий настоящий закон должен обладать двумя свойствами: всеобщностью и необходимостью. И нравственный закон обладает этими свойствами. Он всеобщ, так как тот самый закон, который я слышу в своей совести, слышат в себе и все другие люди, вырабатывая на основании слышимого положительные письменные записи. Он необходим, так как представляет собой непременное требование по отношению к человеку, хотящему достигнуть своей цели: нет другого пути к этой цели, кроме пути исполнения закона. В этом смысле нравственный закон не отличается от физического.

Но есть и различие между ними. Насчет необходимости закона скажем, что она возможна двоякая: безусловная и обусловленная. Безусловная необходимость господствует в физической природе; здесь закон непосредственно переходит в действие. В нравственной же области необходимый закон **обусловлен** признанием его со стороны свободной человеческой воли. Но это не значит, что в случае его отрицания волей человека закон разрушается в объективном своем значении. Нет, не достигая своего подтверждения со стороны человека положительным образом, он достигает его отрицательным образом. Он воздействует на человека, навлекая на него те пагубные последствия, которые неразлучны с уклонением предмета от закона своего существа, т.е. саморазложение, самоуничтожение, продолжающиеся до тех пор, пока человек снова не подчинится неизбежной для него необходимости закона. *Если отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас* (Ис.1:20), — свидетельствует пророк.

Обусловленная необходимость закона называется обязательством. Обязательство есть подчинение без принуждения. А та сила, которая обязывает и повелевает, называется авторитетом, или **властью**, по выражению Свящ. Писания. Авторитет, как и обязательство, совмещает в себе свободу и необходимость: где повеления исполняются при помощи принуждения или насилия (деспотизм), или где недостает могущества воздействовать на неисполняющих повеления, там отсутствует истинный авторитет.

А насчет всеобщего нравственного закона заметим, что хотя все люди одинаково подчиняются и исполняют один и тот же нравственный закон, но между исполнением закона и действиями различных людей есть разница. Она зависит частью от их индивидуальности, от различного склада их личности, от различия нравственной способности применять общие требования закона к частным случаям, а так же от различия в задачах, поставленных Богом разным людям. Нравственный деятель не относится к нр. закону так же непосредственно, как копия относится к своему оригиналу. Если, напр., ап. Павел внушает римлянам испытывать, *что есть воля Божия благая, угодная и совершенная* (гл 12:2), то он имеет в виду побудить их к испытанию и познанию не только общих требований, которые ко всем одинаково относятся и которые были известны римлянам, но и тех, которые были поставлены волей Божией именно им, именно в том положении, в котором они находились, и при тех духовных дарах, которыми они обладали. И в нравственной области *«один* Господь, но *различны дары».* Самая великая нравственная мудрость состоит не в том, чтобы только знать общие предписания закона и заповедей, а в том, чтобы понимать и уметь их применять в жизненных обстоятельствах.

Чтобы показать на библейских примерах различный склад нравственной жизни в силу индивидуальных различий, достаточно указать на Исава и Иакова, Марфу и Марию, апостолов Петра и Павла. Для доказательства неустранимости из нравственной жизни индивидуального элемента можно указать на любовь супружескую — это основание всякого нравственного общества. Любовь, и в частности, супружеская, заповедана нам законом, но он не может указать человеку на предмет его супружеской любви. Это уже личный выбор самого человека, но закон применим в любом случае. Это же можно сказать и о всяком нравственном действии, хотя в других случаях индивидуальный элемент не настолько очевиден. Так, напр., закон заповедует нам жертвовать собой ради других, ради общества. Но он не определяет всех частных случаев и обстоятельств этой жертвенности. Она зависит от личности каждого человека: один жертвует собой, как воин, другой — как врач, третий — как пастырь церкви, четвертый — как ученый, пятый — как друг, и т.д. В этом пожертвовании одни отдают свою жизнь, другие борются за справедливость. Каждый действует сообразно своему индивидуальному положению в нравственном мире и сообразно своей личной инициативе. Но эти положения не надо понимать как противоречие общему нравственному закону. Противоречие, конечно, возможно, но тогда мы совращаемся с нравственного пути. Пока же стоим на правильной точке зрения, не за пределами закона, не в противоречие ему, а в недрах самого закона, каждый из нас вносит нечто от себя. Каждый обязан производить нечто от себя и толковать нравственный закон в частных и непредвиденных случаях и искать средства для применения закона в каждом отдельном случае.

На основании отличия необходимости и общности нравственного закона от необходимости и общности закона физического, мы получаем ясное понятие о долге и его отношении к закону. Что такое долг, или обязанность? Долг есть признание известной личностью, среди известных обстоятельств обязанности исполнения предписаний закона. Закон относится ко всем людям и все одинаково подчинены высшей авторитетной силе. А долг, или обязанность, относится к определенному лицу, к индивидуальной личности. Закон мы исполняем, выполняя долг. Потому-то говорят: «Мой долг, я исполняю свою обязанность», но не говорят: мой закон, я исполняю свой закон.

Нравоучители эмпирического направления полагают, что нравственный закон образовался из человеческого опыта. Идея обязанности, по их мнению, идея не априорная, а апостериорная, т.е. она не есть идея первоначальная и принадлежащая человеческой природе. Она образовалась с течением времени, порождена цивилизацией и передается от поколения к поколению. Она основана лишь на привычке и традициях. Образовалась она, как любая мораль, из пользы и симпатии, т.е. из невольных влечений людей к выгодной жизни и к сочувствию подобным себе. Но против этой теории говорят всеобщность идеи обязанности и невозможность для людей ее устранить. Если бы я открыл, что идея обязанности не имеет для меня существенного значения и не связана с моей природой, то я мог бы освободить себя от нее,

однако я никогда не в состоянии этого сделать. Наследственная передача понятий добра и зла может объяснить только навык к повиновению, но никак не необходимость этого. А Кант, хотя признает идею обязанности априорной, но источником ее называет человеческий разум. Но разум человека не тот авторитет, который мог бы императивно приказать и настоять на непременном его исполнении.

Таким авторитетом может быть только святая и всемогущая воля Божия. След., последнее основание идеи обязательства есть воля Божия. *Един Законодатель и Судия* (Иак. 4:12), говорит ап. Иаков. *Бог творит все, что хочет* (Пс. 113:11). Это есть воля Божия, это есть заповедь Его, так благоугодно Богу, — часто читаем в Свящ. Писании. Ап. Павел увещает христиан познавать, *что есть воля Божия благая, угодная и совершенная* (Рим. 12:2). В воле Божией лежит последнее основание и всех человеческих законодательств, и всякого авторитета: *Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены* (Рим.13:1). Еще Гераклит заметил, что «все человеческие законы заимствуют свое питание из божественного закона». След., повинуясь или не повинуясь человеческому авторитету, повинуются или не повинуются Богу: *Противящийся власти, противится Божию установлению* (Рим.13:2).

Совесть

Воля Божия становится известной человеку двумя способами: во-первых, посредством его собственного внутреннего существа и, во-вторых, через откровения или заповеди, сообщенные Богом и воплотившимся Господом Иисусом Христом и записанные пророками и апостолами. Первый способ сообщения воли Божией называется внутренним, или естественным, а второй — внешним, или сверхъестественным. Первый — психологического характера, а второй — исторического.

О существовании внутреннего, или естественного, нравственного закона ясно свидетельствует ап. Павел, говоря: когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то не имея закона, они сами себе закон, ибо показывают, что дело закона у них написано в сердцах (Рим. 2:14-15). И на основании этого закона, написанного в сердцах, образовались среди языческих народов и составлялись писаные законы, служившие руководством для общественной жизни и воспитывавшие в каждом в отдельности человеке нравственную свободу. Хотя эти нравы и законы были несовершенны, все же без них было бы хуже, так как водворился бы в человеческом обществе совершенный произвол и распущенность. *При недостатке попечения падает народ, как листья,* — говорит премудрый (Притч. 11:14).

О присутствии в человеке естественного закона нравственности каждому говорит его совесть. Сказавши о деле закона, написанном в самой природе язычников, апостол присоединяет: *свидетельствует их совесть* (Рим. 2:15). Совесть имеет основание во всех трех известных психических силах: в познании, чувствовании и воле. Самое слово **совесть** (от ведать, знать), а также обычные выражения: совесть заговорила, совесть признает или совесть отвергает, — показывают, что в совести есть элемент познания. Далее, ощущение в совести радости или скорби, мира или недовольства и беспокойства сродняют совесть с чувством. Наконец, мы выражаемся: совесть удерживает меня от этого, или совесть заставляет меня сделать это, следовательно, относим совесть к воле. Таким образом, совесть есть «голос» (как обыкновенно выражаются), возникающий из своеобразного сочетания всех трех психических способностей. Он возникает от отношения самосознания человека к самоопределению и его деятельности.

Совесть имеет такое значение для деятельности, какое логика имеет для мышления. Или как присущие человеку чувство рифмы, такта и т.д — для поэзии, музыки и т.д. След., совесть есть нечто первобытное, врожденное человеку, а не производное, навязанное. Она всегда свидетельствует о богоподобии человека и необходимости исполнения заповедей Божиих. Когда искуситель соблазнял в раю Еву, то сейчас же явилась на страже своей совесть, извещая о непозволительности преступления заповеди Божией. Ева сказала: *плоды с дерев мы можем*

есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть (Быт. 3:2-3). Потому-то еще древние говорили про совесть: est Deus in nobis, т.е. в совести ощущается нами не только человеческое, но и выше-человеческая, или божеская, сторона. И по словам премудрого Сираха, Бог положил око свое на сердцах людей (Сир. 17:7). В этом сущность несокрушимой силы и величия совести по отношению к человеческим намерениям и действиям. С совестью нельзя торговаться, сговариваться, вступать в сделки: совесть неподкупна. Нет надобности в рассуждениях и умозаключениях, чтобы услышать решение совести: она говорит непосредственно. Лишь только помыслил человек совершить что-либо дурное, сейчас же является на свой пост совесть, предостерегая его и угрожая ему. А после совершения дурного дела совесть немедленно карает и мучит его. Не напрасно говорят, что не человек владеет совестью, а совесть владеет человеком. Человек находится в зависимости от своей совести.

Как действует совесть? По своим действиям совесть различают **законодательную** и **судящую** (наказующую). Первая есть масштаб для измерения наших действий, а последняя есть результат этого измерения. Ап. Павел называет законодательную совесть *свидетельствующей* о поступках (язычников; Рим. 2:15). А в другом месте: *Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом* (Рим.9:1). Но в Свящ. Писании больше говорится о совести судящей. Так Адам после грехопадения, Каин после братоубийства, братья Иосифа после мщения невинному — все они испытывают терзания совести в своей душе. Во 2-й книге Царств говорится о *разбитом сердце*, т.е. об осудившей совести (гл.24:10). В псалмах Давида не один раз говорится о подобном состоянии человека. В Новом Завете говорится о книжниках и фарисеях, приведших к Господу Спасителю грешницу, что: они начали уходить один за другим, *обличаемые совестью* (Ин.8:3). В посланиях ап. Петра и Павла, в местах о совести, больше говорится о совести судящей, т.е. награждающей или наказывающей.

Какие существуют состояния человеческой совести? Так как совесть есть естественный голос, слышимый в самой природе человека, то вследствие этого она находится в тесной связи со всем состоянием души человека, в зависимости от ее нравственного развития — от образования, образа жизни и вообще истории. Эта мысль подтверждается и Свящ. Писанием. История Откровения имеет своей задачей наиболее ясно раскрывать закон, и притом в согласии его с собственным познанием человека. Ап. Павел признает постепенное возрастание в человеке нравственной мудрости и требует этого, когда говорит: *Всякий, питаемый молоком, несведущ в словах правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла* (Евр. 5:13-14); и еще: *И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим.12:2). Развитие и совершенствование совести зависит как от образования ума, так и от усовершенствования воли. Строгая справедливость, в частности — любовь к истине и согласование практических действий с теоретическим познанием, — вот главные основы ясности, остроты и живости совести (совестливости). А внешние вспомогательные средства к тому есть: наставления родителей, голос и пример лучшей части общества, и главное — Свящ. Писание, ясно и в во всей чистоте раскрывающее нравственные истины и правосудно обличающее человеческие пороки.

Если совесть находится в зависимости от общего состояния человека, умственного и нравственного, образовавшегося под влиянием среды, как отдельного лица, так и целых народов, которое очень часто бывает извращенным, то по этой причине голос совести слышится разными людьми совсем по-разному, порой противоречиво. Из истории известно, что люди совершают иногда самые жестокие действия, даже страшные преступления, ссылаясь на голос своей совести. Вспомним для примера об инквизиции, об обычае языческих народов умерщвлять слаборожденных детей и одряхлевших стариков и т.п. Да и между нами нередко один со спокойной совестью совершает то, от чего совесть другого возмущается. Наконец, в одном и том же человеке совесть может говорить в разное время по разному. Отсюда следует,

что проявляется совесть не у всех одинаково, что голос ее может быть истинным и неистинным, и то и другое в различной степени. Потому-то ап. Павел в послании к коринфянам говорит о немощной или заблуждающейся совести, о совести идолов, т.е. совести, признающей идолов за действительные силы (1 Кор. 8:7,13). След., не может быть принято мнение тех, кто думает, что совесть человека содержит «полный и организованный нравственный закон, одинаковое и всегда равное содержание», и потому в случаях заблуждения и нравственной порчи ему следует только присмотреться к своей совести, чтобы понять свое заблуждение, свое извращенное состояние и обратиться на лучший путь.

История жизни языческих народов и их обращение в христианство не подтверждает этого взгляда. История говорит, как о том, что не у всех народов существует одинаковый кодекс заповедей, так и о том, что при обращении язычников в христианство дело не ограничивалось только напоминанием о содержимом их совести. Происходила трудная и продолжительная работа во всем существе язычника, непрерывное и настойчивое влияние на все его сознание. Оттого-то борьба миссионеров с языческими суевериями и нравами далеко не легка, — как было бы, если бы эта теория о совести была верна. Но, тем не менее, эта борьба возможна, дает результаты, и язычники обращаются в христианство. А это и есть признак того, что для всех людей открыта возможность исправлять свою совесть и руководствоваться правильными и чистыми ее указаниями. Каждый человек есть образ и подобие Божие.

Истинность или **ошибочность**, уверенность или сомнительность (вероятность) — вот свойства законодательной совести. Совесть же судящую мы называем **спокойной** или **беспокойной**, мирной или тревожной, утешительной или мучительной. В Свящ. Писании она называется совестью благой, чистой, непорочной или злой, порочной, оскверненной, сожженной. Перед иудейским синедрионом ап. Павел свидетельствовал, что он *всей доброй совестью жил перед Богом до сего дня* (Деян.23:1). Ап. Петр увещает христиан иметь *добрую совесть, дабы тем, за что злословят вас, как злодеев, были постыжены порицающие ваше доброе житие во Христе* (1 Пет. 3:16 и 21). В послании к евреям, ап. Павел выражает уверенность, что *имеем добрую совесть, потому что во всем желаем вести себя честно* (13:18). Он заповедует священнослужителям иметь *таинство веры в чистой совести* (1 Тим. 3:9). *И сам подвизаюсь иметь непорочную совесть перед Богом и людьми* (Деян. 24:16), говорит он о себе. В послании к евреям, апостол называет совесть злой или порочной, когда призывает *приступить с искренним сердцем, с полной верой, кроплением [Кровию Христовой] очистив сердце от порочной совести.* (Евр.10:22). В послании к Титу апостол называет совесть «оскверненной», когда говорит о людях: *осквернены ум их и совесть. Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и неспособны ни к какому доброму делу* (Тит 1:15). *Сожженными* же в совести апостол называет тех *лжесловесников*, через которых *в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским* (1 Тим. 4:1-2). Жжение обозначает здесь мучительное сознание вины.

По силе или энергии совесть называют решительной или **скрупулезной**. Ей сродни совесть мнительная. Она свойствена лицам, склонным к унынию и не доверяющим средствам очищения от грехов. Под влиянием страстей и шума мира совесть часто плохо слышна человеку и становится приглушенной. Если часто заглушать голос совести, то он становится все тише, совесть болеет, отмирает, и такой процесс оканчивается смертью совести, т.е. состоянием бессовестности.

Но, говоря о состоянии бессовестности, мы понимаем не отсутствие в человеке карательной силы совести, а только отсутствие совестливости, т.е. попрание всех божеских и человеческих законов и прав, отмирание всякого нравственного чувства. Конечно, бури страстей и шум этого мира могут заглушить и карательный голос совести. Но и в этом случае судящая совесть сказывается в человеке. Она тогда сказывается в тайном унынии, меланхолии, тоске, в состоянии безнадежности. А когда затихают страсти и шум мира (что случается в течение всей жизни, но в особенности перед смертью), тогда злая совесть обрушивается на

человека со всей яростью. Она тогда производит в человеке беспокойство и боязливость, и мучительное ожидание будущего воздаяния. Каин, Саул, Иуда, Орест могут послужить образцами. Так что совесть есть или ангел-утешитель, или диавол-мучитель.

Мы привели все выдержки из свящ Писания, относящиеся к человеческой совести. Осталось указать только на одно место в послании ап. Павла к коринфянам; оно читается так: Совесть же разумею не свою, а другого; ибо для чего моей свободе быть судимой чужой совестью? (1 Кор. 10:29). В этих словах совесть представляется индивидуальной инстанцией: это значит, что каждый человек имеет совесть только для себя. Из этого следует, что я должен остерегаться возвышать голос свой совести на степень закона для других и таким образом причинять ущерб своей совести. Я должен со вниманием и снисхождением относиться как к своей собственной совести, так и к совести других.

Закон Моисеев

Бог не ограничился тем, что сотворил человека и снабдил его нравственными силами. Сотворив человека, Он, как благой Отец, воспитывает его. А воспитание предполагает влияние на воспитываемого извне. Потому-то, дав человеку внутренний закон, Бог восполнял его по мере надобности и внешним законом, именуемом Откровением. И, след., между первым и вторым законом не только нет противоречия, но они даже дополняют друг друга.

Еще до грехопадения первого человека Бог, как видно из книги Бытия, являлся Адаму в раю и поучал его. Он дал определенные заповеди о хранении рая, о невкушении плодов дерева познания добра и зла и, вероятно, об освящении седьмого дня в неделе (Быт. 2:3). Но потребность в откровенном законе обнаружилась в особенности после грехопадения, когда притупилось и извратилось нравственное чувство и сознание. Поэтому и выразился ап. Павел, *закон дан по причине преступлений*, т.е. вследствие грехопадения (Гал. 3:19). Действительно, тот закон, который мы имеем в настоящее время в Библии, дан вследствие грехопадения и теснейшим образом связан с испорченным состоянием человека. Когда совесть человека затмилась и исказилась, тогда ей на помощь дан через Моисея закон, в котором воля Божия ясно выражена. Ап. Павел указывает и на другое значение закона Моисея: *Закон пришел после, и таким образом умножилось преступление* (Рим. 5:20), или *законом познается грех* (3:20), и еще: *без закона грех мертв... когда пришла заповедь, то грех ожил* (7:8,9); и в другом месте: *закон производит гнев* (4:15). Все эти изречения показывают, что закон дан не только для уяснения людям воли Божией, но и для раскрытия им собственного их испорченного состояния. Чтобы врачевать болезнь, надо сначала вывести наружу ее скрытый яд. А более общее значение ветхозаветного закона высказано апостолом в послании к галатам, где закон назван пестуном или детоводителем ко Христу (3:24), и ему дается воспитательное значение. Закон должен был дисциплинировать жизнь еврейского народа и побуждать его поступать согласно с предписаниями божественной воли, делаясь праведным и святым. Но, наконец, этот народ должен был убедиться, что одного закона недостаточно для достижения этой цели (*делами закона не оправдается перед Ним никакая плоть; ибо законом познается грех*. 3:20) и необходима была новая высшая помощь, явленная пришествием на землю Господа Спасителя. Язычники признавали необходимость этой помощи историческим опытом *хождения по собственным путям*, а иудеи — откровенным законом.

Ветхозаветный нравственный закон, сокращенно изложенный в десятословии, дан среди грома и молнии, и он начинается величественными и грозными словами: ***Я Господь Бог твой***! Величие и могущество Законодателя, требующего послушания, — вот первое, что внушается ветхозаветным законом и что требуется при воспитании, особенно такого грубого и склонного к языческим увлечениям народа, какими были евреи. Бог говорит, а народ должен только слушаться и исполнять. При этом каждое повеление сопровождалось угрозой немедленного наказания в случае неисполнения и обетованием награды при исполнении его: *Я Господь Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода,*

ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои (Исх. 20:5-6). Содержание закона объемлет всю жизнь человека и его отношения. Первые четыре заповеди говорят о правильном отношении человека к Богу, а последние шесть — о правильном отношении к ближним. А исполняя эти заповеди, а также и другие частные предписания Пятикнижия, человек вступает в правильное отношение к самому себе. Есть предписание и насчет отношения к природе, напр., *не заграждай уста волу, когда он молотит* (Втор. 25:4).

Касаясь всевозможных отношений человеческой жизни, предписания закона простираются до мелочей и направлены преимущественно на внешнюю сторону жизни. Этого требовала воспитательная задача, чтобы через внешнее привести человека к внутреннему. Этим же объясняется то обстоятельство, что закон выражен главным образом в форме запрещений: почти каждая заповедь начинается частицей «не». Вследствие преобладания юридического характера в ветхозаветном нравственном законе, он не отличается строго от закона обрядового и гражданского, которые столь же священны для древнего Израиля, как и нравственный закон. В Пятикнижии предписания этих трех законов перемешаны между собой. Несмотря на определенные на каждый случай требования, чтобы согласовать человеческую волю с волей Божией, сердце Израиля и его воля постоянно расходятся с требованиями закона, и для объединения с ним необходимо частое повторение заповеди — не делай того или другого. В силу всех этих обстоятельств ветхозаветный закон есть закон *рабства*, по выражению апостола (Гал. 5:1), и сам по себе он не мог дать человеку новое сердце и спасти его: *законом никто не оправдается перед Богом* (Гал.3:11). Не могли искупить грехов и приносимые жертвы: *невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи* (Евр. 10:4).

Но тем не менее, апостол говорит, что закон *свят*, и его заповеди *святы, праведны и благи* (Рим. 7:12). И Моисеев закон сам по себе совершенен, но он ограничен ввиду несовершенства времени и народа, получившего закон. В Пятикнижии весьма ясно отражены совершенства закона и необходимость соответствующей ему совершенной жизни. Так Бог, говорящий в законе среди грома и молнии, есть тот самый Бог, который давал патриархам обетования и вывел израильтян из Египта: След., за строгостью закона открываются благость и милость Божия, через закон Бог ведет человека к благодати и избавлению. И сам Моисей, хотя был усердным и строгим охранителем правды, но назван кротчайшим всех людей на земле (Числ. 12:3). Далее, хотя закон был направлен против внешних и грубых действий, но частое повторение в законе — ***не пожелай*** — показывает, что воспрещаются не только преступные дела, но и самые скрытые мысли и желания, направленные ко вреду ближних и разрушающие нравственную сущность человека. А главная христианская заповедь, заповедь о любви, есть и в Ветхом Завете: *Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим и всей душой твоей и всеми силами твоими* (Втор. 6:5), *люби ближнего твоего, как самого себя* (Лев. 19-18). Весь обрядовый Моисеев закон, хотя сильно держал в оковах евреев своей чувственной стороной, но имел символическое значение, т.е. посредством видимых предметов хотел выявить духовные и невидимые предметы. Напр., все предписания о пище чистой и нечистой, о несмешении различных родов семян, скота, даже нитей в одежде и т.д. имели в виду выявить идею разумного различения, идею установленного Богом и самой природой порядка и чистоты. А главный пункт обрядового закона — служения первосвященнического и жертвы, сопровождаемые многими чувственными знаками, были тенью *грядущих благ* (Евр. 10:1), т.е. указывали на то дело (*самый образ вещей*, по выражению апостола), которое совершено с явлением Господа Иисуса Христа.

Евангельский Закон

В идее воспитательного значения ветхозаветного закона заключается основание для вопроса об отношении к этому закону новозаветного времени. В воспитании есть всегда нечто такое, что с возрастом должно быть устранено, но и нечто такое, что должно быть сохраняемо

воспитываемым. Это сохраняемое, по мере совершенствования воспитываемого, лучше им уясняется, и в то же время ему сообщаются новые средства для высшей жизни.

Закон обрядовый, как имеющий преобразовательное значение и воспитывавший израильский народ системой видимых форм и внешних действий, в новозаветное время отменен. Это отмена предсказана пророками (*отметется жертва и возлияние, и во святилище мерзость запустения будет.* Дан. 9:27) и засвидетельствована апостолом (*закон заповедей устранив учением*, т.е Христос. Еф. 2:15). Отсюда не следует, что сама идея обрядности потеряла всякое значение с наступлением новозаветного времени. Пока человек живет на земле и для него имеет значение этот видимый и чувственный мир, до тех пор ему будут нужны и обряды. Потому обряды существуют и в христианском мире, но они здесь проще, чище, одухотвореннее. Ап. Павел заповедует христианам прославлять Бога не только в душах, но и в телах (1 Кор. 6:20). Ап. Петр призывает христиан, как живые камни: устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу (1 Пет. 2:5). Но так как обрядовая сторона имеет в новозаветное время второстепенное значение, то Господь Иисус Христос дал на этот счет лишь самые общие указания (как учением, так и Своим примером), предоставив более точные определения внешнего богослужения последующему времени, церковному законодательству. А тем более идея нравственного закона, возвещенного в В.З., вполне удержана и в Н.З. И не только идея, но и весь в совокупности нравственный закон имеет значение и силу и в Н.З., как содержащий в себе непреложную и вечную истину. Потому Иисус Христос и сказал: *Не думайте, что Я пришел разорить закон или пророков: не пришел разорить, но исполнить* (Матф. 5:17).

Иисус Христос продолжал строить на том основании, которое заложено в древнее время пророками. Но Его здание совершеннее: Он исполнил, и в то же время восполнил закон. Во-первых, Он освободил нравственный закон от его связи с юридическим порядком, с законом внешних дел, и возвысил его на степень не только дел, а главным образом внутреннего настроения, сердечного расположения. Это ясно из нагорной проповеди. *Слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду... Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем* (Матф. 5:21 и д.). А переводя закон с внешнего на внутреннее, Он сливает его в одно с собственными внутренними влечениями и требованиями человека, делает его *законом свободы, законом духа* (Гал.4:26; Рим. 3:27). В этом смысле апостол говорит о праведнике, что ему *закон положен не для праведных* (1 Тим. 1:9). Во-вторых, возвышая закон на степень духа и свободы, Господь Иисус Христос в то же время открывает существенное и сокровенное зерно закона, состоящее в требовании самоотвержения и бескорыстной любви. *Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.... Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего, а Я говорю вам: Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас* (Матф. 5:38 и д.). В-третьих, сводя Моисеев закон на закон совести и сердца, вследствие чего он написан уже не на каменных скрижалях, а на скрижалях сердца (Рим. 8:10), Господь возводил нашу мысль от земных и временных благ, которыми израильтяне побуждались к исполнению закона, к благам нетленным и вечным, устремляя мысль христианина к небу, как цели его существования, побуждая не заботиться о земных выгодах и славе, но искать *прежде всего царствия Божия и правды его,* а все прочее само собою *приложится* (Матф. 6:33). Потому новозаветный закон назван законом *благовестия* и *веры* (Гал. 2:5; Рим. 3:27). Наконец, что самое важное, Господь Иисус Христос не только сообщил людям закон, но и даровал им силы к исполнению его, между тем как ветхозаветный в этом отношении был немощен (Рим. 3:11,21).

Исполнивши Сам закон, Господь Иисус Христос и теперь всегда исполняет его в нас и за нас, невидимо пребывая в наших душах и сообщая нам благодать св. Духа. Не только слова Господа, но и личность Его постоянно действует в нас. Если, напр., заповедь о любви названа новой заповедью, то не потому, что она не была известна в Ветхом Завете, а главным образом потому, что теперь в человека вдохновлен новый дух, новое желание, силой которого он может достигнуть идеала любви. Потому-то новозаветный закон назван *законом благодати* (Гал. 2:21); он есть *сила Божия во спасение всякому верующему* (Рим. 1:16).

Св. Ириней в своей 4-й книге против ересей подробно объясняет отношение новозаветного закона к ветхозаветному. А св. Василий Великий так говорит об этом предмете: «И светильники полезны, но только до солнца; приятны и звезды, но только ночью. А если смешон тот, кто при солнечном свете зажигает светильник, то гораздо смешнее тот, кто при евангельской проповеди остается под сенью закона». А так как солнце Евангелия взошло навсегда, для всех веков и народов, то и евангельский закон, в отличие от ветхозаветного, сохранит свою силу до скончания мира. Потому закон Христов (и Новый Завет) назван *вечным* (Евр. 13:8,10). *Если бы даже мы*, говорит апостол, *или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема* (Гал. 1:8,9). Монтанисты утверждают противное. Они думают, что после века Христова наступит век св. Духа, который откроется в пророчествах монтанистов. Но, по словам Господа Иисуса Христа, Дух Святой не от Себя будет говорить, но *напомнит вам все, что Я говорил вам* (Ин. 14:26; 16:13). Задача христианской Церкви не новые откровения Божии присоединять к откровению Божественному во Христе, а только выяснять Христово откровение.

Чтобы наглядно представить отношение Господа Иисуса Христа к ветхозаветному нравственному закону, состоящее в том, что Господь и сохраняет старое, и привносит новое, проведем параллель с отношением Моисеева еврейского закона к законам других народов, языческих. По букве Моисей не много прибавил в десяти заповедях к тому, что было известно человеческому роду до него. Что убийство, непочтение к родителям, нарушение супружеской верности, и т.д. являются преступлениями, было известно не только евреям. Потому заповеди десятисловия в более или менее полном виде встречаем и у других народов, особенно в египетской «Книге мертвых». Но тем не менее израильский народ чтит Моисея, как своего нового законодателя. Новое здесь заключается, во-первых, в толковании старого закона, доведенном до обязанности любить ближних, а во-вторых, закон дан от лица всемогущего и святейшего Иеговы, учреждающего отныне новый порядок в жизни. Таково же положение Господа Иисуса Христа по отношению к ветхозаветному закону. По букве Он не сообщает нового закона; но Он сообщает его в таком возвышенном смысле, что закон, поистине, является доселе неизвестным, следовательно, новым. Кроме того, учредивши Новый Завет Своим явлением на землю и искупительной жертвой, Он сообщает новую, плодоноснейшую почву для нравственного делания и для успешного исполнения заповедей.

3. Главное начало христианской нравственности

Христианская нравственность

В чем состоит сущность нравственности, или ее главное начало? Сущность нравственности должна объединять в себе те ее стороны, которые доселе найдены в ней. А в ней найдены свобода и закон, которые и должны совмещаться в нравственности. И те нравоучители, которые выставляют односторонне или свободу или закон, проповедуют неистинное начало нравственности. Мы приступим сперва с обозрения этого неистинного начала.

Выставляющие на вид первым делом свободу, или изменчивое чувство, проповедуют эвдемонизм, или утилитаризм. В значении главного начала нравственности они ставят счастье в обычном смысле этого слова. По этой теории, деятельность человека должна быть направлена к

его благоденствию, к счастью. Такое начало часто высказывается в философском и вообще естественном нравоучении. Но оно иногда встречается и в богословском нравоучении.

Но христианину очень часто приходится предпочитать скорбные часы жизни часам веселым и привольным. Иногда бедствующего христианина мы невольно признаем более счастливым, чем иного благоденствующего. По слову Свящ. Писания, нам необходимо идти *узкой дорогой* и проходить *тесными воротами* (Матф. 7:13-14). Нам необходимо *отвергнуться себя и взять крест свой* (Матф.16:24). Мало того, не может быть побуждением к нравственности и обещанное вечное блаженство, т.е. нельзя сказать, что мы должны поступать согласно с волей Божией главным образом ради получения вечной награды. Такое побуждение было бы нечистым, своекорыстным, эгоистичным и эндемонистическим.

Для избежания нечистоты нравственности другие нравоучители становятся на одностороннюю точку зрения закона, или божественной воли. Главным представителем этого направления является философ Кант. По его учению, сущность нравственности заключается исключительно в **форме** общего законодательства, а не в материи, или содержании. А формализм Канта переходит в деспотизм, так как закон не указывает никакого основания для своих повелений и совсем пренебрегает добровольным согласием человека с законом. Sie volo, sie jubeo — вот формула нравственного закона. Подобные мысли высказывались и в богословском нравоучении. Особенно резко выразил это Дунс Скотт и его последователи. Они говорят: Бог не потому хочет добра, что добро само по себе добро, а, наоборот, добро потому и добро, что его хочет Бог. И если бы Бог назвал добром противоположное тому, что называется добром, то мы его должны были бы признавать добром. Очевидно, здесь божественная воля представляется безосновательным произволом, и относится она насильственно к человеку.

Но даже имея правильный взгляд на божественную волю, нельзя ограничиться только законодательной волей Божией. Спрашивается: в чем же состоит воля Божия, и на каком основании она одно предписывает, как добро, а другое отвергает и запрещает, как зло? Кроме того, для основания нравственности необходимо, чтобы объективная воля Божия была воспринята субъективной волей человека, и было бы согласие человека на исполнение воли Божией, чтобы она стала силой, влекущей человека. Истинная нравственность возможна только в форме свободы, она должна исходить *из доброго сокровища сердца* (Матф. 34:35).

Иные богословы указывают на «совершенство», как на сущность нравственности. И в Свящ. Писании сказано: *Будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен есть* (Матф. 5:48). Но спрашивается: в чем же состоит совершенство? В чем состоит *совокупность совершенства,* по выражению апостола? (Кол. 3:14). Очевидно, идея совершенства есть идея формальная; но нам необходимо еще знать реальное содержание нравственности.

Еще чаще указывают на «богоуподобление», как на начало нравственности. И в Свящ. Писании мы часто призываемся уподобляться Богу. Сотворил Бог человека именно для того, чтобы он сделался подобием Божиим. Но спрашивается: в каком случае мы уподобляемся Богу? В чем состоит сущность жизни Божией, которую мы должны воспроизводить в своей жизни?

Главное нравственное начало

На вопрос иудейского законника, какая большая заповедь в законе, Господь Иисус Христос отвечал: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душой твоей, и всей мыслью твоей...и ближнего твоего, как самого себя: на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Матф. 22:36 и д.). И еще: *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас* (Ин. 15:12). И апостол назвал любовь *исполнением всего закона* (Рим. 13:8-10). Весь закон в одном слове заключается*: Люби ближнего твоего, как самого себя* (Гал.5:14). Также названа любовь *законом царским* (Иак. 2:8).

Чтобы показать, насколько необходима человеку любовь и насколько свойственна его жизни, достаточно сослаться на среду, в которую вступает новорожденный, и на всякий вид деятельности человека. Дитя, появляясь на свет, тотчас же окружается такой сильной любовью,

что Господь сравнивает Свою любовь к человеческому роду с любовью матери к дитяти (Ис. 49:15, 66, 13). Обратив внимание также на человеческую деятельность, спросим: чем, главным образом, обеспечивается успех деятельности? Не иным чем, как любовью к своему делу. Чем бы мы ни занимались, прежде всего необходимо иметь любовь к предмету своих занятий. Так и в нравственной области. Все виды нравственной деятельности и христианские добродетели проистекают из любви.

Что же такое истинная нравственная любовь? Прежде всего, она есть не только непроизвольное чувство, руководимое лишь силой воображения; нет, ей присуща и воля, руководимая разумом. Глубины воли — вот основание истинной любви. Потому-то такая любовь может быть присуща человеку, когда молчат чувства и его оставила сила воображения. В чем же состоит любовь? Она есть слияние моего собственного «я» с другим «я» и, одновременно, восприятие другого «я» в мое собственное «я». Но это единение двух существ не просто слияние и обезразличение, как выходит по учению мистиков; напротив, необходимое условие истинной любви состоит в том, чтобы любящие друг друга лица сохраняли каждый свою индивидуальность. Любящее лицо не теряет себя в любимом лице, а забывает себя в нем. В этом состоит тайна и высота любви и нравственной жизни, что человек может отказаться от себя ради другого лица и забыть себя в нем, но в то же время сохранить свое индивидуальное сознание и личное достоинство. Он может жить в другом лице, но все-таки эта жизнь и его личная жизнь. Следовательно, с самосообщением соединяется в любви и самоутверждение.

Очевидно, что любовь, требующая слияние моего собственного «я» с другим «я», невозможна без самопожертвования, без самоотчуждения, весьма часто внушаемого нам Свящ. Писанием (Матф. 16:24). Другое лицо я ставлю целью, а себя превращаю в средство достижения этой цели. Но жертвуя собой, любящий обретает себя в другом, и притом обогащенным и возвышенным общей и более полной жизнью. Он следует Библейскому указанию: *блаженнее давать, нежели принимать* (Деян. 20:35). Он знает, что из всех благ, которыми человек обладает и какие можно уделить другому, самый лучший дар есть он сам, его личность (Рим. 13:8). На нем исполняется евангельское обетование: *Потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Матф.10:39). Любимое существо, в свою очередь, отрекается от себя и жертвует собой, хочет восполнить себя, живя любящим его существом. Вообще, любовь требует взаимности и поэтому имеет награду в самой себе. Нельзя сказать, что любовь основывается на взаимности; сердце может сильно любить, не получая в ответ взаимности; но целью свою любовь имеет то, чтобы достигнуть взаимной любви, она имеет надежду, что ее поймут и ответят любовью же. Там где эта цель не достигается и надежда не сбывается, там любовь не может оставаться живой и деятельной. Но одно из свойств нравственной любви есть то, что она *долготерпит*, по выражению апостола, что она *на все надеется* (1 Кор. 13:4,7). Возможна и страждущая любовь. Следовательно, не напрасно и не противоестественно заповедует нам Евангелие любить и врагов (Мат.5:44; Лук. 6:35). Любя врагов, мы надеемся *добром победить зло* (Рим. 12:21) и ненавидящих нас сделать любящими, след., достигнуть цели любви: взаимности, гармонии, мира.

В чем заключается основание любви, и где ее источник? Если мы любим друг друга, то основание нашей любви заключается в сродстве человеческой природы, и даже при индивидуальных различиях есть между нами существенная связь, скрытая в глубинах человеческого рода. В силу этой связи все люди составляют *одно тело*, по выражению ап. Павла, или «один город», — по выражению Зенона. *Это кость от костей моих и плоть от плоти моей* (Быт. 2:23): этими словами Адам выразил свой восторг при появлении Евы и любовь свою к ней, и как на основание своей любви, он указывает, что в ней видит ту же природу, какую носит в себе. Эту же мысль выражают слова Бытописателя: *для человека не нашлось помощника, подобного ему* (2:20). Следовательно, подобие составляет условие тесной связи или любви между существами.

Но общая человеческая сущность, лежащая в основе их лиц и побуждающая ко взаимной любви, указывает на более общую сущность, всеобъемлющую, или божескую, лежащую в основании первой. Как человек есть подобие другого человека, от которого он родился, так все в совокупности человечество есть подобие своего Творца, и в силу этого подобия побуждается к любви Творца. В Свящ. Писании прямо говорится, что мы *божеского рода* (Деян. 17:20). Говорится также: сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его (Быт. 1:22). И еще: в Нем мы живем и движемся и существуем (Деян. 17:28). И, следовательно, источник любви есть Бог. Он и в Самом Себе, в Своей Собственной сущности есть вечная любовь: *«Бог есть любовь»,* — говорит ап. Иоанн (4:8, 16). Сотворивши по любви мир, как Свое подобие, Бог обязал этим и человека любить Его, как свой первообраз. Любовь Божия есть первая любовь, а любовь наша есть вторая любовь. Потому говорит апостол: *Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас* (1 Ин. 4:19). Любовь Свою к миру Бог выразил в особенности ниспосланием Сына Своего для искупления человеческого рода. Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного (Ин. 3:16). В этом Божием действии выразился самым ясным образом существенный элемент любви — самопожертвование. Этот элемент должен характеризовать и нашу любовь к Богу. Мы должны отвергнуться и забыть себя, чтобы жить Богом и в Боге.

Хотя забыть себя не значит потерять себя в Боге. Как в любви Божией к нам есть не только самопожертвование, но и самоутверждение, т.е. Бог не теряет Себя в мире, но спасает мир и прославляет Себя, так и в любви человека к Богу заключается не только самопожертвование, но и самосохранение, как следствие личной индивидуальности. Если, таким образом, и перед лицом Божиим человек сохраняет свою индивидуальность, а между тем в любви к Богу он отвлекся от своего ограниченного индивидуального существования и переместил себя в область безграничного существования Божия, то отсюда само собой следует, что его жизнь получает такое изобильное содержание и наполняется таким довольством, какое никогда не может достаться в удел эгоисту, замыкающемуся в своей собственной скудной индивидуальности. Бог есть высочайший, последний источник любви и неисчерпаемый источник жизни: человеку остается только черпать из этого изобильного источника, а это ему возможно только в том случае, если он любит Бога. Ибо только пребывающий в любви, в Боге пребывает, и Бог в нем пребывает (1 Ин. 4:16). Любовь есть нечто божественное в человеке, она есть, так сказать, самое человеческое из того, что есть в человеке, и самое божественное из того, что есть в Боге.

Любовь к Богу обязывает нас и любить ближних, как подобие Божие, и вместе как средство научиться любить Бога, и доказывать свою любовь к Богу. Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо нелюбящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего (1 Ин. 4:20-21). В ближних мы любим Бога, и в Боге любим ближних. Здесь-то скрывается идея истинной гуманности. И человечество, т.е. царство ближних, шире и изобильнее единичного лица, след., перемещая себя , посредством любви, в человечество и живя его жизнью, единичное лицо обогащает и осчастливливает свою личную жизнь. Эгоист же, не выходя из самого себя, опять остается в своей узкой и бедной среде. Любовь не производит нивелирования или обезразличевания в среде членов общества; она есть начало, организующее общество, созидающее его из всех членов в одно великое и прекрасное тело, по словам ап. Павла (Еф. 4:15). Она не уничтожает положенных Богом различий в среде человеческого общества и не отрицает авторитета и почитания в среде общества, она каждому указывает свое место в историческом и общественном порядке; но в то же время она призывает всех членов общества ко взаимному услужению и помощи, требует, чтобы в каждом члене уважалась и почиталась богоподобная личность.

4. Побуждения к исполнению нравственного закона

Виды побуждений

Разрешив вопрос о начале христианской нравственности, мы также разрешили и вопрос о ее мотиве. Любовь к Богу и ближним — вот первый и самый чистый мотив к нравственной деятельности. Подобно тому, как, напр., занимающийся наукой, если любит ее, движим самыми чистыми побуждениями. Потому-то, чем выше существо по нравственному совершенству, тем более оно побуждается в нравственной жизни своей бескорыстной любовью к Богу и подобным себе существам. Так ангелы Божии побуждаются в своей жизни чистейшей любовью к Богу и подобным себе. Но человеку свойственно стремиться к покою, радости, счастью, и чем более он этого ищет в самой любви к Богу и ближним и проистекающих из нее делах, тем выше и совершеннее он в нравственном отношении. Занимающийся наукой чем более ее любит, тем более он в ней находит довольство, радость и счастье; и подобно этому Господь Иисус Христос говорит: *Любящий Меня будет возлюблен Отцом Моим и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14:21-23). Таким образом, любя Господа, душа имеет в самой себе Господа, предмет своих желаний и стремлений. Тогда человек имеет *радость совершенную*, о которой Господь Спаситель говорил ученикам Своим, преподавая им заповедь о любви, и о которой Он молился перед Своими страданиями небесному Отцу (Ин. 15:11;17:13). Послание к ефесянам ап. Павел заканчивает следующими словами: Благодать со всеми, неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа (6:24) — любящим Господа преподается Господь. Нравственный человек жаждет и будущей жизни на небе, но не потому, что он на нее смотрит, как на плату или награду за свои труды на земле (подобно слуге), а потому, что в будущей жизни он надеется достигнуть полной и неизменной любви к Богу и единения с Ним в силу этой любви, и откуда проистечет и плод его — вечное блаженство.

Мы изобразили самый высший и чистый мотив к нравственной жизни. Но не все и не всегда побуждаются этим высоким мотивом. Так как любовь к Богу в нас далеко неполная, особенно в лицах, находящихся на низших степенях совершенства, то нам часто приходится побуждать себя к нравственной жизни иными мотивами, действующими на нас принудительно. Именно, с одной стороны, представлением воли Божией, требующей послушания, а с другой стороны памятью о ожидающих нас наказаниях или награды в зависимости от исполнения или неисполнения воли Божией. На этой точке зрения находятся, напр., несовершеннолетние учащиеся, принуждающие себя к занятию наукой и к хорошему поведению мыслью о приказании и об ожидающих их наказаниях или награде. Не только Ветхим Заветом, но и Новым мы часто побуждаемся к нравственной жизни указанием на эти мотивы. С одной стороны, здесь говорится: По примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: *Будьте святы, потому что Я свят* (1 Пет.1:15-16). *Ибо такова есть воля Божия* (1 Пет.2:15), *ибо то угодно Богу* (1 Пет. 2:19); *сия есть заповедь Божия, да веруем во имя Сына Его Иисуса Христа и любим друг друга, как Он заповедал нам* (1 Ин. 3:23).

С другой стороны, говорится: *Бога бойтесь* (1 Пет.2:17). *Придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими, и тогда воздаст каждому по делам его* (Матф. 16:27). *Что посеет человек, то и пожнет* (Гал. 6:7). В частности: ищущие удовольствие в различных постыдных делах *получат возмездие за беззаконие* (2 Пет. 2:13). *Открывается гнев Божий на всякое нечестие и неправду человеков* (Рим. 1:18). *Теснота и скорбь на всякую душу человека творящего злое* (Рим.2:9). Конец служащих греху — *смерть* (Рим. 6:21-23;1:23). И наоборот: соблюдающий заповеди Божии *войдет в жизнь* (Матф. 19:17) и *великим наречется в царствии Божием* (Матф. 5:19). Кто не ослабеет, тот *в свое время пожнет* (Гал. 6:9), — труд его не будет *тщетен перед Господом* (1 Кор. 15:58). Подвизающимся добрым подвигом *соблюдается венец правды* (2 Тим. 4:7-8). Даже напоивший жаждущего чашей воды во имя Христово *не потеряет своей награды* (Мар. 9:41). Кратковременное легкое страдание верующего и праведного человека *производит в безмерном преизбытке вечную славу* (2 Кор. 4:17). Или кому неизвестно ублажение Господом Спасителем в нагорной беседе *смиренных, сокрушенных, кротких* и т.д.

(Матф. 5:3 и д.). Каждому известно и изображение в Евангелии вечного мучения грешников и вечного блаженства праведников.

А самое низшее побуждение к нравственной жизни состоит в принуждении себя к ней не ради духовных и вечных благ, а ради чувственных и временных — земных. Но и это побуждение не исключено совсем Свящ. Писанием. Особенно в Ветхом Завете богоизбранный народ часто побуждался Моисеем и пророками к верному служению Богу и к исполнению своих обязанностей указанием на ожидающее его в этом случае земное благополучие. И в Новом Завете говорится, что ищущим царствия Божия и правды Его *все земное само собой присоединится* (Матф. 6:33). *Всякий, кто оставит домы или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную* (Матф.19:29). *Благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей* (1 Тим. 4:8). А людям злым предвозвещается стеснение, разорение и разрушение до основания их благосостояния (Лук. 19:42-44).

5. Действия человека-христианина

А. Добродетель

Проявления человеческой воли, согласные с божественной волей и произрастающие из любви к Богу и ближнему, называются добрыми, или добродетельными, а не согласные с законом и происходящие из эгоизма и самолюбия называются злыми, или греховными, — грехом. Таким образом, слово «добродетель» равносильно со словом нравственность, а слово «грех» равносильно слову безнравственность. След., свойства добродетели те же, что и нравственности, а именно — свобода и законность; а одушевляющее начало в добродетели есть любовь. Но человеческая свобода сама по себе недостаточна для исполнения нравственного закона и одушевления искренней любовью к Богу; в том состоит отличие христианской добродетели от языческой, что в первой содействует благодать Божия. О благодати в отношении ее к нравственной деятельности уже отчасти упоминалось и будет еще речь впереди, а сейчас ограничимся только некоторыми замечаниями о добродетели.

В древнее время спрашивали: одна ли добродетель или их много? Изучима ли добродетель или нет? Стоики утверждали, что добродетель одна. Они говорили, что кто имеет одну добродетель, тот имеет и остальные добродетели, потому что все они теснейшим образом связаны. Добродетель, действительно, одна, если иметь в виду единство действующей воли, закона деятельности и характера, вырабатываемого нравственной деятельностью. Потому и выразился ап. Иаков: *Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем* (2:10). Почему? Потому, что согрешивший в одном повреждает единство своей воли, разрушает целость нравственного своего характера, преступает единый закон и единую святую волю Законодателя (Иак. 2:11). Но добродетелей много, если принять во внимание множество различных предметов человеческой деятельности, множество сторон и моментов, переживаемых человеком в своем усовершенствовании. С этой точки зрения, добродетель дробится. В одном отношении человек может быть более добродетельным, в другом — менее, или даже порочным; один только начинает добродетельную жизнь, и его добродетели еще слабы, разрознены и немногочисленны, а другой уже усовершенствовался, и его добродетели крепки, полны и закончены. Единая, по существу, добродетель раздроблена до крайности у католических богословов, особенно у казуистов и иезуитов. В этом отношении они противоположны стоикам.

Изучима ли добродетель? Сократ считал ее изучимой, но он смешивал добродетель со знанием. Аристотель справедливо ему заметил, что кроме знания есть в добродетели упражнение и привычка. Действительно, насколько в добродетели есть знание, а именно — знание правил деятельности и обстоятельств ее, настолько она изучима, и, таким образом, родители и учителя могут прямо сообщать детям и ученикам добродетель. Но насколько

добродетель есть упражнение и привычка, настолько она неизучима, т.е. непередаваема из книг и уст учителей и родителей, ее нужно приобретать каждому для себя. А это главное в добродетели.

Б. Грех. Понятие о грехе, порок

Сознательное и свободное противление воли человека нравственному закону и божественной воле называется грехом. *Грех есть беззаконие*, говорит ап. Иоанн (3:4). Таково формальное определение греха. По содержанию же грех противоположен любви, они есть эгоизм или ложное самолюбие. Вместо того, чтобы сосредоточить свою жизнь в Боге, греховный человек ставит себя самого целью своей жизни. Он захотел быть *как боги*, т.е. вздумал удовлетвориться самим собой, независимо от какого бы ни было высшего существа. *Все ищут своего*, так характеризует ап. Павел греховных людей (Фил. 2:21). Потому он увещевает христиан, чтобы *живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего* (2 Кор. 5:15), — *никто не ищи своего, но каждый пользы другого* (1 Кор. 10:24). А предаваясь только самому себе, греховный человек предает себя и миру. Совместно с ложным самолюбием его характеризует ложное миролюбие. Потому апостол говорит о грешниках, что *они поклонялись и служили твари вместо Творца* (Рим.1:25).

Существование греха и зла в мире издавна составляло величайшую загадку для мыслителей. Они не могли себе объяснить, каким образом в благом мире могло возникнуть и существовать зло. Эти свои затруднения и недоумения они оканчивали тем, что признавали зло и грех неизбежным явлением человеческого рода. Одни думали, что человек непременно должен был согрешить вследствие того, что он существо ограниченное; другие думали, что ко греху неизбежно привело то обстоятельство, что он облечен чувственным телом, и т.д. Были и такие (персы, манихеи), кто смотрел на зло, как на субстанцию, имеющую столь же самостоятельное существование, как и добро. Но все эти теории ни к чему не привели. Остается наиболее правдоподобным, и для христианина несомненным, учение Свящ. Писания, по которому грех и зло появились как следствие свободного выбора и решения человеческой воли.

Чтобы в настоящее время согрешить, для этого не потребуется так много усилия человеческой воли, как много потребовалось его для прегрешения первого человека. Причина этого различия заключается в том, что нынешний человек, потомок Адама, уже от природы носит в себе наклонность ко греху, или *похоть*, по выражению ап. Павла (Рим. 7:8). Эта врожденная каждому из нас похоть есть самый главный источник искушения, а грех всегда начинается с искушения. Ап. Иаков говорит: *Каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью* (1:14). Но этим внутренним искусителем не исключаются внешние искусители: именно — мир, который, по слову апостола, *весь во зле лежит* (1 Ин. 5:19), и диавол, который *ходит как рыкающий лев, ища кого поглотить* (1 Пет. 5:8); *наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6:12). Диавол искушал Иова, искушал Ананию (Деян. 5:3), искушал самого Господа Иисуса Христа (Матф. 4:1). Бог же может только испытывать человека, но не искушать. *Бог не искушается злом, и Сам не искушает никого* (Иак. 1:13). Различие между испытанием и искушением заключается в цели. При испытании человека имеется в виду добрая цель, именно — укрепление воли в добре и оправдание добродетели (2 Пет. 1:10). В этом смысле надо понимать слова ап. Иакова, который говорит в утешение христианам, находящимся в скорбях: С великой радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения (Иак.1:2). При искушении же имеется в виду злая цель, именно — вовлечения человека в грех. В этом смысле надо понимать слова Господа Иисуса Христа, который научил нас молиться небесному Отцу: *не введи нас во искушение*.

Искушаемость сама по себе еще не есть грех. Можно быть искушаемым и не согрешить. Пример видим в лице Господа Иисуса Христа. Грех начинается тогда, когда воображение и чувство услаждаются и пленяются предметом искушения, когда воля соизволяет искушению и

увлекается им. Пример видим в лице нашей праматери Евы. Потому-то ап. Иаков говорит, что грех рождается тогда, когда похоть зачнет: *Похоть же зачавши рождает грех* (1:15). А грех производит смерть, т.е. внутреннее и внешнее бедствие, во свидетельство того, что грех обещал обманчивое счастье: *содеянный грех рождает смерть* (там же).

Вследствие повторения греха человек приобретает навык к прегрешению, грех становится привычкой, и в то же время в человеке укрепляется сила страсти. Соединение привычки со страстью порождают порок. Привычка и страсть настолько овладевают порочным человеком, что он становится ослепленным и нравственно несвободным существом. Они влекут человека к удовлетворению своих постыдных желаний, как влечется к удовлетворению своих естественных инстинктов животное. В пороке особенно ясно сказывается связь греховного человеческого мира с демонским царством. Этой связью объясняется то заклятие, то очарование, которому подвергается порочный человек. Не напрасно об Иуде, страдавшем пороком сребролюбия, сказано, что в него вошел сатана (Ин. 13:27).

Виды греха

Грехи можно делить по содержанию и по степени виновности. По содержанию разделение грехов произведено ап. Иоанном: *все в мире похоть плотская, и похоть очей, и гордость житейская* (1 Ин. 2:16). Гордостью житейской назван грех высокомерия — гордость и гнев. Похотью плоти назван грех плотоугодия, или страсть к чувственным наслаждениям, чревоугодию и сладострастию; а похотью очей названы грехи алчности, любостяжания и зависти. Таким образом, существует шесть главных грехов, из которых рождаются все другие. Если присоединим к ним еще один грех, именно леность как боязнь духовно-нравственного напряжения, то получим семь главных грехов, согласно разделению символических книг нашей Церкви.

А по степени виновности грехи разделяются сообразно степени вовлеченя воли в совершение греха и сознания нарушенного закона. Чем яснее сознавалась попранная заповедь и чем больше употреблено энергии на совершение греха, тем тяжелее грех; и наоборот. Стоики признавали все грехи равными. Но в Свящ. Писании ясно предположены различные степени между грехами, когда говорится: *предавший Меня тебе больший грех имеет* (Ин. 19:11); ап. Иоанн различает грех не к смерти (1 Ин. 5:16). Истинно в учении стоиков то, что все грехи свойства противобожественного, и в этом смысле все они равны. Потому говорит ап. Иаков: кто весь закон соблюдет, а согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем (2:10). Но грехи могут быть богопротивны в большей или меньшей степени.

Существуют степени порока или порочного состояния, и чтобы определить степень виновности в грехе, надобно знать все порочное состояние человека. Различают состояние нравственного нерадения и беспечности, самообольщения, нравственного рабства и ожесточения.

Нравственное нерадение и беспечность — это такое состояние, при котором человек не хочет углубляться в самого себя и размышлять о лежащих на нем обязанностях и о результатах своей деятельности, а живет, как придется, как внушает ему природа и порядки окружающей среды. Ап. Павел называет такую жизнь жизнью *без закона* (Рим. 7:9). Он же сравнивает ее с состоянием сна: *встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос* (Еф. 5:14).

Если при состоянии беспечности, человек забывает о необходимости изменения и улучшения своей жизни, то на следующей ступени, а именно — ступени самообольщения, он уже отрицает эту необходимость. Таким примером может послужить богатый евангельский юноша, вообразивший себя исполнившим все заповеди и нравственно совершенным (Матф. 19:16). К самообольщению может присоединиться лицемерие, что еще хуже. Примером служат фарисеи. Богатый юноша не лицемерил и думал, что он действительно исполнил все заповеди от своей юности; между тем как фарисеи, выдававшие себя перед людьми за праведников, хорошо сознавали, что они за люди и какие низкие дела они часто совершали.

Нравственное рабство есть такое состояние, при котором человек, погрязая в пороке, не имеет ни охоты, ни сил освободиться от него. Иной раз раб греха, быть может, делает попытки стряхнуть с себя грех, но грех опутал его оковами, и потому попытка его напрасна. А испытав несколько раз неудачу, он, наконец, прекращает всякие попытки и влечется путем погибели. Даже лучшие из людей ощущали в себе присутствие *закона греха* (Рим. 7:23) и *преданность греху* (ст. 14), которая в худших случаях может дойти до невозможности выкупа.

Наконец, ожесточение есть такое греховное состояние, в котором человек заглушил в себе всякое нравственное чувство, упорно противится всяким добрым влияниям на него, ненавидит и попирает все доброе, находит удовольствие в зле как зле. Пророк Исаия изображает это состояние словами: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите, ибо огрубело сердце народа сего (Ис. 6:9). Это же состояние имеет в виду и ап. Павел в послании к ефесянам: *помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их, они, дошедши до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью* (4:18-19).

Крайняя степень ожесточения называется грехом против Св. Духа. Об этом грехе говорит Господь Спаситель: *всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам. Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему, если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем* (Матф. 12:31-32). Грех против Св. Духа есть грех нераскаянности. Этот грех не может быть отпущен человеку, так как человек сам изгоняет прощающую людей благодать Божию.

6. Нравственное вменение

Условия вменения

Из факта свободы воли человека непосредственно следует ответственность его за свои действия. То, что человеческие действия вменяемы, значит, что он за них должен получить или награду, или наказание, смотря по своей заслуге или вине. Выражение «вменение» встречаем в книге Бытия: *Авраам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность* (15:6), в книге Псалмов: *Блажен муж, ему же Бог не вменит греха* (31:2), — в послании к римлянам: *воздаяние делающему вменяется не по милости, а по долгу. А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность* (гл.4:4-5) и коринфянам: *потому что Бог во Христе примирил с Собой мир, не вменяя людям преступлений их* (5:19).

Вменение или оценка человеческих действий совершается прежде всего внутри самого человека, в его собственной совести. Здесь человек непосредственно ощущает, что совершенные им действия составляют его неотъемлемую собственность, что суд совести или его одобряет, или осуждает. Но суд совести не непогрешим, по крайней мере, пока человек живет на земле, в состоянии неполного нравственного развития. Потому говорит апостол: *я и сам не сужу о себе, ибо хотя я и ничего не знаю за собой, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь* (1 Кор. 4:3-4). Итак, высший судия человеческих дел есть Бог, который *испытует сердца и утробы* (Иер. 17:10), перед очами Которого *вся тварь обнажена и открыта* (Евр. 4:13). Он, по слову ап. Иакова, как наш *законоположник*, так и судия (4:12). Но так как каждый из нас принадлежит к человеческому обществу, а в идее этого общества лежит мысль, что оно должно быть блюстителем справедливости, и, след., в праве судить наши действия и награждать или наказывать за них, то мы подлежим суду общества церковного и гражданского в лице их представителей. Выражение *не судите, да не судимы будете* относится к частным отношениям человека к человеку, а не к отношению человека, как члена общества, к обществу. А то, что в этом человеческом суде проявляется, в последнем основании, суд Божий, можно видеть в особенности в таинстве исповеди; здесь связываемое или разрешаемое представителем Церкви связывается или разрешается Самим Богом. Но так как и суд общества есть прежде всего суд

человеческий, а все человеческое всегда несовершенно, то мы опять приходим к тому заключению, что один Бог совершенный, вполне справедливый судия.

Основным правилом вменения должно быть то, что нам вменяется только совершенное самостоятельно и свободно. След., все совершаемое в период детства, когда человек *по младенчески говорит, по младенчески рассуждает* (1 Кор. 13:11), не может быть вменяемо ему. Потому-то св. Церковь призывает детей на исповедь только с семи лет. И гражданские законы отсылают малолетних преступников в исправительные заведения, а не в тюрьму или в ссылку. Но и взрослый человек может находиться в состоянии невменяемости. Так мы не вправе говорить о вменяемости грезящих во сне, лунатиков, помешанных и т.п., которых нравственное бытие, так сказать, связано (ср. Быт. 9:20 и д.). Хотя это положение надо несколько ограничить. Так преступление, совершенное в состоянии опьянения, — на том именно основании, что человек добровольно довел себя до такого состояния, в котором невольно совершил преступление, он повинен, если не прямо в самом действии, то за то состояние, в котором его совершил. Здесь вменение бывает посредственное. Вменяются и безнравственные сны, если они следствие безнравственной жизни. Нельзя вменять действия, которые нас насильно принудили совершить. Человек, упавший с крыши и убивший прохожего, невиновен. Или если в период христианского мученичества язычники насильно руками христиан повергали ладан в огонь идолам, или оскверняли христианских женщин, то последние были неповинны. Мученица Лукерия сказала: «над телом вы властны делать что хотите, но дух наш принадлежит Христу. Тело не оскверняется, где нет согласия воли и ума; а воли нашей вы никогда не можете привести в согласие на греховное действие; Бог смотрит на согласие воли, а не на телесное действие, производимое насилием». Также не имеет места вменение в случаях неведения закона. Господь сказал фарисеям: *если бы вы были слепы, не имели бы греха* (Ин. 9:41). Но по отношению ко взрослым христианам надобно сказать, что неведение их большей частью не извинительно и должно быть вменяемо совместно с действиями, совершенными в сознательном состоянии, даже при неведения. Такое именно суждение Господь высказал о фарисеях. Он говорит, что явление Его на земле и дела, которые Он сотворил, должны были вывести их из состояния неведения; и потому они не имеют извинения в грехе своем (Ин. 15:22 и д.). *О рабе, неведавшем воли господина своего и сделавшем достойное наказания*, Господь говорит, что и он *бит будет,* хотя *меньше* (Лук. 12:48). Язычники, по неведению поклонявшиеся идолам, *не безответны*, по словам апостола, так как имели возможность познать Бога (Рим. 1:19-20). И в Ветхом Завете за грехи неведения требовалось принести очистительную жертву (Лев. 5:17-19).

Проследим частные правила вменения. Эти правила в настоящее время надобно знать каждому, так как любой может быть призван в присяжные заседатели и должен будет судить людей.

Во-первых, надо обратить внимание на то обстоятельство, первое ли это преступление закона и одиночное ли, или закон часто нарушается этим человеком и может быть преступление одно из целого ряда противозаконных действий. Если человек в первый раз, однажды наткнулся на противозаконное действие, то вина его смягчается, если же он часто преступал закон, то виновность его увеличивается. Во-вторых, надо исследовать, вышло ли противозаконное действие из зрелого обсуждения, или оно совершено необдуманно. Необдуманный проступок не настолько тяжек, как обдуманный. В-третьих, надо узнать, не было ли совершено преступление в состоянии сильного аффекта, т.е. большего душевного возбуждения, волнения, в сильной страсти. В-четвертых, бывают случаи, когда человек находится в слишком трудных обстоятельствах, напр., в крайней нужде, в большом горе, в великом страхе: в этом случае наказание может быть смягчено. В-пятых, надобно дознать, не был ли соблазнен человек на преступление. Совершивший преступление без прямого соблазна, виновнее введенного другим человеком в преступление. В-шестых, нам вменяется не только совершенное действие, но и все его последствия (Цар. 3:11 и д., Матф. 18:6). Напр., если родители живут беспутно и беспорядочно, то им вменяется не только их собственная безнравственная жизнь, но и таковая

же жизнь их детей, поскольку она есть следствие небрежного воспитания. Вообще, чем больше человек мог предвидеть пагубные следствия своих действий, тем он повиннее, а чем более эти следствия были от него скрыты, и он не мог их предвидеть, тем менее он повинен. В-седьмых, основанием для смягчения вины может послужить нерадивое воспитание, полученное провинившимся. Наконец, следует обратить внимание на признание преступника в преступлении. Можно думать, что сознавшийся в преступлении сожалеет о нем, и поэтому уже находится на пути исправления.

7. Адиафоры; коллизия обязанностей

Адиафоры (нейтральные)

Адиафорами, или нравственно безразличными действиями называются такие действия, которые в законе ясно незаповеданы, не запрещены, т.е. они не подходят прямо ни под категорию добра, ни под категорию зла. Это такие действия, как танцы, шутки, игры, посещение театра, светская музыка, пышность в одежде, пище и питии и т.п. Область адиафор есть в особенности область тех действий и состояний, которым человек предается во время отдыха после трудов и развлечения в свободное время.

Но эти действия отнюдь не безразличны. Они всегда или нравственно дурны, или нравственно хороши. Они дурны, если причиняют ущерб нравственности и когда эстетически прекрасное находится в противоречии с нравственным началом. Кто не знает, что театральные представления, танцы, игры, балы, особенно маскарады, роскошь в пище и одежде, беседы в собраниях нередко бывают такого свойства, что положительно должны быть запрещены, как разрушающие нравственную природу человека. Или с целью отдыха предаваться длительному сну, который много превосходит потребность организма. Но если указанные средства развлечения и отдыха умеренны и благородны, если они не противоречат достоинству человека-христианина, то их следует признать нравственно благими, так как они освежают наш дух, укрепляют наши силы для исполнения обязанностей, сообщают нам энергию для несения трудов. А всему, помогающему нам переносить труды и исполнять обязанности, принадлежит известная степень нравственного достоинства.

Возможны и такие случаи, когда даже действия, находящиеся в непосредственном отношении к высшей цели жизни, являются в нравственном отношении безразличными. Это бывает при нравственном неведении, напр., в жизни малолетних детей. Для дитяти, в котором сознание долга и закона не развито, безразлично многое из того, что важно для взрослых, просвещенных нравственным сознанием. Но не следует забывать, что там, где нет нравственного сознания, нет и нравственности; здесь мы имеем дело с актами до-нравственности, и не может быть речи о нравственно безразличных действиях, как их понимают защитники адиафор.

Если обратимся к Свящ. Писанию, то найдем, что оно даже такие действия, как еда и питье для поддержания организма, считает не безразличными в нравственном отношении. *Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию*, говорит ап. Павел (1 Кор. 10:31). А творить что-либо во славу Божию — это не безразличное действие, а нравственно доброе. В другом месте апостол требует все совершать во имя Господа Иисуса Христа: *все что вы делаете словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца* (Кол. 3:17). В книге Апокалипсис то состояние, в котором человек ни тепел, ни холоден, т.е. безразличен, осуждается, как нравственно дурное (3:15). Осуждая фарисейское отношение свободной воли к нравственному закону, Свящ. Писание требует, чтобы любовь к добру и стремление к царству Божию проникли до самой глубины человеческой души и чтобы отсюда они распространялись на все действия человека, на все слова и движения, объединяя их в одной конечной цели и сообщая всему нравственный характер. Каждый из моментов человеческой жизни, даже самый незначительный, имеет отношение к целому. Будем ли

рассматривать жизнь в длину, на ее продолжительность, или в ширину, т.е. на область деятельности, всегда действует одна и та же нравственная личность, и она повсюду ищет указанное Богом разумно-свободному существу назначение. Хотя нравственные обязанности не дробятся до такой степени, чтобы каждому моменту и движению человека соответствовала особая обязанность, но отсюда не следует, что есть моменты в жизни совсем не касающиеся нравственности, — предписания закона заменяют здесь нравственное расположение и такт, при которых нет безразличия.

Вопрос о «позволенном»

С вопросом об адиафорах связан и даже совпадает с ним, вопрос о «позволенном» или предоставленном человеку. Область позволенного есть прежде всего область тех эстетических действий (танцев, театра, игр и т.д.), которые некоторые считают нравственно греховными, другие — безразличными, а иные — позволенными (так как они в Писании ни заповеданы, ни запрещены). Позволенным именем можем назвать их и мы.

Мы ограничили уже область позволенного тем, чтобы оно не заключало в себе противоестественных элементов. Теперь мы должны сделать новое ограничение в этой области, отмечая слова апостола: *все мне позволительно, но не все полезно* (1 Кор. 6:12), *все мне позволительно, но не все назидает* (10:23). Эти слова означают следующее: хотя все названные предметы, принадлежащие к области позволенного, вообще говоря, позволительны, но в частности, т.е. для известных лиц, они могут быть «не полезны», — могут не назидать человека, а портить его, и поэтому они не позволительны. Потому смотря по внутреннему состоянию личности можно решить, в какой мере каждый из нас может принимать участие в развлечениях указанного рода, и как вообще широка для него область позволенного. Что одному позволительно, то другому может быть во вред.

Напр., тому, кто чувствует в себе избыток юношеских сил, — танцы подходящее развлечение; но танцевать под старость — совсем не подходящее занятие, след., танцы приличествуют юношеству.

Таким образом, все те развлечения, которые тормозят нашу нравственную деятельность, должны быть признаны непозволительными. Это те действия, которые оставляют жало в нашей совести или препятствуют настроению духа, выраженному апостолом: непрестанно молитесь. Надо обращать внимание на выбор предметов для отдыха и развлечения, на индивидуальность, на возраст, на звание и состояние, на остальные обязанности, чтобы не причинить им ущерб. Можно припомнить в настоящем случае слова ап. Павла: все, что не по вере, грех есть (Рим. 14:23). Комментируя эти слова, один моралист говорит: «все то грех для меня, что не вышло из того основного убеждения, которое должно быть определяющим началом для всей моей жизни, что не находится в согласии с ним».

«Сверхдолжные» совершенства и Евангельские советы

Устранив учение об адиафорах, или нравственно безразличных действиях, мы доказали, что в области человеческой воли нет ничего слишком ничтожного и маловажного, и все действия определяются законом или божественной волей. Теперь следует доказать, что в области свободной воли нет ничего слишком высокого, что выходит за пределы нравственного закона. А между тем католики допускают последнее в учении своем о сверхдолжном совершенстве. Представляя нравственный закон в виде известного количества заповедей, копируемых человеком в своей жизни, они думают, что возможно подняться выше предписаний закона туда, где начинается сфера чистого изволения человека (проще выражаясь — произвола) и необычайных заслуг его; здесь воля Божия не может предписывать человеку, а только разве советовать.

Католики ссылаются для подтверждения своего учения на различение евангельских Заповедей и евангельских советов. Основывая вообще все учение о «советах» на месте из

Евангелия Луки: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17:10), они, в частности, для обетов нищеты и девства приводят известные места из евангелия от Луки гл. 18:22 и от Матфея, гл. 19:11; 12:21, и из послания ап. Павла к коринфянам, гл. 7; 9:4. 5:14-17. На основании этих мест и в нашей православной церкви существует обет монашества. Но, по учению нашей церкви, монахи своими обетами не совершают чего-либо сверхдолжного. Евангельские советы, по нашему учению, не состоят наряду с заповедями, как нечто совершенно отличное от них, а в пределах заповедей и обязательства; и след., они также есть заповеди, но не для всех, а для известных личностей, при известных обстоятельствах. О евангельском юноше, которому Господь предлагал отказаться от имущества и следовать за Ним, мы знаем, что он опечалился и отошел от Господа Иисуса. Господь, посмотрев вслед отходящему, сказал ученикам Своим: *как трудно имеющему богатство войти в Царствие Божие.* След., исполнение предложенного юноше совета было для него условием достижения небесного царства; а если так, то это не был совет в обычном смысле слова для всех, а такой совет, который был сказан для этого юноши. То же следует сказать и насчет обета девства, о котором Господь Иисус Христос сказал: *не все вмещают слово сие, но кому дано: могущий вместить, да вместит.* Выражение *дано* ясно показывает, что избрание брачной или безбрачной жизни не предоставлено произволу человека, но должно основываться на индивидуальном даровании и состоянии каждого. И, след., кому сообщен дар к безбрачной жизни, но он не воспользовался им, тот должен быть обвинен подобно ленивому рабу, зарывшему свой талант. А если так, то и совет девства имеет значение заповеди, но не для всех, а для лиц к тому призванных. На это обстоятельство и у православных христиан не всегда обращается должное внимание; следствием чего бывает то, что многие лица, имеющие дар к безбрачной жизни, не поступают в монашество (считая поступление в него зависящим только от их изволения, а не от повеления Божия, которое состоит в их индивидуальности и обстоятельствах жизни). И наоборот, многие лица, не получившие этого дара, поступают в монашество (считая это зависящим от их произвола). А место из евангелия от Луки (17:10), в котором говорится о *неключимом рабе*, неправильно объясняется католическими нравоучителями. По их толкованию, Господь Иисус Христос называет *неключимым,* т.е. ничего не стоящим, незаслуженным, того христианина, который совершает только то, что обязан совершить; след., говорят, христианин может совершить больше того, чем требуется от него обязанностью. На самом же деле мысль этого евангельского места такова: что бы человек ни совершил доброго, он должен сознавать, что совершил только то, что обязан был совершить, и не может претендовать на заслугу, на сверхдолжное совершенство и награду. Если же Бог награждает нас, то Он делает это по милости Своей. И мы неключимые, т.е. незаслуженные рабы, тем более, что мы грешники и следовательно, нам надлежит просить о прощении, а не претендовать на награду.

Положительное же опровержение католического учения о сверхдолжных совершенствах и выходящих за пределы долга евангельских советах заключается в заповеди о любви, которая есть венец закона. Если мы обязаны любить Бога от всей души, от всего сердца, от всего помышления, то не следует ли отсюда, что все, что бы мы ни совершили благого, будет только исполнением любви; а **любовь** есть не совет только, предоставленный изволению человека, а общехристианская заповедь. Надо еще принять во внимание место из послания ап. Иакова: *кто разумеет делать добро и не делает, тому грех* (4:17). След., если евангельские советы *добро* для кого-то, то неисполнение их вменяется ему в вину, оно *грех* для него. Таким образом, если человек находится в таком положении, при котором поступление в монашество есть для него наилучшее действие из всех возможных, то оно тогда становится для него строгой обязанностью. Если же оно для такого человека не кажется строгой обязанностью, то только потому что им не понято, что это лучшее действие из всех возможных. Кто не согласен с этим положением, тот предполагает, что человеку позволительно избирать худшее.

В том обстоятельстве, что воля Божия не всех обязывает к одинаковому способу ее осуществления, и что не всегда сразу бывает ясно для каждого, в чем состоит *благая, угодная и совершенная воля Божия* по отношению к нему (Рим. 12:2), заключается объяснение смысла слова «совет», в отличие от слова заповедь. Истинная сторона католического учения состоит в том, что каждый должен «советоваться» с самим собой и с другими. Но это совещание должно быть направлено только на то, чтобы исследовать волю Божию, которая должна быть непременно исполнена в данном случае; однако это последнее обстоятельство не принято во внимание католиками.

Но исправляя католический взгляд на евангельские советы и проистекающие отсюда следствия, мы не можем оставить без внимания и протестантский взгляд на этот предмет. Протестанты не признают монастырей и монашеский образ жизни, они не хотят знать таких учреждений, которые состоят из лиц, посвятивших себя высшей религиозно-нравственной жизни, сделавших для себя заповедями такие евангельские советы, как безбрачие, нестяжательность и отречение от своей воли. Но если среди христиан есть лица, которые по своим индивидуальным дарованиям делают для себя заповеди из евангельских советов и которые промыслом Божиим направляются на такой путь жизни, то отсюда само собой следует, что эти лица составят особый круг в среде христианского общества и будут жить особыми общинами, в монастырях. Монастыри не создавались искусственно, но они сами возникали вследствие стремления некоторых лиц к высшей духовой жизни. Этот взгляд подтверждается историей. Следовавшие евангельским советам вначале жили разъединенно, скрываясь в пустынях, пещерах и других уединенных местах. Впоследствии, в силу естественного стремления человека к сожительству с подобными себе они соединились в общины и основали монастыри. А что безбрачной и вообще подвижнической жизни их принадлежит высшее нравственное достоинство — это будет объяснено и доказано дальше.

Коллизия обязанностей, казуистика

Хотя долг каждого человека один, но он подразделяется на множество обязанностей. Путем исполнения этих обязанностей, каждый из нас исполняет свой долг, а вместе с тем — нравственный закон. Наша задача состоит в том, чтобы расположить гармонично и своевременно выполнение этих обязанностей, чтобы каждая имела свое время и они между собой не сталкивались. Однако в нашей жизни, где грех произвел расстройство и беспорядок, такое столкновение часто происходит; оно называется коллизией обязанностей. В этом случае человеку надо в одно и то же время исполнить две обязанности (что невозможно), или исполнением одной обязанности нарушить другую. Напр., Ирод поклялся дать плясунье все, что она попросит; она попросила главу Иоанна Крестителя. Здесь, очевидна, коллизия двух обязанностей: обязанности соблюсти клятву и обязанности не причинить безвинно смерти человеку. Или напр., в дом забежал человек, преследуемый убийцей, и умоляет скрыть его; я его скрыл. В этом случае мне предстоит или сказать неправду, заявив, что этого человека здесь нет, или же выдать преследуемого, нарушив обязанность любви к ближнему, поступив безжалостно. Или случай о таких детях, родители которых живут в разладе, отец запрещает то, что мать повелевает, и наоборот: здесь коллизия обязанности повиновения отцу и обязанности повиновения матери.

В средние века образовалась целая «наука» — казуистика, поставившая себе задачей разрешать сомнительные и запутанные случаи совести. Но со временем эта «наука» потеряла доверие вследствие искусственности и непригодности ее для жизни и даже развращающего влияния на общество. Казуисты старались предусмотреть всякий случай нравственной жизни (даже не встречавшийся) и создать для него правило. Выполнение такой задачи невозможно и излишне. Да и занимались они часто такими предполагаемыми случаями, о которых лучше бы умолчать. Остатки казуистики можно найти в современном католическом нравоучении. Протестантские же богословы решительно заявляют, что нравоучение не имеет никакого дела с

казуистикой; по их мнению, во всяком сомнительном случае решать дело должна единственно совесть человека, его моральный кодекс, и никаким правилам тут нет места. Мы же, православные, избрали средний путь; он и есть истинный путь.

Прежде всего, надо заботиться о предупреждении коллизий, и в особенности таких, в которых мы сами виноваты. Напр., человек не исполнил срочной работы, и в следующее время произойдет столкновение двух работ: прошедшей и настоящей. Для избежания подобных коллизий надо время распределять целесообразно. Надо все делать в свое время (*всему час и время всякой вещи под небом*, говорит Екклезиаст 3:1), тогда все обязанности будут находиться в гармонии между собой, и время нам не будет казаться ни слишком длинным и скучным, ни слишком коротким для выполнения необходимого.

Надо также следить за тем, чтобы ложную коллизию не принять за действительную, т.е. столкновение обязанности со склонностью. Напр., жадный к деньгам прикрывает свою страсть обязанностью заботиться о семье; склонный к воровству оправдывается недостатком насущного хлеба и т.д. К тому же классу кажущихся коллизий принадлежат случаи между обязанностями права и обязанностями любви. Напр., один католический священник воровал кожу, чтобы шить бедным сапоги. Это уже случай заблуждения или, по выражению ап. Павла, обольщения человека, воображающего, что можно благотворить неимущим, нарушив права имущих. Названный католик не обратил внимания на слова ап. Павла: *кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделить нуждающемуся* (Еф. 4:28).

В случаях же действительной коллизии надо руководствоваться следующими правилами. Во-первых, обязанности, предметы которых высшего свойства, надо предпочитать тем, которые свойства низшего. Потому мученики приносили в жертву свою жизнь, т.к. главной обязанностью для них было сохранить правду и веру. По этому же правилу мы обязанность сострадания к животным приносим в жертву обязанности развивать науку (когда производим эксперименты над животными ради интересов жизни человека). Это же правило имеет в виду ап. Павел, когда говорит: *Повиноваться подобает Богу, больше нежели людям* (Деян. 5:29; 4:19).

Во-вторых, надо предпочитать более широкие обязанности более узким. Этому правилу следует воин, когда оставляет семью и идет служить отечеству, которое есть более широкая группа, чем семейство. Такому же правилу следуем и мы, когда жертвуем своими интересами ради спокойствия и благополучия других.

В-третьих, возможен случай столкновения высоты обязанности с ее шириной. В этом случае широта обязанности должна быть принесена в жертву высоте обязанности. Напр., семья и отечество шире по объему индивидуальной личности, и потому индивидуум должен жертвовать собой ради них; но семья и общество не вправе потребовать от индивидуума поступить бесчестно, пожертвовать своей честью (совершить кражу, нарушить клятву) ради сохранения жизни и благополучия семьи или отечества. Имея в виду последние два правила, можно обсудить, что есть истинного и что есть ложного в совете Каиафы, данном иудеям, *«лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб»* (Ин. 11:50).

Мы не утверждаем, что эти правила дают точные указания для всех случаев коллизий; таких точных указаний не существует. Каждый индивидуальный случай требует особого обсуждения и решения. Правила служат для изощрения совести и для приобретения нравственного такта. Решать вопросы должны совесть и такт — *чувства, навыком приученные к различению добра и зла* (Евр. 2:14). Чем чище и совершеннее совесть человека, тем вернее будет решение вопроса. Чем больше человек заботится о приобщении того духовного снаряжения, о котором ап. Павел говорит в послании к ефесянам (6:10-17), тем удачнее будет он поступать в каждом данном случае. *Бодрствование и молитва* имеют значение и здесь. *Кто водится духом Божиим* (Рим. 8:14), тот выйдет победителем из самых запутанных обстоятельств. Из евангельских сказаний мы знаем, что для Господа Иисуса Христа не существовало никаких коллизий. Самые хитросплетенные речи фарисеев разрывались, подобно паутине, перед Его

всесветлым взором и чистым намерениям (Матф. 22:15 и д.). След., истинный ученик и последователь Христов может надеяться на благополучное разрешение коллизий и на сохранение чистоты и спокойствия совести. Если же ему случится иногда из-за исполнения одной обязанности не выполнить или отодвинуть на время в сторону другую, то его успокоение состоит в мысли, что это не по нежеланию, а по невозможности одновременно исполнить две обязанности. Намерение же его то, чтобы всегда целесообразно сочетать все обязанности.

8. Иисус Христос — образец нравственной жизни

Черты нравственного совершенства Иисуса Христа

Для преуспевания в нравственной жизни недостаточен отвлеченный закон, нужен еще конкретный пример такой жизни. Мы имеем такой образец в Боге: *будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен есть* (Матф. 5:48); но нам нужен еще такой пример, который выполнил бы требования и осуществил нравственный идеал, в тех условиях, в которые поставлены мы. Такой образец вселяет в нас веру в возможность истинно-нравственной жизни на земле, привлекает нас к добродетели и пролагает путь к такой жизни. Таковой образец мы имеем в лице воплотившегося и пожившего на земле Господа Иисуса Христа. В Свящ. Писании есть немало мест, призывающих нас к подражанию Христу. Напр., в послании ап. Петра читаем: *Христос пострадал за нас, оставив нам пример, чтобы мы шли по следам Его* (1 Пет.2:21). *Кто говорит, что пребывает во Христе, должен поступать, как Он поступал* (1 Ин.2:6). Ап. Павел призывает христиан иметь те же чувствования, какие были во Христе: *ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе* (Фил. 2:5), *не угождать себе, как и Христос себе не угождал* (Рим. 15:1-3), *ходить в любви, как и Христос нас возлюбил* (Еф. 5:2), *взирая на начальника и совершителя веры Иисуса* (Евр.12:2). Сам Господь сказал Своим ученикам после умовения ног: *Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам* (Ин.13:15); и на любовь Свою указывает, как на пример любви их друг к другу: *да любите друг друга, как Я возлюбил вас* (Ин. 15:12).

Присматриваясь к образцовому значению для нас жизни Иисуса Христа, находим, что Он осуществил в Своей жизни высочайшую нравственную свободу и совершенную любовь. Эта свобода выразилась в отсутствии в Нем греха и ощущения греховного бремени, в гармонии Его характера, исключающей страсти и всякие увлечения, и во владычественном и независимом отношении к миру. В сознании полной свободы от греха Он говорит: *кто из вас обличит Меня в неправде?* (Ин. 8:46) или *идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего* (Ин. 14:30). Как безгрешного (хотя искушаемого), его не тяготила совесть и не возбуждала в Нем сознания разъединения с божественной волей.

Гармоничный характер Господа Иисуса исключал одностороннее преобладание в Нем одной какой-либо стороны человеческой личности. Напр., мы различаем мужские и женские характеры, с преобладанием отличительных свойств. Во Христе Спасителе же мы видим гармоничное сочетание мужских совершенств, именно — несравнимой борьбы, побеждающего мир героизма, и женских — мягкосердечия, безграничной преданности, крайнего терпения, беспредельного послушания. Мы различаем характеры замкнутые и созерцательные, и открытые и деятельные, или практические. Во Христе же Спасителе видим гармоничное соединение созерцания и практической деятельности.

А отсутствие в Господе Спасителе увлечений и страстей видим из того, что в Нем никогда не превозмогает одно какое-либо душевное состояние и не преобладают другие. Напр., глубокая скорбь скоро сменяется в нем душевной радостью, радость тотчас же растворяется печалью (Мк. 14:8-9); гнев смягчается состраданием, а сострадание переходит в гнев (Матф. 23:39); среди унижения Господь Спаситель никогда не забывает Своего царственного величия; и среди величия всегда сознает, что Он принял зрак раба и пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить другим. Отвергая в Господе Спасителе присутствие страстей, мы

утверждаем, что в Нем было только одушевление и сильное желание выполнить Свое предназначение на земле. Потому говорит Он: *огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся* (Лук. 12:49).

Имея нравственную свободу в Самом Себе, Господь Иисус Христос столь же свободен во всех Своих отношениях к окружающему миру. Напр., Он постится, но Он «есть и пьет», когда находит это нужным. Он находится вне семейных отношений, но Он принимает приглашение на брак. Он не имеет где главы преклонить, но Он никогда не просит ни у кого милостыни. Он считает Себя свободным от уплаты подати на храм, однако уплачивает подать, находя это нужным для Своей цели. Фарисеи искушают его, хотят уловить в нарушении Моисеева закона, в возмущении против царской власти, но Он единым словом обличает все их козни и выходит из искушения победителем. Народ восторгается и хочет провозгласить Его царем, но Он выше всякого земного чествования.

А любовь Господь Иисус Христос выразил тем, что ради нас оставил тихое жилище в Назарете и вступил на тернистый путь жизни, с неимоверным самоотвержением и терпением трудился ради блага и спасения людей, сносил их слабости и их прекословия и поношения, принимал презираемых всеми мытарей и грешников, благословлял детей, избирал любимых Им учеников, был близок к Своему родному израильскому народу, обнимал в то же время любовью весь мир и, наконец, добровольно отдал жизнь Свою за людей. *Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою* (1 Ин. 3:16). Любовь Иисуса не устраивает трогательных сцен, не изобретает изысканных выражений; однако сколько неподражаемой нежности заключено в прощальной беседе Спасителя с учениками, или в восстановлении по воскресении павшего Петра!

А любовь к небесному Отцу Господь Иисус Христос выразил безусловным послушанием, полной преданностью, верным исполнением воли Отца, внутренним единением с Отцом и искренней молитвой, часто продолжавшейся всю ночь. Даже в те часы, в которые Отец, по-видимому, оставляет Его (на кресте), любовь Его остается неизменно верной, обращаясь с мольбою к Отцу.

Подражание Христу. Благодать Св. Духа

Последование Христу не должно быть копированием Христа, буквальным воспроизведением всех действий Его; иначе мы должны бы совершать и все чудеса, сотворенные Господом Иисусом Христом. Иисус есть наш Спаситель, наша же задача воспользоваться плодами спасения в тех условиях, среди которых мы поставлены на земле. По слову апостола, в нас должны быть *те же чувствования*, то же направление воли, какое было в Иисусе Христе. Тот же образ или способ действий, какой был в Нем. Хотя Иисус Христос, как Единородный Сын Божий был Лицом единственным среди людей, но в то же время Он выразил в Своей жизни и оставил нам определенный пример человека, которому мы должны подражать и воспроизводить в себе.

Вторая ошибочность в учении о подражании Христу, свойственная рационалистам, состоит в том, будто мы можем быть истинными подражателями Иисуса Христа и проводить истинно богоугодную жизнь, не находясь во внутреннем, духовном единении с Господом Иисусом Христом и имея Его только своим внешним образцом. Нет, отношение между личностью Христа Спасителя и личностями христиан не такое внешнее, как существует между учителем и учениками. Нельзя сказать, что ученики должны не только поучаться у учителя, но и черпать из его жизни пример для самих себя. Между тем, христиане, поучаясь из слов Господа и подражая Его примеру, должны в то же время черпать полноту жизни из Его личности, жить его жизнью. Это требование ясно выражено Господом Иисусом Христом словами: *Как ветвь не может приносить плода сама собой, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без*

Меня не может делать ничего (Ин. 15:4-5). Из этих слов видно, что Господь есть для нас не только учитель и образец, но и источник нравственной жизни.

Силой, открывающей нам этот примерный источник и помогающей нам черпать из него и жить по учению и образцу Иисуса Христа, является Святой Дух, Его божественная благодать. *Благодатью Божией есмь то, что есмь*, говорит апостол (1 Кор.15:10). Был ли когда-нибудь истинный христианин, который благодарил бы самого себя за свое нравственное христианское состояние, а не Господа Иисуса Христа, изобильно посылающего ему благодать через Св. Духа? Благодать необходима как для начала христианской жизни, так и для ее продолжения. Апостол говорит, что без благодати мы даже не можем *помыслить о чем-либо добром* (2 Кор. 3:5), и даже *не знаем, о чем молиться, как должно* (Рим. 8:26). Плодами же благодати называются в Свящ. Писании *все христианские добродетели* (Любовь, радость, мир, долготерпение и др. Гал. 5:22-23), *вся полнота* нравственного совершенства (1 Фес. 5:23). И какой христианин не испытал, что благодать Св. Духа необходима не только для первого воспарения души к Богу, но и позже, когда снова начнет овладевать душой пустота и бессилие?

9. Возрождение и освящение

Возрождение, как дело божественной благодати

Хотя развитие нравственной христианской жизни, от первых неуловимых начал до ее совершенного состояния святости (говоря относительно), включает большое разнообразие душевных состояний и влияний на душу благодати, но все это можно подвести под главные понятия такие, как *возрождение, обращение* и *освящение* (выражения библейские).

Действия Божии на человека называются возрождением. Основное возрождение, в собственном смысле слова, совершается в таинстве крещения младенцев, следовательно, до сознания и до свободы. Все последующее основывается на этом возрождении (как и в естественной жизни все сознательное и свободное предполагает бессознательную и несвободную область, из которых оно развивается). Следовательно, человек не может поистине обратиться, если над ним не совершено таинство крещения, когда силою Св. Духа заключается союз между Богом и человеком, которому открывается неизъяснимый родник благодати. Но кроме возрождения в крещении, совершается возрождение Богом человека в самостоятельной и свободной его жизни. Так как человек есть разумное существо, влияние Божие сказывается не только на бессознательной стороне его жизни, но и на сознательной, и спасение человека совершается не только силой благодати Божией, но и собственными его усилиями. Это возрождение можно назвать возрождением в широком смысле этого слова.

В сознательной и свободной жизни благодать Божия влияет на человека возрождающим образом, во-первых, посредством слова или проповеди о Христе, и, во-вторых, обстоятельствами жизни человека или Промыслом Божиим. О возрождении посредством слова говорит ап. Петр: *как возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия, живого и пребывающего во век.... а это есть то слово, которое вам проповедано* (1 Пет. 1:23-25). И ап. Иаков: *Он родил нас словом истины* (1:18). А обстоятельства жизни, способствующие влиянию возрождающей благодати бывают внешние и внутренние. К внешним относятся, во-первых, различные бедственные потрясения целых обществ и каждого человека в отдельности; напр. пр. Аггей говорит: *еще раз...Я потрясу небо и землю, море и сушу, и потрясу все народы, — и придет Желаемый всеми народами, и наполню Дом сей славою, говорит Господь Саваоф* (Агг. 2:6-8). Во-вторых, различные Божии благодеяния, ниспосылаемые человеку: напр., изъявление Господом готовности посетить дом Закхея настолько одушевило и обрадовало его, что в его грешной душе сейчас же произошел благоприятный кризис. А ко внутренним обстоятельствам относятся душевные ощущения нужды, неудовлетворенности и неполноты жизни. Человека, невозрожденного нравственно, печалит то обстоятельство, что он находится *во тьме и сени смертной* (Ис. 9:2), т.е. лишен истинного просвещения, не обладает

истиной, или, что *нет любви Отчей в нем* (1 Ин. 2:15), что он и сам никого искренне не любит и другими не любим, — или, что *скорбь и теснота в душе его*, как *человеке, творящем злое* (Рим. 2:9), и что к тому еще он *собирает себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия* (Рим. 2:5), — или, вообще, что *имеющий Сына имеет жизнь, а не имеющий Сына, жизни не имеет* (1 Ин. 5:12).

Обращение же есть дело человека. Обращение есть радикальный разрыв со грехом, «совлечение ветхого человека и облечение в нового человека», по выражению апостола (Еф. 4:22-24), вступление на новый путь жизни. Этот разрыв совершается человеком сознательно и свободно, но под влиянием божественной благодати. Свободная воля и благодать объединились, и в нем учредилась новая личность, положено начало новому характеру, совершилось возрождение и обращение. Ап. Павел говорит: *кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор. 5:17). *Восхотев, родил Он нас словом истины, чтобы нам быть некоторым начатком Его созданий* (Иак. 1:18).

Обращающихся можно разделить на три класса. К первому классу отнесем тех, кто после крещения пошел дорогой тяжелых грехов и пороков. При обращении, они должны были порвать с этими грехами и пороками. Для примера можно указать на блудного сына. Этот разряд лиц имеет в виду ап. Павел, когда говорит: Благодарение Богу, что вы бывши прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя. Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности и т.д. (Рим.6:17-18). Ко второму разряду отнесем тех лиц, кого нельзя назвать тяжкими или очевидными грешниками, но живущих не по чистому идеалу Евангелия, а по относительным идеалам благоразумия; хотя они не оставили Бога, но усердно служат и миру; по выражению апостола, *они порабощены вещественным началам мира* (Гал. 4:3), живут *по стихиям мира* (Кол. 2:8, 20). Ап. Павел говорит о себе, что он все свои преимущества, которыми обладал до обращения, вменил ради Христа *в тщету*, и даже *в уметы* (Фил. 3:5 и д.); этим сильным выражением он хочет показать низшее достоинство тех благ, к которым было привязано его сердце до обращения, сравнительно с тем благом, участником которого он сделался после обращения. А к третьему классу отнесем тех, кого можно назвать лучшими из среды христиан. Это те христиане, которые и в детстве жили благонравно и, подрастая, сохранили себя, относительно говоря, невинными и усердно служили Господу. И таким лицам также необходимо обратиться. Из притчи о блудном сыне мы знаем, что прекословия с отцом вышли не только у младшего сына, оставившего дом отца и пошедшего путем порока, но и у старшего, никогда не оставлявшего дом отца и жившего по его воле (Лук. 15:28 и д.). След., и старшему сыну, сравнительно невинному и любившему отца, необходимо было сложить с себя нечто строптивое (Иов.4:17 и д.). — Кроме того, обращение есть не возвращение, оно есть углубление. Наступает для каждого без исключения христианина период в жизни, когда он должен сознательно убедить себя поступать во всем так, как он знает о христианских требованиях, и свободно возыметь решимость идти путем христианских добродетелей. И тогда обращающимся нередко приходится выдержать настоящую борьбу с сомнениями. Без указанного же обращения их жизнь будет лишь стереотипным повторением окружающей среды с чертами естественного благонравия, и потому будет мало иметь нравственного достоинства. Углубление может совершиться и при обращении других изображенных нами категорий лиц. Так, о блудном сыне говорится, что он в себя пришел (Лук. 15:17).

Время обращения

Когда наступает надлежащее время для углубления человека в самого себя и для обращения? Это зависит от индивидуальности человека. Есть люди, которые уже с детства обнаруживают влечение к размышлению и углублению в себя и которые потому раньше других созревают в религиозном отношении. Но опасно искусственными средствами преждевременно обращать детей к религиозно-нравственному развитию. Время такого обращения совершается

по выходе из детского возраста. Кроме того, мы не может предписывать божественной благодати время и порядок влияний на сознательную и свободную жизнь человека. «Время посещения Господня» (Лук. 19:4) предоставлено Богу.

Сразу ли совершается обращение или постепенно? Если иметь в виду поворотный пункт от одного состояния к другому, то обращение совершается сразу, но до этого поворота имели место подготовительные моменты, имеющие свою историю, и в этом смысле оно совершается постепенно.

Можно ли помнить время обращения? Его невозможно помнить, если оно совершилось исподволь и незаметно, если мы долго и много боролись, не однажды падали, прежде чем победили врага. Помнить факт обращение возможно, если оно приурочено к какому-либо выдающемуся случаю (можно для примера указать на бл. Августина), или если мы проявили особую энергию и сразу одолели противника. Тогда время вступления на новый путь жизни бывает памятно для нас.

Обращение сопровождается чувством радости об избавлении от оков греха и погибели, и о принятии в сообщество и жизнь Божию. Это радость *о Духе Святе* (Рим. 14:17). Нашедший сокровище, говорится в евангельской притче, *от радости* идет и продает все, что имел (Матф. 13:44). Но не всегда степень радости соответствует степени совершившегося обращения. Вследствие многих обстоятельств, напр., индивидуальности человека, трудностей выдержанной борьбы и опасения, как бы сохранить приобретенную победу, — радостное и спокойное чувство может не соответствовать вполне факту обращения; человек может еще некоторое время быть беспокоен или печален, хотя, в сущности, он уже имеет основание радоваться. И наоборот, радостное чувство может предшествовать обращению, человек может успокоиться, хотя обращение на самом деле еще не последовало. Потому нельзя вполне доверять своему чувству и делать его единственным мерилом для измерения своей степени обращения. Об этом должны свидетельствовать и дела, ему свойственные.

Как думать о позднем обращении и даже лишь на смертном одре? Так как *Господь не хочет смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иезек. 33:11), то мы не вправе указывать предел, дальше которого, со стороны Божеской, невозможно обращение человека. Бог не может не внимать мольбам человека, если они искренни. Он не может отвергнуть грешника, с воплем утопающего, простирающего к Нему свои руки. Он не отверг и распятого разбойника в последний час его жизни. Но со стороны человеческой, обращение становится тем менее возможным, чем он долее его откладывал. Греховная привычка, с годами все более укореняющаяся, весьма затрудняет возможность обращения. То же производит и предсмертная болезнь в сопровождении мучительного беспокойства и далеко не располагающая к исправлению души и к обращению. Поэтому откладывать обращение в высшей степени опасно. Откладывающий обращение совершает грех против Св. Духа. Господь Спаситель призывает нас не медлить, говоря: Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал бы тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу (Матф. 5:25-26). Помни, Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили года, о которых ты будешь говорить: «нет мне в них удовольствия», доколе не померкли солнце и свет и луна и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем (Еккл. 12:1-5).

Покаяние и вера

Если поточнее анализируем акт обращения, то найдем в нем два момента: покаяние и веру. *Покайтесь и веруйте в Евангелие*: — такими словами начал проповедь Господь Спаситель (Мр. 1:15). О покаянии и вере проповедовал народу и Иоанн Предтеча. Первое есть отрицательный момент, а вторая — положительный. Эти два момента не являются разделенными актами, т.е. будто сначала выполняется один акт, а потом другой; они совместны.

Покаяние есть живое сознание греха в себе и решительное отрицание его в глубине души. В нем можно различать моменты раскаяния и покаяния. Раскаяние есть глубокая внутренняя скорбь, душевная мука, сопровождающаяся осуждением своих грехов. Если бы оно не перешло в покаяние, т.е. в искреннее **желание** быть избавленным от грехов и спасенным милостью и благодатью Божией, в **решимости** «встать и пойти к Отцу своему», следовательно, в такое состояние, которое уже проникнуто верой, то оно перешло бы, наконец, в отчаяние, так как в самом себе человек не находит ничего, чем он мог бы заплатить за свою вину. Но он имеет источник, из которого может черпать *благодать на благодать* (Ин. 1:16). Покаяние, вообще, есть сокрушение и воззвание о помиловании не из-за того лишь или другого частного содеянного греха, хотя и это должно иметь место, а из-за всего вообще состояния виновности, из-за того, что человек отделен от Бога. Смотря по индивидуальности человека, процесс раскаяния и покаяния выражается или тихой грустью, или беспокойным волнением. Как на образец раскаяния и покаяния можно указать из Ветхого Завета на царя Давида, а из Нового — на мытаря.

А вера есть добровольное признание истин Откровения, в особенности истины воплощения и страдания Господа Иисуса Христа ради спасения человеческого рода и близкого присутствия Его при каждом христианине, и в то же время вера — это искренняя готовность и желание быть спасенным Им и полное упование, что Он не отринет кающегося грешника, но спасет. «Если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа. Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни. Ибо, как преслушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие... А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать, дабы как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим» (Рим. 5:17-21). И еще: *мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры* (Гал. 5:5). *Праведный верой жив будет* (Евр. 10:38).

О вере будет подробная речь впереди (во второй части), а здесь только скажем, что в вере заключены семена и надежды, и любви. Ап. Павел говорит: Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью (Гал. 5:6). Через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим и хвалимся надеждой славы Божией (Рим. 5:2). В первой фразе выражается связь веры с любовью, а во второй — связь веры с надеждой. А в послании к фессалоникийцам ап. Павел, изображая состояние христианской общины у них, за которое он непрестанно благодарит Бога и вспоминает их в своих молитвах, называет совместно: «дело веры», «труд любви» и «терпение надежды» (*непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа перед Богом и Отцом нашим.* 1 Фес. 1:3).

Освящение

Обращение к новой жизни христианина и доведение ее до возможного на земле совершенства называется **освящением**. Можно также назвать это образованием христианского характера. Термин «освящение» взят из Свящ. Писания. Господь Спаситель молился Своему небесному Отцу: *Освяти их истиною Твоею, слово Твое есть истина... чтобы и они были освящены истиною* (Ин.17:17,18). Ап. Павел пишет: *Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа* (1 Фес. 5:23). И христиан он называет *освященными* и *святыми* (1 Кор. 1:1; 2 Кор. 1:2).

Из указанных мест Свящ. Писания видно, что и в освящении христианина необходимо участие божественной благодати. Как не может христианин начать истинную христианскую жизнь без содействия Божия, так не может и продолжать ее без благодати Духа Святого. Столь

же явно указывает Писание на участие самого христианина в своем освящении. *Очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием* (2 Кор. 7:1). *Воля Божия есть освящение ваше... ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости* (1 Фес.4:3-7). *Мир имейте со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа* (Евр. 12:14).

Освящение выражено в Писании и словом «обновление», — в смысле продолжения акта, совершившегося в возрождении и обращении. Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная (Рим. 12:2). Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется (2 Кор. 4:16). Не говорите лжи друг к другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу создавшего его (Кол. 3:9-10).

В процессе освящения христианина есть две стороны: отрицательная и положительная. Первая состоит в умерщвлении побежденного при обращении врага, а вторая — в росте новой жизни. Обе эти стороны неотделимы, потому что в борьбе с врагом укрепляется и развивается сила жизни; а рост силы жизни нового человека необходимо сопровождается умерщвлением ветхого человека.

В возрождении и обращении сила греха одолена; грех вытолкан из центра личности на периферию, изнутри во вне. *Всякий, рожденный от Бога,* говорит слово Божие, *не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога* (1 Ин. 3:9). Возрожденный и обращенный не может сознательно и намеренно идти на грех, пока он действительно находится в состоянии возрождения и обновления. Но грех продолжает жить в нем; и не только ощущается им, как бремя, но и постоянно подстерегает и соблазняет его возвратиться к прежнему состоянию, старому. Потому и говорит слово Божие: *держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего* (Апок. 3:11). Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть (1 Кор. 10:12). Как Христос Спаситель *господствует среди врагов Своих,* по слову Псалмопевца (109:2), так и христианин совершает дело своего освящения среди сопротивления врагов. Поэтому освящение, или приобретение христианского характера невозможно без борьбы. Где нет борьбы, там или достигнуто полное уничтожение ветхого человека и полнота совершенства (что в этой жизни невозможно), или человек побежден и низложен врагами своего спасения.

Премудрый говорит: *Если ты приступаешь служить Господу, то приготовь душу твою к искушению* (Сир. 2:1). Искушения, которыми враги пытаются вовлечь обращенного к прежнему его состоянию, бывают двоякого характера: прельщающего, или обольщающего и угрожающего, или запугивающего. В первом случае христианин заманивается, чтобы удовлетворить какому-либо виду похоти (похоти очес, плоти или гордости житейской) и в этом найти удовольствие и счастье. А во втором случае он увлекается бежать от страданий и скорбей, как несносных. Хотя, конечно, эти два вида искушений переходят друг в друга и соединяются. В лице Господа Спасителя мы видим образец победы над тем и другим видом искушения. В пустыне Он одержал победу над первым видом искушений, а в Гефсиманском саду — над вторым. Первый вид искушений случается с христианином скорее в начале христианской жизни, а второй, преимущественно, в конце. Первый вид искушений имел в виду Господь Спаситель, когда говорил: «Если правый глаз твой соблазняет тебя; вырви его, и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя; отсеки ее, и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Матф. 5:29-30). А второй вид искушений Он имел в виду, когда говорил ученикам: *«Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь; ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада»* (Матф. 26:31). Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение (41).

Ап. Павел, по сказанию в книге Деяний, «утверждая души христиан и увещевая их пребыть в вере», учил их, что *многими скорбями надлежит нам войти в царствие Божие*

(14:22). Особый вид запугивающих искушений составляют те, которые порождают в христианине сомнения в истинности божественного откровения и Промысла, или в уверенности в собственном спасении. Первого рода искушение претерпел Иов. И Иоанн Предтеча в часы подобного искушения послал спросить Господа Иисуса: Ты ли тот, который должен прийти, или ожидать нам другого? (Матф.11:3). А второго рода искушение имеет в виду ап. Павел, когда говорит: «Что сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас? Тот, который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует о нас» (Рим. 8:31-34).

По мере преодоления искушений, по мере того, как искушения становятся безвредными и неопасными для христианина, совершается прогресс в его нравственной жизни, приобретается христианский характер. Но независимо от борьбы и преодоления искушений, в возрожденном христианине постоянно совершается рост духовной жизни, как совершался он в Господе Иисусе Христе. Духовный рост может быть уподоблен росту телесному. Прибавление роста не наблюдается ежедневно, но с известным периодом времени он становится заметным. Так и с духовным ростом. По истечении значительного промежутка времени и мы сами, и окружающие нас люди не могут не заметить происшедшей в нас перемены к лучшему. Перемена сказывается в том, что мы становимся более способны к легкому и совершенному разрешению предстоящих задач, к самоотвержению, к терпению, к прощению обид и т.д. Ап. Павел пишет: *всегда по справедливости мы должны благодарить Бога за вас, братия, потому что возрастает вера ваша и умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами, так что мы сами хвалимся вами в церквах Божиих, терпением вашим и верою во всех гонениях и скорбях, переносимых вами* (2 Фес. 1:3-4).

Все поведение христианина в состоянии освящения можно совместить с понятием верности. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни, говорит Дух (Апок. 2:10). Верность совмещает в себе не только сохранение того, что приобретено в нравственном возрождении, но и в приумножении приобретенного. Эта мысль ясно выражена Господом Спасителем в притче о талантах.

Опасности в жизни христианина

Возможна да и прямо требуется от христианина такая жизнь в состоянии освящения, в которой он всегда остается победителем над врагами своего спасения и над их искушениями. Ап. Иоанн уверяет нас в возможности такой жизни: *Дети! Вы от Бога, и победили их; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире* (1 Ин. 4:4). Ап. Павел говорит: *верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10:13). Посему в послании к филиппийцам он пишет: *я молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны в день Христов* (1:9-10). Но возможны, к прискорбию, и такие случаи, когда нравственно возрожденный изнемогает в борьбе и падает. Такие случаи имеет в виду ап. Павел, когда заповедует христианам совершать спасение свое *со страхом и трепетом* (Фил. 2:12). Падения возможны различные. Бывает падение, от которого христианин скоро спохватывается и встает, омывая слезами покаяния греховное пятно и укрепляя себя на дальнейшую борьбу верой в прощающую и помогающую благодать Божию. Возможно падение, после которого человек продолжает лежать беспечно в грязи греха. Возможно падение, происшедшее вследствие неосмотрительности; или такое падение, которое произошло из-за услаждения грехом и внутреннего расположения ко греху.

В последнем случае угрожает опасность потерять вкус к духовному благу, потерять благодать Божию и возвратиться к тому состоянию, в котором человек находился до обращения. При таком виде падения христианину необходимо снова пройти весь процесс обращения, который изображен нами выше. Если же он остается в состоянии нераскаянности, то совершает

грех против Св. Духа, следовательно, погибает. В отличие от возрождения в крещении, которое не повторяется, обращение может быть повторяемо. Сколько раз? Возможно случаи его повторения по несколько раз (так как Бог *не хочет смерти грешника*); но возможен и такой случай, что после первого отпадения от Бога человек погибает. Во всяком случае Господь Спаситель указывает на большую опасность отпадения от Бога после обращения, когда говорит: *Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находя, говорит: возвращусь в дом мой, откуда вышел; и пришед находит его выметенным и убранным. Тогда идет, и берет с собой семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там: и бывает для человека того последнее хуже первого* (Лук. 11:24-26).

Чем искреннее и глубже было обращение христианина, тем менее возможно его отпадения от Бога и тем меньше опасность в случае падения (т.е. он поспешит снова обратиться к Богу); и чем поверхностнее было обращение, тем скорее может последовать отпадение, и тем опаснее это падение. Приведенные слова Господа Спасителя относятся в особенности к случаем несовершенного обращения. То, что для падших необходимо божественное содействие, если они хотят обратиться в прежнее состояние, об этом излишне говорить. Царь Давид не обратился и даже не осознал должным образом своего греха, пока не был послан к нему Богом прор. Нафан. Ап. Петр начал горько плакать лишь после того, как почувствовал карающий взгляд Господа Спасителя.

Совершающих дело освящения надо предостеречь главным образом от двух опасностей, которым они легко поддаются. С одной стороны, сознав после первого воспарения в обращении, трудность борьбы и отдаленность цели освящения (т.е. полной святости), почувствовав по временам отвлечение своей души (с воспитательной целью) от божественной благодати, испытав, наконец, несколько раз поражение в борьбе, христианин легко поддается унынию и малодушию. С другой стороны, ощущая в себе изобилие благодати, победоносно борясь с врагами своего спасения и видя постоянный прирост в себе духовной жизни, он легко поддается опасному превозношению и отваге. В первом случае надобно призвать христианина к мужеству и надежде и напомнить ему слова ап. Павла: *укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его* (Еф. 6:10); *Все могу в укрепляющем меня Господе* (Фил. 4:13). И еще: *Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены, низлагаемы, но не погибаем* (2 Кор. 4:8-9). *Во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах* (2 Кор. 6:4). А во втором случае надо напомнить ему слова ап. Иакова: *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Иак. 4:6); и слова Господа Спасителя: *«Баженны нищие духом, яко тех есть царствие небесное»* (Матф. 5:3). Смирение прежде всего и наиболее необходимо для сохранения и преуспеяния христианского состояния. И оно вполне совместимо с христианским мужеством. *Когда я немощен, тогда силен* (2 Кор. 12:10). *Охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова* (2 Кор. 12:9).

Средства освящения

Какие есть средства для освящения? Т.е. какие средства для преодоления искушений и победы над врагами и для преуспеяния христианской жизни? Есть средства религиозные и средства чисто нравственные. Средства первого рода являются также и благодатными, которыми сообщается человеку содействующая благодать Божия. Это: благочестивое размышление и чтение Слова Божия, молитва и таинства (исповеди и евхаристии). Присоединим к ним еще и обеты. Благочестивое размышление и чтение Слова Божия — это главным образом средства богосозерцания и богопросвещения. А молитва и таинства — это средства таинственного соединения христианина с Богом и получения благодати. Обеты же имеют значение самоограничения и побуждения к религиозно-нравственной жизни.

Об этих средствах будет подробная речь впереди, в учении об обязанностях христианина по отношению к Богу. Поэтому сейчас ограничимся только следующим замечанием. Не может

быть роста без питания, т.е. без усвоения извне материала и жизненных сил. Это относится, как к телесному росту, так и к духовному. Посредством благочестивого размышления, чтения Слова Божия, молитв, исповеди и причащения совершается усвоение душой Бога и получение от Него духовного питания. Такой взгляд ясно высказывается в Свящ. Писании. Так Слово Божие названо духовным хлебом: *не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Матф. 4:4). Плоть и кровь Христовы названы истинной пищей и истинным питьем: *Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье* (Ин. 6:55). А так как все творение есть отображение божественных свойств и содержит в себе изобилие сил и явлений, то духовное питание заимствуется нами и из окружающего нас мира: людей и физической природы.

Второго рода средства освящения, чисто нравственные, есть: самоиспытание, бдительность, сомообуздание и самоупражнение. Самоиспытание есть рассмотрение христианином при свете божественного закона внутренней жизни и внешнего своего поведения, с целью познания слабостей и недостатков и с намерением их устранить. Ап. Павел призывает нас к самоиспытанию, когда говорит: *Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей... Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11:28-31). Самоиспытание не должно быть случайным; необходимо испытывать себя ежедневно. Лучшее время для того есть вечер. Самоиспытанию содействует уединение. Евангелисты говорят, что Сам Господь Спаситель часто уединялся. Но чтобы не впасть в обольщение при самоиспытании, необходимо прислушиваться и к суждению о нас других людей, как друзей, так и врагов.

Бдительность, соединенная с трезвостью, есть постоянная внимательность христианина к своему нравственному состоянию и к окружающим обстоятельствам его жизни, в особенности к угрожающим искушениям и соблазнам, с целью не ослабевая управлять собой, предотвращать соблазны и пользоваться случаями совершать добро. К бдительности призывает нас Сам Господь Спаситель, говоря: *бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.... не знаете, когда господин дома придет* (Матф. 26:41). И ап. Петр тоже призывает к бдительности, сам испытав опасность ее недостатка: *трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш дьявол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить* (1 Пет. 5:8). Противоположность бдительности и трезвости представляют нравственное нерадение и беспечность, уподобляемые сну ап. Павлом: *Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться* (1 Фес. 5:6), *встань, спящий и воскресни из мертвых* (Еф. 5:14).

Самообуздание и дисциплина есть самоограничение или воздержание с целью одоления «ветхого» человека и предоставления господства «новому» человеку. Ап. Павел говорит о себе: *умерщвляю тело мое и порабощаю* (1 Кор. 9:27). Христианам он заповедует: *отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти* (Рим. 13:12-14). И в другом месте: *Все подвижники воздерживаются от всего* (1 Кор. 9:25). Из этих двух мест видно, что самоограничение или воздержание должно простираться, как на телесную сторону, так и на духовную. Оно должно состоять не только в воздержании в пище и питье (пост) и т.д., но и в воздержании к удовлетворению духовных влечений, (напр., к эстетическим наслаждениям, желание быть в обществе и беседовать с людьми), особенно же избегать влечений греховного характера (к гневу и зависти, к спорам, к мстительности). Предостерегая от ложного самообуздания, состоящего в том, что тело умерщвляют, а греховной душе предоставляют полный простор, апостол говорит, что «это имеет только вид мудрости» (Кол. 2:23).

Наконец, самоупражнение есть приобретение навыка к нравственному развитию и усовершенствованию. Это — укрепление силы воли и приучение ее к напряжению. Ап. Павел призывает к упражнению и напряжению, сравнивая христиан с *бегущими на ристалище* (1 Кор.

9:24) и уча их в послании к ефесянам *«Укрепляться Господом и могуществом силы Его»,* облечься во всеоружие Божие, чтобы все преодолеть и устоять, стать, препоясав чресла истиной, и облекшись в броню праведности, и обувши ноги в готовность благовествовать мир...взять щит веры... и шлем спасения и меч духовный (Еф. 6:10-17); а в послании к колоссянам он призывает к *постоянству в молитве* (4:2).

Применяя такие аскетические средства, христианин достигает самообладания и самоотречения. Самообладание и самоотречение — это не одно и то же. Самообладание известно и язычникам, напр., Сократ и в особенности стоики требовали от своих учеников, чтобы они во всех положениях своей жизни были господами самих себя. Самоотречение же принадлежит только христианам. С самообладанием может быть соединен эгоизм; самоотречение же есть смерть всякого эгоизма. Самоотречение христианина состоит в том, что он свою волю подчиняет волей Божией и умирает для самого себя, чтобы вечно жить в Боге. Этому самоотречению служит самообладание, как один из его элементов. К самоотвержению призывает нас Господь Спаситель, говоря: если кто хочет идти за Мной, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мной. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее.

Степени освящения

Издавна различали три степени освящения, или приобретения христианского характера. К первой степени относят начинающих освящение (incipientes), ко второй — продолжающих (proficientes), а к третьей — совершенных (perfecti). Основание для такого разграничения есть в Свящ. Писании. Так ап. Иоанн различает духовные возрасты: отроческий, юношеский и мужской (1 Ин. 2:12,14). В Писании часто встречается название «совершенные» (Матф. 19:21), а также название «младенчествующих» во Христе (1 Пет. 2:2; Евр. 5:13). Впрочем, разграничение степеней освящения можно сделать лишь относительно, а не безусловно, так как в одном отношении можно принадлежать к начинающим, а в другом — к продолжающим, в одном отношении — к продолжающим, а в другом — к совершенным.

«Начинающие» освящение это те, которые, по выражению книги Апокалипсис, находятся в состоянии «первой любви» (2:4). Воодушевленные и осчастливленные обращением, они считают «бремя Христово легким» и в то же время готовы воззвать с ап. Петром: *хорошо нам здесь быть* (на земле), *сделаем три кущи* (Матф. 17:4). Им представляется, что их воля уже вполне объединена с божественной волей и что им больше ничего не остается, как соблюдать это первое свое соединение с Господом. В то же время им кажется совместимым стремление к святости и небесному блаженству с земным счастьем; и они не могут отрешиться от желания последнего и стремления к нему. Неизбежный в жизни христианина крест страшит их, они стараются всячески от него уклониться. Они растут и развиваются в тиши и покое.

«Продолжающие» же освящение есть борцы. Введенные мироправлением, как в историю искушений, так и в историю страданий, они убеждаются, что их воля еще не объединена с волей Божией, что им еще предстоит бороться с собой для достижения этого объединения. И они борются. Преуспевая, вследствие борьбы, в господстве духа над плотью, они в то же время преуспевают в развитии духа и в способности самоотверженно молиться и исполнять обязанности своего звания и своих отношений к ближним. В то же время они убеждаются, что на пути к святости необходимо быть всегда готовым отречься от земного счастья. И они учатся отрекаться, лишаться, терпеть, смиряться.

Наконец, к совершенным христианин может быть причислен тогда, когда воля его действительно объединилась с волей божественной, и он настолько проникся миром небесным, настолько возвысился в непоколебимой надежде на будущую славу, что все земные скорби и страдания для него — «ничто» по сравнению с этой славой (1 Кор. 4:17), и потому он готов отречься даже от самых пламенных своих земных желаний. Хотя он сознает свою слабость, но в то же время он уверен в полной победе, так как ощущает, что в нем живет и действует Некто

сильнейший и непобедимый (Фил. 4:13). Он поистине может сказать о себе: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал.2:20). Поэтому мир и духовная радость наполняют его душу.

Но совершенство, которое христианин может достигнуть в настоящей жизни, относительное. Полное совершенство и полное уподобление Богу, какое будет дано христианину в той жизни, на земле недостижимо. Даже ап. Павел, который, несомненно, должен быть отнесен к совершенным, говорит о себе в старости: *говорю так, не потому, чтобы я уже достиг, или усовершился, но стремлюсь не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус. Я себя не почитаю достигшим* (Фил. 3:12-13).

Часть вторая. Обязанности и добродетели христианина

Вторая часть Нравственного Богословия излагает обязанности христианина и соответствующие им его частные действия и добродетели, а также и учение о грехах. Все обязанности христианина можно разделить на три разряда: на обязанности к Богу (вверх), ближним (во вне) и к самому себе (во внутрь). Ап. Павел в послании к Титу употребил для этого троякого рода обязанностей выражения: *отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно и праведно и благочестиво жили в нынешнем веке* (Тит. 2:12). Троякое нравственное отношение указано и Самим Господом Иисусом Христом в заповеди о любви к Богу, к ближним и к самому себе (Матф. 22:37-39).

1. Добродетели в отношении к Богу

Обязанность богопочитания

Все обязанности по отношению к Богу заключают в себе общее понятие богопочитания или обожания. Богопочитание есть признание и выражение христианином безусловной зависимости от Бога, как высочайшего Владыки и Творца всего, и полнейшей преданности Ему, как своему Отцу и Благодетелю. На земле невозможно и представить такое отношение, которое равнялось бы отношению между человеком и Богом. Даже отношение между могущественным царем и беднейшим нищим есть весьма слабое подобие отношений между Богом и человеком, поскольку земной царь, одаривши нищего всеми своими благами, не сообщил ему бытия и не может доставить его душе вечного спасения или вечной погибели. Но это сообщил и это доставляет человеку Бог. Вот почему даже серафимы, по словам прор. Исаии (6:2-3), закрывают свои лица, будучи не в состоянии выносить величия славы Божией. Вот почему и нас земнородных апостол призывает служить Богу с *благоговением и страхом* (Евр.12:28). *На кого Я презрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего перед словом Моим, говорит Вышний через Своего пророка* (Ис. 66:2).

Внутреннее и внешнее благочестие

Если человеческая природа устроена так, что деятельность духовная и телесная, внутренняя и внешняя, в ней неразрывно связаны, и если Бог есть Творец не только души, но и человеческого тела, то отсюда само собой следует, что мы должны *прославлять Бога и в телах наших и в душах наших, которые суть Божии* (1 Кор. 6:20). Таким образом, возможно и необходимо почитание внутреннее и внешнее. Одно с другим неразрывно связано. Без духовной стороны богопочитание было бы телом без души, безжизненным, механическим, не имеющим никакой цены. Оно было бы даже лицемерием, самообольщением; и потому Бог через пророка изъявляет негодование на такое богослужение: *этот народ приближается ко Мне устами своими и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня;... но тщетно чтут Меня...* (Ис. 29:13; Матф. 15:8). В беседе с самарянкой Господь называет *истинными поклонниками* тех, которые кланяются Богу *духом и истиной.* Но, с другой стороны, без внешней или телесной стороны богопочитание было бы неполным, бездейственным и не могло

бы укрепиться в человеке. Опыт показывает, что пренебрегающие внешними средствами выражения религиозных чувствований (крестным знамением, преклонением головы и колен и т. д). обыкновенно бывают лишены и внутренней религиозности. И наоборот: усердно и со смыслом пользующиеся этими средствами укрепляют в себе и внутреннее религиозное настроение. И естественно, ведь каждый духовный акт тем совершеннее, чем более находит соответствующее ему выражение в его теле и во внешнем мире. В то же время каждое живое существо стремится выразиться во вне; *от избытка сердца говорят уста* (Матф. 12:34). Поэтому нет такой религии на земле, которая бы не имела внешней формы богослужения. Авраам был избран и руководим Самим Богом, но куда бы он не приходил во время своих странствований — всюду он устраивал жертвенник Богу (Быт. Гл. 13, 18 и д.т.). Пришедший на землю Сын Божий был духовен в высшей степени, но и Он выражал молитву внешними знаками (возведением очей к небу, преклонением колен и лица, Ин. 17:1).

Добродетели, выражающие внутреннее богопочитание

Так как Бог есть высочайшее благо и конечная цель наших желаний, то Он заслуживает того, чтобы мы более всего **любили** Его. И так как только при Его содействии и руководстве мы можем достигнуть указанной цели, то мы должны более всего доверять Ему и **надеяться** на Него. Так как Бог есть наш высочайший Владыка и непогрешимая Истина, то мы должны иметь в Него безусловную **веру**. Вот три добродетели, выражающие внутреннее богопочитание: вера, надежда и любовь. Они представляют основание и сущность всей христианской жизни. Так смотрит на них ап. Павел — ныне пребывают эти три: вера, надежда, любовь. Эти три основные добродетели ввел в систему нравоучения бл. Августин, заменив ими четыре основные языческие добродетели (temperantia, fortitud, justitia, prudentia). В отличие от последних, эти три добродетели названы впоследствии богословскими добродетелями. Если обратить внимание на содержание апостольских посланий, то ап. Павла можно назвать апостолом веры, ап. Петра — апостолом надежды, а ап. Иоанна — апостолом любви.

Вера и ее значение

Мы не можем вступать в какие бы то ни было отношения к Богу, надеяться на Бога, любить Его и молиться Ему и т.д., если не будем прежде всего веровать в Него. Потому и говорит апостол, что всякому, *приходящему к Богу*, подобает прежде всего *веровать; без веры невозможно угодить Богу* (Евр. 11:6). А *вера же есть уверенность в невидимом*, как бы в видимом (11:1). В отличие от физического мира, который прямо видится нашими глазами, Бог (как и наша душа) есть существо невидимое; но тем не менее мы должны быть убеждены в истине Его существования, как убеждены в существовании физического мира. Если наше убеждение в существование физического мира приходит с **познанием**, то убеждение в существовании духовного Бога приходит вместе с **верой**.

Познание (само по себе) не имеет характера добродетели, так как оно **невольно** навязывается человеку при его ознакомлении с внешним миром; вера же есть добродетель (и обязанность), так как она есть **свободное** признание существования невидимого Бога и истинности всего сообщенного нам в Откровении. Потому ап. Павел говорит о *послушании вере* (покорности, Рим. 1:5). Он же благодарит Бога за то, что римляне, *быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя* (6:17). Вере присущ и элемент любви, так как религиозная вера имеет своим предметом личность, т.е. личного Бога; а личность может и должна быть предметом любви. Следовательно, вера объемлет все силы души, она проистекает из глубины нашего существа, приводит в движение ум, волю и чувство, а не есть только холодное признание или даже лишь вероятное предположение, а есть энергичное, горячее и полное, не требующее искусственных доказательств логики, убеждение в истинности Того, в Ком мы *живем и движемся и существуем* (Деян. 17:28). **Может меня очистить** — вот

выражение существа веры, т.е. непосредственной уверенности в чудодейственной силе Христовой.

Но откуда проистекает вера? Где основание уверенности в бытии Бога и в истинности всего открытого нам Богом? Основание веры находится в некоторой таинственной связи нашей души с Богом и вообще с истиной. По слову ап. Иоанна, *Сам Дух Божий свидетельствует в нас об истине* (1 Ин. 5:6). В силу этой таинственной связи души человеческой с Богом и язычники сильно влекутся к Богу, как к своему первоисточнику. В силу этой же связи души с истиной, вообще, мы при наших научных исследованиях нередко как бы предчувствуем и угадываем истину без лишних рассуждений. Но это чувство существующего и живущего среди нас Бога в начале бывает, естественно, неясным и нетвердым. Оно выясняется и укрепляется в среде языческого мира рассматриванием видимого мира, по указанию ап. Павла (Рим. 1:19-20), а в среде христианского мира — изучением откровенного Слова. Это Слово охотно воспринимается правдивым человеком, т.е. внемлющим первобытному голосу в глубине своей души. Поэтому Господь Иисус Христос говорит фарисеям: *Кто от Бога, тот слушает слова Божии* (Ин. 8:47) и Пилату: *Всякий, кто от истины, слушает гласа Моего* (18:37).

Для укрепления веры необходимо и научное исследование истин веры. Апостолы призывают христиан в своих посланиях *быть здравыми в вере* (Тит. 1:13), *не увлекаться всяким ветром учения* (Еф. 4:14), *всегда быть готовыми всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ* (1 Пет. 3:15). Сам Господь отнюдь не требовал слепой, безотчетной веры в Себя; Он постоянно ссылался для доказательства истинности Своего учения на благотворность и высоту Своего учения (Ин.3:17-21), на чудесные дела Свои (Ин. 5:36), на святую жизнь Свою (Ин. 8:46), на свидетельство Бога-Отца о Своем посланничестве (Ин. 5:32,37), на пророчества Ветхого Завета (Ин.5:39,46). Необходимо также для укрепления веры пережить разные события, как печальные, так и радостные, научающие человека чувствовать и сознавать на себе руку невидимого Владыки и Промыслителя нашей жизни. Но чем более христианин укрепляется в нравственной жизни, чем более освобождает свою душу от оков этого мира и очищает свое сердце и, след., чем он делается достойнее таинственного единения с Богом, тем более становятся для него излишними все посторонние подкрепления его веры, и тем крепче он верит, невзирая на все сопротивления и на все кажущиеся противоречия рассудка. Чистые сердцем уже в этой жизни видят Бога духовным оком. Тогда вера становится крепче познания. Под угрозой пыток и смерти люди отрекались от своих познаний (напр., Галилей); между тем христианских мучеников никакие пытки и никакая смерть не могли вынудить отречься от веры.

Если в вере человек действует заодно со всемогущим Богом, если он даже действует силой всемогущего Бога, то отсюда понятно, почему Господь Иисус Христос присвоял вере такую силу, что считал возможным все для верующего: *если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажите горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас* (Мф.17:20). Необычайные действия веры изображает ап. Павел в 11 главе послания к евреям. Древние праведники, говорит он, *верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих*. И ап. Иоанн пишет: *сия есть победа, победившая мир, вера ваша* (1 Ин. 5:4). А если вера есть настолько живое и крепкое соединение души с Богом, что она становится исходным пунктом, определяющим все мысли и действия человека и направляющим их на Бога и божественные предметы, то отсюда понятно, почему Господь и Его апостолы придавали вере такое важное значение, что ставили в зависимость от нее всю судьбу и всё спасение человека. На вопрос народа: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Господь отвечал: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал (Ин. 6:28-29); верующий в Сына имеет жизнь вечную (Ин.3:36). На вопрос темничного стража: что мне делать, чтобы спастись? — ап. Павел и Сила отвечали: веруй в

Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой (Деян. 16:30-31). Верующим во имя Иисуса дал власть быть чадами Божиими (Ин. 1:12).

Грех неверия

Уклонения от христианской веры выражаются в формах суеверия, холодности и равнодушия к вере (индифферентизма), сомнения (или скептицизма), богоотступничества и неверия (атеизма).

Вера христианина должна быть разумной и иметь достаточное основание. Она может быть выше разума, но не может находиться с ним в противоречии. Если же человек «осуетился в своих помышлениях и объюродился» (Рим. 1:21-22), вера становится суеверием, т.е. тщетной, неразумной верой. Суеверие возникает там, где обыкновенным земным вещам приписывают такие силы и ожидают таких действий, какие можно ожидать только от Бога; или же Богу присваивают и ожидают от Него того, чего ожидать не следует и что унижает имя Божие.

Первый вид суеверия выражается в следующих видах: идолопоклонства, когда люди, по слову апостола, *заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца* (Рим. 1:25); гаданье или ворожба, когда вместо того, чтобы предоставить свою жизнь божественному провидению, пытаются проникнуть в скрытое будущее для распоряжения своими делами; волшебство или магия, когда призывают на помощь злых духов; вера в привидения и спиритизм, когда думают, что умершие или какие-то таинственные силы по воле человека могут вступать с ним в игру или независимо от его воли тревожить его. Все эти виды суеверий производят весьма вредное влияние на нравственную жизнь, ослепляя ум и сердце, смешивая высокие истины и правила христианской жизни с человеческими вымыслами, и нередко вызывая религиозную ненависть и фанатизм. Поэтому в Ветхом Завете все виды волхования наказывались смертью (Лев.20:27; Втор. 18:9; Мих.5:11; Зах. 10:2; Мал. 3:5; 1 Цар. 28).

А второй род суеверия выражается в следующих видах: во-первых, в виде злоупотребления именем Божиим и священными предметами, когда от их простого употребления ожидают особых знамений и чудес, и, во-вторых, в виде чрезмерно чувственного представления о сверхъестественных предметах, когда духовное хотят почти всецело заключить в телесное и измеряют его категориями последнего (т.е. пространства, времени и т.д.). Третья и первая заповеди десятисловия направлены, между прочим, против этих двух видов суеверия. Первое средство к устранению суеверий заключается в здравом образовании с правильным разграничением естественного и сверхъестественного мира, ознакомляющим с подлинными свойствами и явлениями того и другого мира. Но этого одного недостаточно, и образованные люди тоже могут быть суеверными. Необходима еще бескорыстная любовь к Богу и преданность Его святому промыслу.

Равнодушие (индифферентность) к вере — *ни холод, ни теплота*, — по выражению Апокалипсиса (3:15), есть то нравственное состояние, при котором человек не внимет голосу своей совести и откровенного закона, не углубляется в их требования, и потому этот голос, направляющий наши мысли к Богу, не производит решительного влияния на человеческую жизнь. При таком состоянии определяющим началом в жизни является не мысль о Боге, а земные интересы. Религиозное равнодушие почти всегда есть признак погружения человека в чувственность и чувственные удовольствия. *Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше, говорит Господь Спаситель* (Матф. 6:21). Типом этого порока может служить евангельский богач (этот эпикуреец и индифферентист), Пилат со своим апатичным отношением к Истине (что есть истина?), люди последних дней мира; о них Господь Иисус Христос пророчествует: *ибо как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и пришествие Сына Человеческого* (Матф. 24:38-39). Направление мыслей на духовный мир и его вопросы и потребности есть первое и главное средство против индифферентизма.

Если равнодушие составляет противоположность живой вере, то скептицизм, или сомнение, — это противоположность вере решительной. Свящ. Писание уподобляет сомневающихся *морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой* (Иак. 1:6). Сомневающийся не имеет почвы и устойчивости. Надо различать сомнение теоретическое, или рассудка, и сомнение практическое, или сердца. Первое неизбежно соединяется по временам с мыслительной работой, с исканием истины, и потому само по себе оно не представляет греха. Грех начинается тогда, когда к сомнению рассудка присоединяется сомнение сердца. В этом состоянии человек не истину ищет, а *возлюбил тьму*, по слову Господа Спасителя, *потому что дела его злы* (Ин. 3:19). Сомнение в вере есть, следовательно, следствие нравственного упадка человеческой души. Для примера можно указать на иудейский народ времен Господа Иисуса Христа, то заявлявший и исповедовавший веру во Спасителя, то тотчас же отрекавшийся от этой веры. Так сомневался и ап. Фома, которому Господь сказал: *блаженны не видевшие и уверовавшие* (Ин. 20:29). Особенно в наше время, когда хотят всё основывать на опыте и всё постигнуть разумом, когда разум так часто *надмевается* (1 Кор. 8:1), и религиозное сомнение находит себе в этом основание. Искренность сердца, простота души и подлинное желание обладать истиной — вот средства против сомнения. Этими свойствами обладал ап. Фома, и потому временное сомнение его сейчас же перешло в полную и непоколебимую веру, выразившуюся возгласом: *Господь мой и Бог мой!...* В противном случае человек даже при наглядных доказательствах истинности веры может сомневаться, и его сомнение может перейти, наконец, в неверие.

В состоянии неверия человек отрицает бытие личного Бога. Божеством же, или абсолютом, он называет безличную и всепоглощающую природу. Неверие выражается в двух формах: или в форме идеалистического пантеизма, или в форме материалистического натурализма. А отрицая бытие личного Бога, неверующий отрицает и бессмертие души, свободу, нравственную ответственность, грех. Эгоизм становится главным началом жизни и человеческих действий. Человеческая жизнь представляется не более, чем высшая степень животного мира. Свящ. Писание называет такое состояние неверия человека безумием: *Сказал безумец в сердце своем: нет Бога* (Пс.13:1). Кроме гордости ума, не хотящего подчинить себя простоте веры, причиной неверия часто бывает, в наше время, превратное воспитание и дурные влияния людей и книг. *Худые сообщества развращают добрые нравы...к стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога,* говорит ап. Павел (1 Кор. 15:33-34). Потому для предотвращения неверия необходимо с ранних пор насаждать и укреплять в человеке семя веры и благочестия; а когда неверие уже проникло в душу, то необходимо влиять на всего человека, на изменение всех его нравов и обычаев. Бывают и такие случаи, когда неверующий сразу становится верующим вследствие каких-либо чрезвычайных знамений или чудес, или потрясающих случаев и переворотов в своей жизни. В Свящ. Писании и в житиях святых описано немало таких случаев и обращений. И в наши дни сообщаются иногда в печати известия о таких случаях.

В числе грехов против веры назовем еще вероотступничество. Оно есть, очевидно, особый вид неверия; именно такое неверие, которому предшествовала вера и, может быть, даже искренняя, но она не оказалась постоянной и неизменной. Между тем возможно и такое неверие, которое всегда было чуждо веры, или которому предшествовало лишь равнодушие или скептицизм (сомнение). След., богоотступничество есть измена вере. Для примера можно указать на Юлиана Отступника и на тех христиан, которые во времена гонений отрекались от Христа из страха ли мучений, или ради мирских выгод. Но бывают примеры отступления от веры и в мирные времена. Тяжесть этого греха изображает ап. Павел, когда говорит в послании к евреям: *невозможно — однажды просвещенных и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему* (6:4-6). Тот же апостол предостерегает от греха богоотступления, когда говорит:

бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, укрепляйтесь (1 Кор. 16:13). *Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни*, говорит Сам Господь в книге Апокалипсис (2:10).

Надежда, ее свойства

С верой христианской самым тесным образом связана христианская надежда. Если вера есть уверенность в «невидимом», т.е. в том, что существует Творец и Промыслитель мира и что искупление человеческого рода совершено Сыном Божиим, то надежда есть уверенность в «желаемом и ожидаемом», т.е. в том, что цель творения мира и искупления человека будет достигнута, и высшее благо будет осуществлено. А цель творения и искупления есть совершенство всего и соответствующее ему счастье. Поэтому предмет надежды есть, во-первых, совершенство и счастье каждого из нас, в во-вторых, совершенство и счастье всех других людей и всего мира. В частности, предмет надежды есть освобождение от греха и смерти, беспрепятственное раскрытие всех сил человеческого существа, полное соединение человека посредством св. Духа со Христом Спасителем и Богом-Отцом. Этот предмет самым совершенным образом изображается апостолом Павлом в посланиях к коринфянам и римлянам. Здесь говорится что, *как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке... А за тем конец, когда Он предаст царство Богу и Отцу*, *когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу...* тогда *истребится последний враг — смерть... да будет Бог все во всем* (1 Кор. 15:22-28). Тогда и *сама тварь будет освобождена от рабства тлению в свободу славы детей Божиих* (Рим.8:19).

Следующий предмет христианской надежды есть прежде всего и главным образом будущая жизнь. Но насколько нравственное совершенство достижимо и на земле, предмет надежды есть и настоящая жизнь. Ап. Петр пишет: *препоясавши чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа* (1 Пет.1:13). Ап. Павел высказывает надежду, что *начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа* (Фил. 1:6). Предметом христианской надежды служат не только нравственные и духовные блага, но и физические или телесные (здоровье, имущество и т.д.), насколько они необходимы для приобретения благ духовных. Сам Господь учит нас молиться о «насущном хлебе».

Хотя надежда направлена на будущее время, как вера направлена на прошедшее, но поскольку вера есть в совершившееся в истории откровение Господа Иисуса Христа и искупление Им человеческого рода, а раньше — в сотворение мира от вечности существующим Богом, то сущность христианской надежды состоит в том, что будущее представляется в ней как бы настоящим, теперь совершающимся, — как и существо веры состоит в том, что она прошедшее представляет как бы происходящим в настоящее время. Надежда не была бы истинной и действенной, т.е. исполненной непоколебимой уверенности и вливающей в человека мужество и энергию, если бы она была лишь чистым ожиданием, если бы предмет ее и цель совершенно отсутствовали теперь, т.е. находились лишь в далеком и туманном будущем. Предмет надежды, именно Бог и Христос, в настоящее время, присущи человеку (Матф. 28:20; Еф. 3:20; Лук. 1:37). Это сообщает христианской надежде не ложность и силу, как не ложен и силен спасти человек Бог (по слову Свящ. Писания. Рим. 3:4; 2 Тим. 2:13; Евр. 10:23). Ап. Павел говорит, что *мы спасены в надежде* (Рим. 8:24). Это выражение указывает, с одной стороны, на то, что спасение наше еще впереди и ожидается нами пока в будущем, а с другой стороны, что это будущее посредством непоколебимой надежды уже как бы существует в настоящем. Для этого указывается и основание, которое заключается в том, что мы уже в настоящее время имеем в себе **начаток** Духа: *имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего* (Рим. 8:23). Отсюда же видим, что надежда может иметь место только в христианстве. Хотя надежда, как и вера, свойственна вообще человеку, но вне христианства нет достаточного основания для надежды. Поэтому апостол называет язычников *не имеющими надежды* (1 Фес. 4:13).

Истинная (христианская) надежда это есть простое и бесплодное желание, происходящее от веселого нрава, но она — добровольная и плодоносная решимость и поэтому она, как и вера, есть добродетель. В этой решимости совмещаются, во-первых, готовность переносить все случающиеся страдания (внутренний и внешний «крест», по евангельскому выражению), в сознании, что они назначаются нам воспитывающей благостью Божией, поскольку *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14:22), и кого любит Господь, того наказывает (Евр. 12:6; Апок. 3:19), и хотя *всякое наказание в настоящее время не кажется радостью, а печалью, но после наученным через него доставляет мирный плод праведности* (Евр. 12:11); во-вторых — довольство своим состоянием в сознании, что каждый из нас поставлен на своем месте и состоянии Самим Богом (1 Кор. 7:20; 1 Пет. 4:10, 11; Рим. 12:3-8), и что *мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынеси из него,* и потому *имеющие пищу и одеяние, этим довольны будем* (1 Тим. 6:7,8); в-третьих — преданность воле Божией и на Него упование в том сознании, что о нас печется Бог (Матф. 10:29 и д.), что надежда на Него *не посрамит* (Рим. 5:5), что *любящим Бога все содействует во благое* (Рим 8:28) и что если мы имеем Господа, то не станем спрашивать ни о чем ни на небе, ни на земле (Пс. 72:25). Христианская надежда, очевидно, непосредственно призывает к терпению, без чего она невозможна, потому добродетель терпения есть родная дочь надежды.

Ожидаем в терпении, выразился апостол (Рим. 8:25). К терпению призывает нас Господь Иисус Христос, когда говорит: *в терпении вашем спасайте души ваши* (Лук. 21:19), претерпевший же до конца спасется (Матф.24:13), — и ап. Павел, когда говорит: *с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса* (Евр. 12:1-2). Апостол же Иаков указывает на образец терпения в лице Иова (5:7-11).

Христианское терпение отличается от стоического самоотречения или апатии (бесстрастия). Это видно из указанных выше свойств христианской надежды. Христианин надеется на силу вечного Бога, желающего ему всякого блага и потому все направляющего к его благосостоянию; между тем как стоик знает только безличную силу природы, только слепую судьбу, не могущую принимать в расчет его интересы. Христианин сносит все приключающиеся ему страдания добровольно, из послушания благому и милующему его Богу; между тем, как стоик насильственно вынуждает себя сносить неизбежное зло и к нему приноравливаться. Поэтому христианин не унижается страданиями, в то время как стоик ими унижается. Далее, христианин добровольным подчинением высшей силе и надеждой на нее свидетельствует о своем смирении и покорности, которые приведут его к окончательному примирению с высшей силой, к исполнению надежды и к увенчанию терпения; стоик же своевольным противлением находящейся вне и выше его силе свидетельствует о своей гордости, которая никогда и нигде не успокаивается и не достигает своей цели. Наконец, христианин при всех страданиях и уничижении ценит жизнь и усвояет высокое достоинство всему вообще бытию, между тем как стоик относится с пренебрежением к бытию, нередко презирает и свою собственную жизнь.

Отсутствие надежды

Уклонения от христианской надежды выражаются в формах самонадеянности, малодушия, лжеупования, нетерпения и отчаяния. Как пример самонадеянного человека, можно указать на того евангельского богача, который, полагаясь на свое богатство, считал свое положение прочным, надежным, вместо того, чтобы надеяться на Бога. А иные люди, вместо Бога, надеются *на князи и на сыны человеческие,* по выражению Псалмопевца, т.е. на великих и сильных земли; между тем, *в них же нет спасения* (Пс. 145:3). А еще иные надеются на свои способности, на свою изобретательность, опытность, заслоняя ими помощь Божию. Такие надежды осуждаются словами ап. Иакова: *послушайте вы, говорящие: сегодня или завтра отправимся в такой-то город и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль; вы, которые не знаете что случится завтра... вместо того, чтобы вам говорить:*

если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое (4:13-15). Таким образом, самонадеянность всегда противопоставляет надежду на этот земной мир, на его тленные и преходящие блага — надежде на Бога, Который один неизменяем и непреходящ. Имея это в виду, ап. Павел заповедует Тимофею: *Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения* (1 Тим. 6:17). Премудрый говорит: *Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой* (Прем. 3:5).

Малодушие есть робость человеческой души, не находящей в себе способности решительно и твердо положиться на будущее. Оно возникает из недостатка крепкой веры в промысл Божий в трудных обстоятельствах. В таком состоянии находились некогда, напр., ученики Господа Иисуса Христа во время плавания по бурному морю. В великом страхе они разбудили спящего Учителя и воззвали к Нему: спаси нас, погибаем. Господь отвечал: что вы так боязливы, маловеры? (Матф. 8:26). К малодушным и робким относятся слова ап. Петра: все заботы ваши возложите на Господа, ибо Он печется о вас (1 Пет. 5:7). Малодушные должны поучаться у Псалмопевца, который среди несчастий взывал к самому себе: *что унываешь, душа моя и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего* (Пс. 41:6, ср. 2 Кор. 4:8 и д. 6:8).

Лжеупование есть безрассудная, мечтательная, даже дерзкая надежда на Бога. Она выражается, главным образом в двух видах. Во-первых, в расположенности и желании человека произвольно распоряжаться делами божественного промысла и чудодейственной Божией силой. Напр., подвергают свою телесную и душевную жизнь большой опасности в надежде, что чудодейственно спасут ее; с уверенностью ожидают чудо от Бога для доказательства чьей-либо невинности; в нужде и бедности бездействуют в ожидании Божией помощи; в болезни не хотят обратиться к врачу, предоставляя все дело Богу. Тогда человек *искушает Бога,* по библейскому выражению (Втор. 6:16, ср. Матф. 4:7). Во-вторых, лжеупование выражается в слишком большой уверенности в собственном вечном спасении. Лжеуповающий в этом смысле забывает слова апостола: со страхом и трепетом совершайте свое спасение (Филип. 2:12). А к обоим видам лжеупования относятся слова Премудрого: *надеющийся на Господа будет благоденствовать. Кто надеется на себя, тот глуп* (Прит. Сол. 28:25-26). Бывает и такое странное и безрассудное лжеупование: человек просит и ожидает содействия Божия в явно злых предприятиях и делах, напр., в мстительности, в воровстве, в обмане и т.п. В обличение такого лжеупования ап. Иаков пишет: *прo**с**ите — и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений* (4:3).

Нетерпение есть такое состояние, в котором человек возмущается и тяготится земной жизнью, с ее нестроениями и бедствиями, и нетерпеливо ожидает исполнения обетований Божиих, о полном откровении царства Божия и о грядущем совершенстве всего существующего. Вместо того, чтобы подчиниться порядку постепенного устроения царства Божия и пользоваться условиями земной жизни, как средством воспитания для царства Божия, человек хочет нарушить этот порядок, преждевременно восхитить это славное Царство, и потому постоянно жалуется на земную жизнь. Уже первые ученики Господа обращались к Нему с нетерпеливым вопросом: *не в это ли время восстанавливаешь царство Израилю?* (Деяния 1:6).

Любовь к Богу

Вера и надежда не достаточны для того, чтобы поднять человека на высшую степень нравственного состояния. *И бесы веруют и трепещут* (Иак. 2:19). Для достижения указанной цели нужна еще любовь к Богу. А любовь к Богу есть пламенное желание и стремление души человека соединиться с Богом, как с высочайшим благом, и, следовательно, самым высшим предметом желаний и стремлений. Псалмопевец выражает словами: *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе Боже! Жаждет душа моя к Богу, крепкому,*

живому, когда приду и явлюсь перед лице Божие! (Пс.41:1-2). И ап. Павел: *желание имею разрешиться и быть со Христом* (Фил.1:23). В этом соединении с Богом посредством любви душа обретает полный покой и блаженство.

Начала любви заключаются уже в христианской вере, этой матери всех добродетелей; ибо истинная вера содержит уже в себе зерна той детской восприимчивости, которая достигает дальнейшего развития в любви. Но в любви развивается не только восприимчивость, как в вере, но и преданность, т.е. предание себя Богу, и этим она отличается от веры и ее превосходит. Потому Апостол сказал о любви, что она *больше* веры (1 Кор. 13:13). А любовь с необходимостью ведет к надежде; ибо неполное соединение человека с Богом (неполное осуществление любви к Богу), побуждает его надеяться, что оно исполнится в будущем. Но предметом надежды все-таки остается любовь; и надежда прекратится, когда вполне осуществится любовь. Потому-то апостол придает любви б**о**льшее значение и по сравнению с надеждой (*но любовь из них больше,* 1 Кор. 13:13).

Если посредством веры христианин вступает в тайны божественного познания, то посредством любви он вступает в тайны божественной жизни. Ап. Иоанн говорит: *пребывающий в любви, в Боге пребывает, и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4:16), в нем устанавливается отношение сыновства Божия. Но ему также открываются высшие тайны познания, так как в любви дух его становится открытым для сообщений и действий со стороны Бога, и тесное соединение его с Ним можно уподобить отношению между двумя друзьями. А об отношениях друзей Господь сказал: *Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего* (Ин.15:15). И ап. Иоанн говорит: *кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь* (1 Ин. 4:8).

Хотя любовь, как и вера, и надежда, составляет естественную потребность человека, и потому без любви, как и без веры, и надежды, человек не может жить, но любовь, как вера и надежда, получает высший характер и становится добродетелью тогда, когда она проникается сознанием долга, направляющего ее на известный предмет, а именно, на предмет, достойный любви. А самый высший и достойный предмет любви есть Бог. Но каким образом любовь к Богу можно делать предметом долга, когда она есть свободное чувство, независимое от чьих-либо распоряжений или от воли человека! Можно ли любить по приказанию, по заповеди? Можно в известном смысле, можно с сознанием долга направлять внимание на бесконечную доброту и красоту Божию и оживлять в себе те представления, от которых сама собой следует любовь к Богу (Ин.3:16; 1 Ин. 4:9 и д. Рим. 5:8). И потому-то существует заповедь о любви к Богу, и при том названная главнейшей: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душою твоей, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь* (Матф. 22:37-38, ср. Втор. 6:5). Можно также молиться о возжжении и поддержании в нас любви к Богу, ибо любовь к Богу, по слову ап. Павла, *изливается в сердце наше Духом Святым* (Рим. 5:5); и по слову ап. Иоанна: *любовь от Бога* (1 Ин. 4:7). Вообще, как всякая добродетель (напр., вера), так и любовь возбуждается в нас прежде всего Богом; наша же любовь есть ответ на любовь Божию. Потому говорит ап. Иоанн: *Будем любить Его потому что Он прежде возлюбил нас* (ст. 19); и еще: *в том есть любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас* (ст.10).

Спросит еще кто-нибудь: возможна ли любовь к Богу, Который есть существо невидимое? (*Бога же никто никогда не видел*, Ин. 1:18), и если возможна, то каким образом? Чтобы могла зародиться любовь к какому-либо существу, необходимо прежде всего конкретное представление этого существа, выраженное для нас в каком-либо чувственном образе. Потому говорит ап. Иоанн: *не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?* (ст. 20). Следовательно, наглядное представление — есть первое необходимое условие любви. И мы учимся любить Бога прежде всего на людях, любя людей, которые есть образ Божий. Дитя, напр., прежде всего любит отца и мать, и затем любовь к родителям переносит к невидимому Богу. В то же время на основании Свящ. Писания,

изображающего существо и свойства Божии, и особенно на основании евангельских сказаний, из которых мы узнаем жизнь и дела Господа Иисуса Христа, воплотившегося и пожившего среди людей, мы составляем себе наглядное представление о Боге, как всеблагом и любвеобильном существе, и носим его в своем уме и сердце. Этому представлению содействуют и наблюдения видимой природы (ибо невидимое Его, вечные силы Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы (Рим. 1:20). Но Господь Иисус Христос не есть только историческое лицо, некогда пожившее на земле и теперь не существующее на ней: Он и теперь невидимо обитает среди нас, возбуждая в нас Духом Святым любовь к Себе и Богу. Имея это в виду, ап. Павел призывает нас *поминать Господа Иисуса Христа, воскресшего из мертвых* (2 Тим. 2:8). Ап. же Петр говорит, что мы *не видевши Его любим, радуясь радостью неизреченной и преславной* (1 Пет. 1:8).

Свойства истинной любви к Богу

Чтобы наглядно представить свойства или признаки истинной любви к Богу, сравним любовь эту к Небесному Отцу с любовью дитяти к отцу земному. Искренне любя своего отца, дитя должно, во-первых, иметь к нему благоговение, или сыновний страх. Подобно этому и христианин выражает истинную любовь к Богу прежде всего благоговением, или страхом Божиим. Страх Божий есть священная боязнь, как бы не совершить чего-либо недостойного и греховного перед великим и любимым Богом. Такой страх не только не противоречит любви, но даже требуется и вполне совместим с ней. Любя кого-нибудь искренне, мы всячески стараемся его не оскорбить чем-либо. И чем выше любимое существо, тем благоговейнее мы к нему относимся, тем более остерегаемся причинить ему чего-либо неприятного, как бы не охладить его любви к нам и не разгневать. — Потому страх Божий называется в Свящ. Писании началом премудрости и условием всякой нравственной деятельности (Притч. 1:7; 9:10; 8:13, 9:10, 15, 33; 16:6; Пс. 110:10; 112:1; Втор. 5:29; 6:2. 13; 10312, 20; Сир. 2:15-17; 2 Кор. 7:1).

Ап. Петр, и в Ветх. Зав. Екклезиаст — призывают *бояться Бога* (1 Пет. 2:17; Еккл. 12:13); а Псалмопевец призывает *работать Господу со страхом и радоваться Ему с трепетом* (Пс. 2:1). Ап. Павел пишет: *очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием* (2 Кор. 7:1); *будем хранить благодать, которой будем служить благоугодно Богу с благоговением и страхом* (Евр. 12:28); *повинуйтесь друг другу в страхе Божием* (Еф. 5:21). И ап. Петр: *со страхом проводите время странствования вашего* (1 Пет. 1:17; 2 Кор. 5:11; Филип. 2:12; Деян. 9:31). Но есть также и страх рабский, несовместимый с любовью и недостойный истинного христианина. Имея в виду такой страх, апостол Иоанн говорит: *страха нет в любви, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что страх есть мучение. Боящийся не совершенен в любви* (1 Ин. 4:18). А ап. Павел: *вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Дух усыновления, Которым взываем: Авва, Отче!* (Рим. 8:15; 2 Тем. 1:7). Пока человек находится на низшей степени нравственного состояния, до тех пор к мотивам его нравственной деятельности примешивается страх рабский, т.е. боязнь наказаний, имеющая в себе муку, по слову апостола, т.е. тревогу, беспокойство. А тем более испытывает такую муку человек порочный, находящийся под всегдашним страхом наказания Божия и испытывающий беспокойство совести (Лук. 19:21). Но чем больше христианин усовершенствуется в нравственной жизни и в любви к Богу, чем больше к Нему приближается и соединяется с Ним, тем более страх его перед Богом становится сыновним страхом, приносящим не муку, но мир в душу.

Во-вторых, любовь к земному отцу дитя должно показать послушанием. Потому вторым свойством или признаком любви христианина к Богу назовем послушание. Сам Господь Иисус Христос сказал Своим ученикам на тайной вечери: *кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14:23), *если соблюдете Мои заповеди, пребудете в любви Моей* (15:10). Так же говорит и возлюбленный ученик Христов: *это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его* (1 Ин. 5:3). Если

бы мы испытывали в своем сердце даже самые сладкие чувства любви и уверяли в ней самыми горячими словами, но не имели соответствующих дел, то мы находились бы в самообольщении, думая, что имеем истинную любовь; мы были бы подобны бесплодной смоковнице, покрытой роскошными листьями. Истинно любящий непременно и действует самоотверженно ради возлюбленного. А так как заповеди Божии включают обязанности наши не только к Богу, но и к ближним, то наша любовь должна себя засвидетельствовать деятельным исполнением обязанностей не только к Богу, но и к ближним. Потому ап. Иоанн говорит: *Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец.... мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего* (1 Ин. 4:20-21). И еще: *кто видит брата своего в нужде и затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия?* (1 Ин. 3:17). Следовательно, любовь к Богу и истинная любовь к людям не только совместимы, но и требуют друг друга. Любя Бога, мы должны любить и все Божие. На любви к ближним, которых мы видим, мы учимся любить Бога, Которого не видим.

В-третьих, любовь к земному отцу дитя должно засвидетельствовать благодарностью. Поэтому третий признак или свойство истинной любви христианина к Богу есть благодарность. Благодарность есть признательность за полученные благодеяния, соединенная с потребностью доказать признательность на деле. Христианин даже в успехах своих занятий видит Божие благословение. Благодарность Богу выражается молитвой, добрым употреблением посылаемых даров, принесением Богу жертв, уделением от своих благ ближним. В последнем случае благодарный помятует слова Господа Иисуса Христа: *так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Матф. 25:40). Ап. Павел во многих местах своих посланий призывает христиан *благодарить Бога за все* (Еф. 5:20; 1 Фес. 18), *за всех человеков* (1 Тим. 2:1), *все делать с благодарностью Богу и Отцу* (Кол. 3:17; Филип. 4:6).

В-четвертых, любя земного отца, дети всегда его почитают и ревнуют о его чести. Потому следующим признаком любви к Богу назовем почитание Бога и ревность о Его славе. Чтить Бога — значит всем своим поведением доброхотно признавать величие и славу Божию, и выражать свое свидетельство о подчиненности и зависимости от Бога. Если фарисеи говорили слепорожденному: *воздай славу Богу* (Ин. 9:24), то они приглашали его почтить Бога исповеданием истины. Если Господь Иисус Христос говорит об очищенных прокаженных: *как они не возвратились воздать славу Богу* (Лук. 17:18), — то Он упрекает их в том, что они не почтили Бога благодарностью. Если в книге Притчей Премудрый говорит: *почитающий Бога милует нищего* (14:31), — то этими словами он призывает нас почитать Бога исполнением Его заповедей. В послании ап. Петра почитанием Бога называется терпеливое и радостное перенесение страданий (1 Пет. 14:16); а в книге Апокалипсис — раскаяние в безбожной жизни и обращение к Богу (16:9). Мы почитаем и славословим Бога хвалебными молитвами и песнями, устроением и благоукрашением храмов Божиих, многими богослужебными обрядами, соблюдением в святости праздничных дней. Помазание Марией ног Иисуса драгоценным миром может послужить образцом для нас. К богопочитанию принадлежит и ревность о чести и славе Божией. Сын не может оставаться равнодушным, когда имя его отсутствующего отца порицают и злословят. Так и христианин не может оставаться равнодушным, когда хулится, словами или действиями, имя его небесного Отца. Это отрицательная сторона ревности о чести Божией. А положительная состоит в распространении между людьми истинного богопознания и добрых нравов проповедью, примером и другими возможными средствами, дабы *имя Бога святилось* не только в нас, но и вне нас, дабы *царство Его пришло* не только к нам, но и ко всем.

Наконец, любя земного отца, дети всегда помнят о нем, хранят в сердце его образ, и он правит ими даже во время его отсутствия. Поэтому последним признаком любви к небесному Отцу назовем памятование о Боге. Оно состоит в том, чтобы почаще отвлекаться от мира и его развлечений и сосредотачивать мысли на Боге и Его отношении к нам и этим способом возбуждать в себе соответствующие чувства и намерения. И даже среди работ и земных занятий истинный христианин непрестанно молится (Фесс. 5:17). Псалмопевец называет блаженным

того, чья воля в законе Господа и кто размышляет о законе Его день и ночь (Пс. 1:2-4; 118:1-11). Иисус, сын Сираха, говорит: размышляй о повелениях Господа и всегда поучайся в заповедях Его: Он укрепит твое сердце, и желание премудрости дастся тебе (6:37).

Отсутствие любви к Богу

Истинной любви к Богу противоположны: а) самолюбие и превратная любовь к самому себе. Самолюбие замыкается в круге своих собственных интересов и целей, и имеет в виду лишь собственную честь и пользу, а не славу Божию и общую пользу. Центр, вокруг которого вращается вся его жизнь, есть не Бог, а его собственное «я». Ему, очевидно, не достает самоотвержения и бескорыстия, без которых не может быть истинного служения Богу и истинно нравственной жизни. *Если кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мной* (Мф. 16:24), — говорит Господь.

б) Чрезмерная любовь к творению за счет любви к Творцу, т.е. заглушающая чувство любви и стремление к Творцу. Такая превратная любовь к миру неизбежно связана с отдалением человека от Бога и эгоистической любовью к самому себе. Отрешившись от Бога, человек все-таки ищет предмет для своей любви, и такой предмет представляется ему в окружающем его мире. И он тем охотнее предает ему свое сердце, что здесь все благоприятствует эгоистической расположенности его и удовлетворяет его похоть (*похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую*, по слову ап. Иоанна, 1 Ин. 2:16). Имея в виду такую превратную любовь к миру, ап. Иаков пишет: *дружба с миром есть вражда против Бога* (4:4). И Сам Господь Иисус Христос сказал: *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит; или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Матф. 16:26). Потому ап. Иоанн увещевает христиан: *не любите мира, ни того что в мире* (1 Ин. 2:15). Любовь к миру бывает правильной и законной лишь в том случае, когда мы любим мир не как самостоятельное бытие, имеющее цель в самом себе, а как творение Божие, имеющее конечную цель свою в Творце, — и когда, следовательно, любовь к миру находится в подчинении любви к Богу.

в) Леность и забвение Бога. В этом состоянии человек хотя и сознает необходимость ставить Бога выше всего и служить ему паче всего, но тяжеловесное тело и отяжелевшая душа влекут его не к верху, а к низу. Поддаваясь этому влечению, он небрежет о служении Богу; а небрежение мало-помалу ведет его до совершенного почти забвения Бога. Имея в виду эту наклонность, Господь Спаситель говорит: *Смотрите же за собой, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством, и заботами житейскими... бодрствуйте на всякое время и молитесь* (Лук. 21:34-36).

г) Неблагодарность по отношению к Богу. Неблагодарный Богу или считает виновником своего счастья и всякого блага свои собственные способности и силы (а иногда судьбу), или слишком мало ценит дары Божии и мало о них думает. Даже неблагодарность к людям считается в обществе грубым и постыдным делом; тем хуже она по отношению к Богу. «Неблагодарный человек» — отзыв весьма унизительный. В посрамление неблагодарных Господь указывает через прор. Исаию на бессловесных животных, инстинктивно влекущихся к своему благодетелю: *Вол знает владетеля своего, и осел — ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не разумеет* (Ис. 1:3). В Новом Завете негодование на неблагодарных изъявил Господь Иисус Христос при исцелении прокаженных: *не десять ли очистились? Где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника?* (Лк. 17:17-18). Неблагодарность свидетельствует о черством, а нередко и вероломном сердце.

д) Ложная ревность по Боге или фанатизм. Порок этот есть стремление распространять богопознание и охранять честь и славу Божию не теми средствами, которые указаны в Евангелии и которые соответствуют духу Христову и религии, именно: терпеливым наставлением, кротким вразумлением, добрым примером, честным отношением к своему делу, вниманием к человеческому достоинству. А такими средствами, которые противоречат

христианской религии и ее заповедям, именно: насилием, страхом, гонением, властолюбивыми и честолюбивыми замыслами. А ослепившись страстью, фанатики не в состоянии делать разбора между истиной и ложью и потому считают истиной только то, что они проповедуют и из-за чего ревнуют, все же остальное вменяют в ложь и считают недостойным существования. Чтобы видеть образцы фанатизма, вспомним о распространении учения Магомета огнем и мечем, об ужасах испанской инквизиции, о Варфоломеевой ночи и т.п. Если о зилотах (ревнителях закона Моисея) ап. Павел заметил, что они *ревность по Богу имеют, но не по разуму* (Рим. 10:2), то тем более это суждение должно быть отнесено к названным фанатикам.

е) Ненависть к Богу. Она есть совершенная противоположность любви к Богу. Вместо того, чтобы искать общения и союза с Богом, ненавидящий Бога расторгает всякий союз с Богом, враждует и издевается над всем священным, хочет сбросить с себя всякую зависимость от Бога и избегает всяких о Нем напоминаний. Хотя и он внутренне вынуждается веровать в Бога, так как и *бесы веруют и трепещут* (Иак. 2:19), но старается богохульством заглушить эту веру. К нему можно отнести слова Псалмопевца: *Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земные, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его. «Расторгнем узы их и свергнем с себя оковы их» (*Пс. 2:1-3).

Молитва

Вера, надежда и любовь к Богу, принадлежащие внутреннему существу христианина, скрывающиеся в глубине его души, все же открываются и выражаются во вне. Виды их внешнего обнаружения следующие: молитва, общественное богослужение, таинства, христианское провождение праздников и дней постов.

Молитва есть беседа человеческой души с Богом. Так определяют молитву Иоанн Златоуст, Григорий Нисский, Ефрем Сирин. В этом собеседовании с Богом человек высказывает свои желания и просьбы, воздает Богу благодарение и прославляет Его. Потому и разделяют молитву на просительную, благодарственную и хвалебную. (Матф. 7:7; Ин. 16:23,24;; Филип. 4:6; Рим. 15:6; Матф. 11:25). Если мы на молитве высказываем перед Богом свои хотения и потребности, то это не значит, что молитва есть средство сделать Богу известным наши потребности и желания. Богу, как Всеведущему, всегда все известно, но как земной отец, хорошо зная потребности своего дитяти, тем не менее часто их удовлетворяет лишь тогда, когда ребенок обратится к нему с просьбой, так поступает с нами и наш небесный Отец.

Молитва есть одна из обязанностей, особенно часто внушаемых нам Свящ. Писанием. (Матф.7:7; Мк. 11:24; Иак. 1:5 и д. 1 Тим. 2:1-3 и д.). Лишь молящемуся дается обетование близости к Богу и спасения: *Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам* (Иак. 4:8); *близь Господь всем призывающим Его: волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит и спасет их* (Пс.144:18-19). Некоторые протестантские нравоучители называют молитву лишь средством для приобретения добродетели. На самом же деле она не только средство для приобретения добродетели, но и сама добродетель в ее живом выражении. Но, с другой стороны, важно сказать, что молитвой приобретаются добродетели, так как молитва окрыляет человеческую душу, делает ее легкой и способной на всякое доброе дело, низводит на нее изобилие благодати Божией и делает человеческую жизнь истинно христианской.

Некоторые философы отвергают значение и необходимость молитвы (Кант, напр.). Они говорят, что человек своими желаниями и словами, высказываемыми на молитве, не может изменить миропорядка, — божественное мироправление будет идти своим путем, невзирая на то, молимся ли мы или не молимся. Но так утверждать — значит отрицать нравственный миропорядок, т.е. признавать действующими в мире и в человеческом роде лишь слепые и несвободные силы. Кто же признает нравственный миропорядок (А Кант, величайший противник материализма и эвдемонизма, ратует за нравственный порядок), тот необходимо должен согласиться, что миропорядок и миротечение обусловлены, между прочим, человеческой свободой и действиями; следовательно, они могут так или иначе изменяться в

зависимости от человеческих действий, к которым принадлежит и молитва. При Своем мироправлении Бог принимает во внимание, как вообще человеческие действия, так, в частности, и молитву. В зависимости от того или иного характера человеческих действий, Бог: — *Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей* (Втор. 32:39; 27:15). А отвержение молитвы пантеистами и материалистами само собой понятно: если не признается существование личного Бога, то не к кому обращаться с молитвой.

Что касается предмета молитвы, то следует остерегаться двух крайностей. Некоторые личности (особенно высокообразованные и философствующие) проникнуты тем убеждением, что следует молиться лишь вообще, об общем благе, о том, чтобы Бог все устроил наилучше, по Своей премудрой и всеблагой воле, но не приходится молиться, думают они, о каких-либо частных предметах и благих (напр. о выздоровлении, о благополучном возвращении из путешествия, об избавлении от опасности, об успехе в предприятии и т.п.), так как человеку остается лишь предать себя в волю Божию; молитва может быть только одна: *да будет воля Твоя!* Другие же личности (простодушные и неспособные к философскому мышлению) обращают внимание во время молитвы главным образом на частные предметы и случаи жизни; они хотят как бы давать Богу подробные указания, как и когда Он может помочь им и избавить их. Следует держаться среднего пути. С одной стороны, христианин вправе обращаться за помощью к Богу в различных частных случаях жизни и ожидать помощи. Ап. Павел пишет: *Не заботься ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания перед Богом* (Филип. 4:6). И мы вправе обращаться к Богу за помощью не только в духовной нужде, но и в телесной; в молитве *Отче наш* есть прошение и о *насущном хлебе*. Но, с другой стороны, мы должны предавать себя в волю Божию и подчинять все свои частные желания и потребности единому общему желанию и потребности: *да приидет царствие Божие.*

Образец такой молитвы преподал нам Сам Господь Иисус Христос: Он молился в Гефсиманском саду, *да мимоидет от Него чаша страданий*; но молитву Свою заключает словами: *но не как Я хочу, а как Ты* (Матф. 26:39). Ап. Павел говорит о себе, что он трижды молил Господа, чтобы Господь удалил от него удручавшего его ангела сатаны, но ему был сказано: довольно для тебя благодати Моей (2 Кор. 12:7-9). Когда наши моления не исполняются, мы должны довольствоваться той мыслью, что с нами остается благодать Божия, которая лучше всяких частных и временных благ жизни, что мы все-таки остаемся чадами Божиими. Мы должны помнить, что Бог не только раздаятель даров, но и наш воспитатель, потому мы должны подчиняться Его воспитывающему водительству.

Какие условия благотворной и успешной молитвы? Кто хочет молиться истинной молитвой, тот должен во-первых, молиться с верой, нисколько не сомневаясь в силе молитвы. *Все, чего не попросите в молитве с верой, получите, говорит Господь Иисус Христос* (Матф. 21:22). Да просим с верой, пишет ап. Иаков, нимало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа (1:6-7). Сознание своего недостоинства не должно препятствовать вере и надежде во время произнесения молитвы, так как мы надеемся не на свои заслуги, а на заслуги Господа Иисуса Христа и на милость Божию. И, след., во время молитвы требуется глубокое смирение.

Потому вторым условием истинной молитвы надо иметь смирение и сознание своего недостоинства. Известна притча о смиренном и «оправданном» мытаре и горделивом и «неоправданном» фарисее. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит,* говорит царь и пророк Давид (Пс. 50:19). *На кого Я призрю,* говорит Бог через пророка, *на смиренного и сокрушенного духом и трепещущего перед словом Моим* (Ис. 66:2).

В-третьих, молящий истинной молитвой должен освобождать свою душу от всякой чувственности, чтобы его душа могла легко возноситься горе и дышать тончайшим воздухом вечности. Потому-то Господь заповедовал нам молиться так: *Смотрите же за собой, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством и заботами житейскими* (Лук. 21:34). Не

напрасно с древнейших времен и у всех народов молитвы соединялись с постами. Каждый знает по собственному опыту, как тяжело молиться при обремененном желудке и как легко присутствовать при богослужении не евши. Вообще человек, не способный господствовать над своими чувственными влечениями, не может быть истинным молитвенником.

Далее, для совершения истинной молитвы требуется сосредоточенность мыслей и духа, строгая внимательность. Ей противоположна рассеянность. Даже великие молитвенники признавались, что им не всегда удавалось избежать рассеянности на молитве. Необходимо себя подготовить, глядя на икону, представить присутствие и величие Божие, отрешиться от обычных занятий и от того местоположения, которое может отвлекать мысли от молитвы и их рассеивать. *Прежде, нежели начнешь молиться, приготовь себя* (Сир. 18:23), пишет Премудрый. *Когда молишься, войди в комнату твою и, затвори дверь твою* (Матф.6:6), говорит Господь Иисус Христос. А когда во время молитвы приходят посторонние мысли в голову, тогда, по словам Лествичника, при первой встрече надобно отражать их своим умом (Степ. 28).

Наконец, кто хочет молиться успешно и богоугодно, тот должен свою волю принести в жертву воле Божией (молитва есть жертва) и изгнать из сердца все страсти. Бог не станет учреждать Свой престол в той душе, в которой расставлены идольские капища. Ап. Павел говорит: *Познал Господь Своих; и, да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа* (2 Тим. 2:19). *Кто отклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва мерзость,* говорит Премудрый (Притч. Сол. 28:9). О раздоре с ближними, как препятствии для успешной молитве, Иисус Христос говорит: Если ты принесешь дар твой к жертвеннику, и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником и пойди, прежде примирись с братом твоим, и тогда прииди и принеси дар твой (Матф. 5:23-24).

Из всего сказанного следует, что молитва находится в тесной связи со всей жизнью человека. Чья жизнь не направлена на то, что бы сделаться благоприятной жертвой Богу, тот не приготовлен к священной жертве молитвы. Прозревший слепорожденный хорошо рассудил, когда сказал: *Грешников Бог не слушает, но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает* (Ин. 9:31; Лк. 6:46).

По каким признакам можно узнать, что молитва услышана? По трем признакам. Во-первых, по ощущению в себе после молитвы внутреннего спокойствия, мира Божия, превосходящего всякий ум; во-вторых — по наблюдению в себе прироста высшей силы, оживляющей нас среди наших слабостей; в-третьих — по внутреннему озарению. Когда все это совершилось, тогда исполнились слова Христовы: *Я и Отец приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14:23). Бывает иногда, что после молитвы не замечается ничего особенного, даже иногда приходит состояние сухости или некоторого недовольства. Это не должно смущать христианина; он должен продолжать свое дело, должен молиться в положенное для молитвы время. Мы уже знаем, что Бог есть не только раздаятель благ, но и воспитатель человека. С целью испытания и укрепления веры, искренней преданности и терпения молящегося, Бог иногда заключает от него небо свое, отвлекает от него посылавшееся прежде духовное утешение. Для примера можно указать на хананейскую женщину, к просьбе которой Господь Спаситель отнесся сначала без внимания и даже жестоко, но потом возгласил: *о, женщина! велика вера твоя, да будет тебе по желанию твоему* (Матф. 15:28). След., молитва христианина должна быть неотступная. Она должна быть также неотступна, как, по словам Господней притчи, просьба вдовы у судьи о защите ее от соперника: «Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защитить их « (Лк. 18:7). Ап. Павел пишет: *будьте постоянны в молитве, бодрствуйте в ней с благодарением* (Кол. 4:2).

В борьбе с препятствиями молитве и среди молитвы без упущений и лености, приобретается молитвенный дар, т.е. расположенность к молитве и способность к совершенной молитве. Можно сказать, что дар молитвы, как и другие духовные дары, посылаются христианину милостью Божией, но он должен быть приобретаем им. С одной стороны,

христианин должен быть внимателен к посещениям его души Духом Божиим, должен молиться особенно в те часы, в которые чувствует расположение к молитве и просить Бога о ниспослании ему молитвенного дара. Но с другой стороны, он не должен оставаться без молитвы и в те времена, когда не чувствует расположения к молитве, должен подчиняться молитвенной дисциплине, сознавать, что молитва есть его долг, и потому должна быть исполнена, как всякий другой долг.

Апостол заповедует христианам *молиться непрестанно* (1 Сол. 5:17). И Сам Господь Иисус Христос сказал: *бодрствуйте на всякое время и молитесь* (Лк. 21:36). Это не значит, что мы должны отложить земные дела и все время проводить в молитве. Даже отшельники и пустынножители первых веков, эти совершенные образцы созерцательной молитвы, сменяли молитву земными заботами. Заповедь о непрестанной молитве относится не к наружной молитве, выражаемой определенными словами и положением тела, а ко внутренней, к молитве *духом*, по слову апостола (Ефес. 6:18). Непрестанно молится тот, кто в своем духе непрестанно хранит молитвенное расположение, кто и среди земных работ почаще возносит ум и сердце к Богу, в особенности же начинает и оканчивает работы молитвой, кто все свои дела направляет к славе Божией и жизнь строит согласно с волей Божией. Св. Иоанн Златоуст пишет: «Не говори мне, что для человека, занятого делами, невозможно проводить весь день в молитве. Возможно. В молитве нужны не столько звуки, сколько мысль, не воздеяние рук, а возвышение ума; не наружный вид, а внутренний смысл. Этому не может воспрепятствовать никакое место и никакое время. Если только дух твой воспламенен молитвой, то хоть ты и не преклоняешь колен, не воздеваешь рук и не ударяешь себя в грудь, однако молитва твоя совершенна». След., для совершения молитвы не требуется непременно выражать ее словами. Да и преисполненный молитвенного чувства или же углубленный в земную работу христианин иногда не находит подходящих слов для своей молитвы; тогда он молится *воздыханиями неизреченными* (Рим. 8:26). Молитва мытаря во храме, выражавшаяся скорбными вздохами, была Господу угоднее многих слов.

Но нам необходимы и готовые образцы молитвы. И такие образцы есть у нас. Первая и главная молитва, образец всех молитв, есть молитва Господня «Отче наш». Краткая по объему, но богатая содержанием, она объемлет все существенное, о чем должен молиться христианин. Небо и земля, высота и глубина, слава и величие Божие и нужда и бедствие человека — все это совмещено здесь. Эта молитва применима ко всякому положению и случаю жизни и одинаково пригодна для всех людей. Она разделяется на две части: первая направляет наши мысли вверх, к Богу, Чья честь, царство и воля должны быть первым предметом наших желаний; а вторая низводит наши мысли на землю, направляет их на наши телесные и душевные нужды и потребности. Есть у нас и молитвослов, полный и сокращенный, содержащий в себе известное число молитв, приспособленных к утру, вечеру, к началу и окончанию работ, к началу и окончанию трапезы. Там же найдем главные каноны и акафисты Спасителю, Богородице и некоторым святым, краткие песни на праздники и некоторые другие дни. Прекрасным пособием для молитвенного возношения души к Богу может служить также книга псалмов, изобилующая просительными, благодарственными и хвалебными молениями. Но еще больше молений разного рода содержится в наших богослужебных книгах. Наша православная церковь может похвалиться чрезвычайным изобилием богослужебных песней и молитв, составленных св. отцами церкви и введенных в употребление с первых веков христианства. Но каждому в отдельности христианину невозможно, да и нет надобности иметь у себя все богослужебные книги, чтобы молиться по ним. Для молитвы по этим книгам мы должны являться в храм для общественной молитвы или общественного богослужения.

Богослужение

Молитва частная, совершаемая в клети с затворенной дверью (Матф.6:6), есть первая и самая удобная для всякого времени форма молитвы. Но человек — не только индивидуум, т.е.

отдельное существо, он и член рода. Как таковой, он должен участвовать в жизни и деятельности других людей и всего общества. И как он участвует в общей жизни своей семьи, общества и государства, так должен участвовать и в совместной жизни церкви, как ее член. И если семейные и общественные или государственные собрания собираются ради различных земных потребностей и занятий, то собрания церковные составляются ради высших потребностей, ради непосредственного служения Богу. Господь Иисус Христос оставил нам обетование успешности и собственной богоугодности общественной молитвы, или богослужения, совершаемого в храмах, когда сказал: *Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Матф. 18:20). Ап. Павел оставил нам завещание исполняться Духом, *назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу* (Ефес. 5:18,19). И мы знаем из книги Деяний апостольских, что уже апостолы и первые христиане собирались для совместной молитвы: *все они единодушно пребывали в молитве и молении, говорится об апостолах* (1:14; 2:1); *они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах*, говорится о первых христианах (2:42-46), обращенных проповедью ап. Петра.

Сам Господь Иисус Христос молился не только в уединении, но и перед народом (при воскрешении Лазаря, Ин. 11:41 и д.), и среди Своих учеников (на тайной вечери, Ин. 17:1 и д.). Сила общественной молитвы зависит от того, что в церковном собрании молитва изливается от живущего особенно в церкви или христианском обществе Святого Духа, и слабость и недостаточность молитвы одного восполняются крепостью и совершенством молитвы всех. Кроме того, общественная молитва возвышает чувство сопринадлежности всех верующих. Св. Иоанн Златоуст говорит: «можно, конечно, молиться и дома; но ты не можешь молиться здесь так, как молишься в церкви, где собрано столько лиц, где возносится к Богу единодушный глас. Ты не так скоро будешь услышан, молясь Господу один, как молясь с братьями своими, ибо здесь есть нечто более: единомыслие, союз любви, молитвы священников. Во время общественной молитвы не только люди возносят глас свой, но и ангелы припадают ко Владыке и архангелы молятся».

Общественное богослужение важнее частной молитвы и в том отношении, что оно сложнее и полнее последней. Здесь не только возносятся молитвы и поются песни, но и совершаются многие богослужебные действия и проповедуется Слово Божие. Проповедание Слова Божия есть необходимая часть общественного богослужения; без него верующие не могут сознательно и разумно усвоить себе таинств христианской веры и преуспевать в благочестии. Потому-то Господь Иисус Христос оставил апостолам завещание «идти во весь мир и научить все народы, уча их блюсти все заповеданное Им» (Матф. 28:19-20). А богослужебные действия, или церковные обряды важны в том отношении, что наглядным образом изображают перед нами сверхчувственные и таинственные предметы религии, и таким образом вразумляют и назидают всякого, и даже простого, человека и возбуждают в людях стремление к высшему созерцанию и высшим чувствованиям. А что касается церковных песней, то св. Иоанн Златоуст пишет о них: «ничто не окрыляет так духа, ничто не отрешает его так от земли и телесных уз настолько, как стройное пение церковной песни». Но как не хороша и не достигает своей цели та проповедь, которая блещет поэтическими оборотами и ораторскими приемами за счет назидания, так не годится и та церковная песнь, в которой обращено внимание лишь на музыкальное искусство, а не на умиление сердца и вовлечение воли в высший мир. Церковная песнь должна иметь больше сходства с полевыми лилиями, чем с пышным и пестрым одеянием Соломона. А богослужебные действия и обряды не должны доходить до такой театральности, до которой они доходят в католической церкви. Главная же причина, почему общественная молитва и богослужение важнее частного, состоит в том, что во время общественного богослужения совершаются таинства.

Здесь необходимо сказать о нравственном значении таинства евхаристии с предшествующим ему таинством исповеди. Таинство евхаристии есть самое высшее средство для выражения любви к Богу и для соединения с Богом. Оно же есть самый высший акт неисчерпаемой любви Божией к христианину.

В евхаристии соединено все, что Господь Иисус Христос соделал для нас, что Он всегда хочет совершать для нас в Своей Церкви и что Он обещал совершить для нас в будущем. Евхаристия есть прежде всего воспоминание о совершенном некогда Господом Иисусом Христом искуплении нашем. *Сие творите в мое воспоминание*, — заповедал Господь апостолам и всем верующим (Лк. 22:18, ср.1 Кор. 11:26). Но она не есть только воспоминание о прошедшем и минувшем; она есть каждый раз и обновление для нас совершенного Господом Иисусом Христом великого дела; она представляет нам его жертву в настоящее время действующей и спасающей нас. Тот Самый Христос, Который сказал: *сие творите в Мое воспоминание*, сказал также: *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28:20). Он заповедал нам поминать Его не как отсутствующего, а как присутствующего, не как умершего, но как воскресшего из мертвых и живущего среди нас. Участвуя в таинстве евхаристии, мы теснейшим образом соединяемся с Господом Иисусом Христом и получаем духовную жизнь. *Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем* (Ин. 6:58); *ядущий Меня жив будет Мною* (57); *если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (53).

Но действие евхаристии не ограничивается только душевной областью. Как принимаем мы в себя в таинстве причащения всего нераздельного Христа и по духу, и по телу Его (*примите, ядите*, сказано, *сие есть тело Мое*), так и влияние этого таинства простирается и на телесную область. Потому это таинство есть залог воскресения тела и вечной жизни с прославленным телом. *Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную и Я воскрешу его в последний день* (54). Вообще, евхаристия ставится в Свящ. Писании в теснейшую связь с эсхатологическими (последними) судьбами человека (напр.: *отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего* (Матф. 26:29); она есть пророчество и предобразование того соединения верующих со Христом, которое последует в будущей жизни, по воскресении мертвых. А так как в евхаристии все верующие причащаются от *единого хлеба*, по слову апостола (1 Кор. 10:17), и таким образом соединяются в *едино тело*, то евхаристия есть предображение теснейшего соединения верующих в будущей жизни и между собой.

Внутренние опыты, переживаемые христианином после участия в таинстве евхаристии, те же, что и после истинной молитвы, только после евхаристии они ощущаются в высшей степени; именно, душевный мир, обновление любви к Богу и ближним и прирост силы на подвиги и борьбу жизни. Евхаристический дар есть божественное зерно, влагаемое в христианина, развивающееся в нем и приносящее соответствующие плоды, если оно не встречает препятствий для своего роста.

Но не всякое приобщение евхаристических даров благотворно для человека. Можно приобщиться в осуждение себе, по слову апостола: ядущий и пиющий недостойно, ест и пиет в осуждение себе (1 Кор. 11:29). Для достойного приобщения апостол требует, чтобы мы «испытывали» себя: Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей (28). Самоиспытание должно произвести в нас прежде всего сокрушение о грехах. Покаянное чувство и исповедь есть первое условие достойного причащения. Самоиспытание и сосредоточенное размышление о «Теле Господнем» (апостол говорит, что мы должны рассуждать о теле Господнем), должны вызывать в себе то настроение, которое соответствовало бы величию евхаристического дара. «Рассуждать о теле Господнем» — значит выделить Господню трапезу от обыкновенной трапезы и смотреть на нее, как на трапезу небесную, чрезвычайную, также иметь живую уверенность в действительном присутствии в

дарах Господа Иисуса Христа и приступать к приобщению с полной верой и благоговением. Св. Церковь взывает: Со страхом Божиим и верою приступите. «Рассуждать о теле Господнем» — значит еще вспоминать о смерти Христовой, возвещаемой таинством евхаристии и совершившей наше искупление, и потому приступать к таинству с и искренней благодарностью за всегда являемую нам чудесную любовь и благодеяния Божии. Наконец, к приобщению надо приступать с непритворной жаждой в этом таинстве соединиться со Христом. По выражению одной притчи Христовой, мы должны являться к вечери Господней в *брачной одежде*. Это выражение надо понимать, конечно, в переносном смысле, в смысле чистоты и украшения души добродетелями. Но в настоящем случае можно усвоить ему и буквальный смысл: являющемуся к причастию надо быть в чистом и благопристойном виде. А после приобщения требуется не тотчас погружаться в житейские дела, но пребывать в благочестивом состоянии, чтобы благодать могла произвести в нас надлежащее действие.

Как часто надобно приобщаться? Ответ на этот вопрос зависит от личного состояния каждого христианина. Чем достойнее живет человек, тем способнее он воспринимать на себя Святейшего святых и вместе с тем имеет потребность восприятия Его, тем чаще может он приобщаться. И наоборот: Господь Иисус Христос предостерегает — не давать святыню псам, и не бросать жемчуга перед свиньями (Матф. 7:6). Но тот не может быть назван христианином и считаться в обществе Христовом, кто не чувствует в себе потребности и не способен достойно причаститься по крайней мере один раз в году. Ревнующим же о благочестии св. Церковь предлагает приобщаться каждый пост, т.е. четыре раза в году. А в священнослужителях она предполагает такую высоту жизни, что заповедует им приобщаться каждый воскресный и праздничный день, по возможности часто. Но и не приобщаясь телесно, мы получаем немалую душевную пользу от присутствия при совершении святейшего таинства евхаристии.

Исповедь

Мы видели, что первое условие достойного приобщения св. Таин есть очищение от грехов. Потому-то приобщению св. Таин предшествует исповедь, на которой отпускаются нам грехи. И во время молитвы, как частной, так и общественной, мы просим Бога о прощении грехов. Но на молитве прощение грехов не может быть полное, так как при этом недостает того совершенного действия в человеке благодати Св. Духа, которое имеет место при участии христианина в таинстве и которое происходит в силу искупительных заслуг Господа Иисуса Христа. Молитва и общественное богослужение имеют подготовительное значение по отношению к таинству; они делают нас достойными принять участие в таинстве и сподобиться его благодатных плодов. Молитвенные и другие благочестивые подвиги (пост, милостыня, углубление в себя и размышление о себе, воздержание от гнева, ссор, осуждений и других страстей), предшествующих исповеди и приобщению св. Таин, называют «говением». Сила говения зависит не столько от его продолжительности, сколько от внутренней решимости говеющего; но следует назначить и определенное время (от 3 до 6 дней), чтобы говеющий был достойно подготовлен.

Существенные и необходимые условия прощения грехов на исповеди это, во-первых, раскаяние. Повинному в преступлении Симону волхву ап. Петр дает такое наставление: *покайся в сем грехе твоем и молись Богу: может отпустит тебе помысел сердца твоего* (Деян. 8:22). И, вообще, иудеев, желавших загладить свои грехи, он наставляет: *Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши* (3:19). Мы имели уже случай определить понятие «раскаяние»: оно есть глубокая скорбь о своих грехах, скорбь как о частных грехах (особенно тяжких), так и вообще о повинном состоянии, об отчуждении от Бога. Образцом может послужить мытарь, «бивший себя в грудь» (Лук. 18:13). К раскаянию призывает людей пр. Иоиль, когда говорит: *обратитесь в плаче и рыдании, раздирайте сердца ваши* (2:12-13). Плач и рыдания кающегося должны быть прежде всего внутренние, душевные; но они могут выражаться и во вне, быть внешним плачем. Но истинное раскаяние, ведущее к прощению

грехов, есть сожаление о грехах не из-за того, что мы порочной жизнью причинили себе какой-либо ущерб в земной жизни, или что мы можем быть наказаны за преступления и т.п., а из-за того, что мы грехами оскорбили Бога, нашего величайшего Благодетеля и Отца, и сделались недостойными Его. Потому сказано: *печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7:10).

Но истинно исповедующийся не остается в подавленном и уничиженном состоянии сожаления и скорби о грехах. Он возбуждает в себе намерение и дает перед Богом обещание впредь не грешить. Это — второе условие прощения грехов на исповеди. Образцом может послужить блудный сын, который, раскаявшись в дурном поведении, внутренне воззвал к себе : *восстав, пойду ко отцу моему* (Лук. 15:18). В Ветхом Завете пр. Иезекииль говорил: *когда беззаконник обратился от беззакония своего и стал творить суд и правду, он будет за то жив* (33:19). Христос, простив женщине грех прелюбодеяния, сказал: *иди и впредь не греши* (Ин. 8:11). С намерением исправить жизнь должна быть соединена и готовность загладить все те несправедливости и обиды, которые были произведены нашими греховными действиями. Образцом может послужить Закхей мытарь, который, осознав прежнюю греховную жизнь и удостоившись милостивого отношения к себе Господа Спасителя, сказал: *половину имения моего я отдам нищим, и если кого чем обидел, воздам вчетверо* (Лук. 19:8). К тому же мы призываемся и словами св. Иоанна Предтечи: *сотворите же достойный плод покаяния* (Матф. 3:8). И в книге Апокалипсис: *покайся и твори прежние дела* (2:5). Исповедующийся не должен умствовать о том, что невозможно для человека жить безгрешно и что, след., он будет грешить и после исповеди, — в данную минуту, т.е. на исповеди, он должен быть весь проникнут сознанием и чувством, что грешить не должно и надо стремиться к безгрешной жизни. А после исповеди необходимо всеми силами стараться и самим делом показывать стремление к таковой жизни. В нравственной жизни каждого христианина непременно должен совершаться прогресс, и после каждой исповеди он должен вести к улучшению жизни.

Так как исповедующийся собственной силой не может снять с себя грехов и возвратить себе потерянное невинное состояние, то третьим необходимым условием исповеди является вера в Господа Иисуса Христа, искупившего нас от греха и духовной смерти, и надежда на Его прощающее милосердие. *О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его* (Иисуса Христа) (Деян. 10:43). Чудесным действием благодати Св. Духа в душе исповедующегося в одну минуту совершается гораздо больше, чем сколько он в состоянии собственной силой произвести в течение многих лет.

По уставу Православной Церкви кающийся должен устно исповедовать свои грехи. Устное исповедание необходимо уже потому, что на исповеди совершается суд над исповедующимся; а чтобы судить и на основании суда разрешить или не разрешить грехи (Чит. Ин. 20:23), священнику необходимо знать эти грехи. Кроме того, устная исповедь есть средство узнать не только степень испорченности сердца и воли исповедующегося, но и искренность его раскаяния. В то же время устная исповедь имеет благотворное значение для самого кающегося: оно побуждает его к полному сознанию своих грехов и к искреннему раскаянию, и утверждает его в уверенности, что высказанные грехи прощаются. Не говорим уже о том, что в человеческой душе есть глубокая потребность высказаться перед другими и этим способом облегчить свою душу. Свящ. Писание представляет устную исповедь естественной, когда говорит: *от избытка сердца говорят уста* (Матф. 12:34). Уже приходившие к Иоанну Крестителю «исповедовали грехи свои» (Матф. 3:6). Такой же способ исповеди практиковался в апостольской церкви. Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои (Деян. 19:18). Ап. Иоанн пишет: *если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды* (1 Ин. 1:8-9).

Так как у каждого человека грехов очень много, и вообще у всех людей много грехов, то исповедующийся не должен перечислять все человеческие грехи, а указать свои собственные

грехи и порочные склонности, свои дурные привычки и страсти и выставить на вид те грехи, которыми он особенно хромает. А затем надо признать свою виновность и во всех грехах, неизбежных в человеческой жизни. Можно использовать для припоминания грехов известный порядок из катехизиса или из системы нравоучений. Так можно исповедываться в порядке десяти заповедей, или в порядке трех классов обязанностей: к Богу, к ближним и к самому себе, — или руководствоваться разделением грехов на три разряда: грехи высокомерия, грехи чувственности и грехи алчности.

Исповедь не есть только суд над исповедующимся, она есть и наставление, утешение и ободрение кающегося. Священник должен быть искусен, чтобы передать все это исповедующемуся. Он должен уметь, как раскрыть ему опасность его душевного состояния, так и предостеречь его от душевного смятения и уныния. Он должен обладать искусством как узнать вопросами нравственное состояние человека, если тот сам не умеет или по другой причине не раскрывает его, так и преподать ему разумные советы для исправления жизни. Что касается епитимии, то она в православной церкви не имеет того значения, какое имеет у католиков, т.е. значения удовлетворения правде Божией за грехи. Потому она может быть и не назначена. Общая и самая лучшая епитимия есть твердое и искреннее обещание исправиться и впредь воздерживаться от совершенных грехов. К той же цели исправления должны быть направлены и все частные виды епитимии, если они назначаются. В Свящ. Писании есть указания на возможность и целесообразность назначения епитимии; так, ап. Павел велел предать кровосмесника сатане во изможднение плоти, да дух спасется (1 Кор. 5:6; ср. 2 Кор. 6 и д.). В первенствующей церкви кающихся разделяли на четыре класса: плачущих, слушающих, коленопреклоненных и вместе стоящих.

Какие плоды таинства покаяния? Во-первых, успокоение совести, во-вторых, очищение души, изменение внутреннего настроения и нравственное улучшение.

Святость храма

Для общественного богослужения христиане собираются в храм. Потому храм имеет чрезвычайно важное значение для христиан, как место особенного присутствия Божия и особенного явления благодати Божией, и как «дом молитвы». Отсюда обязанность каждого христианина почитать храм и его святыни и заботиться о благосостоянии храма.

Почитание храма выражается в оказании уважения (проходя мимо храма, следует обнажить голову и сотворить крестное знамение), в ограждении храма от всего несогласного с его достоинством (напр., нельзя устраивать на церковном погосте игр и курить табак, нельзя открывать вблизи храма питейных домов, нельзя приносить в храм мяса и т.д.), в храм надо входить с охотой, в приличном виде и пребывать в нем с благоговением. Заслышав церковный благовест, христианин должен говорить себе: *Возрадовался я, когда сказали мне: пойдем в дом Господень.* (Пс. 121:1) *Как вожделенны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни* (Пс. 83:3). Как строго относился Господь Спаситель к непочтителям и осквернителям храма, это мы знаем из евангельской истории: изгнав из храма всех продававших и покупавших и меновщиков денег, Он сказал: *написано: дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников* (Матф. 21:12-13).

Надо почитать и все находящиеся в храме предметы. Они издревле освящены употреблением в церкви и служат для нас как бы выражением нашей веры и нашему назиданию. — Честный крест лежит в основании нашего спасения, и христианин должен больше всего хвалиться крестом (1 Кор. 2:2). Нет ничего естественнее нам, как всюду видеть крест и совершать знамение креста. Св. Евангелие есть для нас как бы живая проповедь Господа Спасителя. Св. иконы переносят нашу мысль и сердце от образа к первообразу. А святые мощи есть часть существа святого и потому заслуживают особого почитания. Также и чудотворные иконы особо почитаются, как избранные Самим Богом для явления через них Своей благодати. Чаша, дискос и дарохранительница вмещают в себя Тело и Кровь Христову, и они — самые

почитаемые из всех священных сосудов. В уважении должны быть и прочие вещи церковные, как предметы священные.

А забота о благосостоянии и благоустроении храма выражается в попечении о чистом хлебе и цельном вине для таинства евхаристии, в приобретении чаши и дискоса из благородного металла, в старании приобретать иконы хорошей живописи и иметь хороший хор певчих, в стремлении к украшению всего храма и приобретению возможно лучших церковных вещей и лампадного масла. Извращают порядок вещей те богатые христиане которые больше заботятся о благолепии своих домов, чем благолепии храмов. Мудрейший из израильских царей Соломон приложил наиболее старания и богатства к построению достойного великого Бога храма. И Господь чудесным образом открыл Свое благоволение при освящении этого храма. А так как для благоустроения храма требуются материальные средства, то каждый христианин, по мере своих средств, должен охотно жертвовать на храм. Пример имеем в лице бедной вдовицы, отдавшей на храм и от крайней скудости своей (Мр. 12:41-44). Знаем также, что и Сам Господь Иисус Христос подавал на храм (Матф. 17:21; Мр. 12:21). Забота о храме должна простираться и на служителей храма, чтобы они беспрепятственно служили храму. *Священнодействующие питаются от святилища, а служащие жертвеннику берут долю от жертвенника* (1 Кор. 9:13-14), по слову апостола.

Праздники

Для общественного богослужения, как и вообще для служения Богу и для покоя в Боге, назначены воскресные и праздничные дни. Даже независимо от религии, человеческое общество должно понимать, что необходимо назначить на неделе такой день, в который трудящиеся могли бы отдохнуть и восстановить силы. Христианская Церковь, узаконив воскресные и праздничные дни, оказывает благодеяние человеческому роду также и в экономическом отношении: щадит рабочие силы людей и дает им возможность успешнее работать. Отдохнув в праздник, человек будет крепче чувствовать себя в продолжение недели. Узаконением праздничных дней оказывается благодеяние и семейной жизни. Известно, что глава семейства, несущий известную службу в обществе или, вообще, заботящийся о пропитании своего семейства, часто вынужден большую часть времени проводить вне своего семейного очага; потому весьма важно, чтобы хоть один день в неделе он имел возможность провести в кругу своего семейства. Но главное назначение христианских праздников состоит в освобождении человека от земных забот и суеты и в возвышении его в область его вечного назначения. Потому-то праздники служат прообразом будущего покоя в Боге всех верующих в царстве блаженных; они предобразуют то субботство, о котором говорит ап. Павел в послании к евреям (Евр. 4:9). От праздников исходит благословение и на рабочие дни. Шесть дней работы с Божиим благословением значат больше, чем семь дней работы без Божьего благословения. Праздники есть как бы солнце, освещающее и согревающее рабочие дни недели, и даже самые трудные и мрачные из них делающее облегченными и просветленными.

Заповедь о праздновании одного дня в неделю ясно выражена в десятословии: *помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай в них все дела твои, а день седьмой — суббота Господу Богу твоему* (Исх. 20:8,9,10). У христиан последний день недели, субботний — в память завершения дел творения, заменен первым днем, т.е. воскресным, в память совершения искупления нашего Христовой смертью и воскресением. Известно также, что в воскресный день был послан в мир Дух Святой, усвояющий каждому христианину плоды искупления. Есть указания, что еще во времена апостолов был посвящен Господу первый день недели, т.е. воскресный (Деян. 20:7; 1Кор. 16:2; Апок. 1:10). Заповедь о посвящении этого дня Господу преподает ап. Павел и для всех времен христианских, когда говорит: *поминайте Господа Иисуса Христа восставшего от мертвых* (2 Тим. 2:8). А впоследствии присоединены к воскресному дню и события из жизни Господа Спасителя и пресвятой Девы Марии, и в память

святых Божиих. Как блестящая диадема, усеянная драгоценными камнями различной величины и цвета, окаймляют эти праздничные дни течение всего года.

Как следует проводить праздничные дни? Чтобы праздновать согласно с евангельским духом, надобно избегать крайностей, с одной стороны, ветхозаветного иудейства и английского пуританизма, понимающих заповедь о праздниках более в смысле буквы, чем духа, а с другой стороны — западного либерализма, почти не делающего различия между праздничными и будними днями. Иудейский закон запрещает в праздник даже дела необходимости (напр., приготовление пищи, ограничение пути, дела милосердия и посещение врачом больного). Между тем Господь Иисус Христос оправдывал учеников, срывавших в субботу колосья на полях (Матф. 12:1), и поучал фарисеев, как словом, так и примером, делать добро в субботу. *Суббота для человека, а не человек для субботы* (Мр. 2:23-27; Лук. 6:9; Ин. 5:1), т.е. заповедь о субботе есть лишь средство для воспитания человека и для достижения им блага. По этой причине все то, что составляет неотложную потребность для тела и что непосредственно служит для преуспевания христианина в добродетели, позволительно в праздник. Английские же пуритане и вообще ригористы считают непозволительным в праздник даже невинные развлечения и удовольствия, напр., музыку. Они требуют, чтобы весь праздничный день люди проводили если не в храме, то в четырех стенах своего дома. Но едва ли такое провождение праздничных дней послужит полному оживлению и укреплению человека для работы, и едва ли оно согласно с духом истинного христианства. Истинное христианство отнюдь не воспрещает человеку и мирских развлечений или благородных увеселений. Радость в христианский праздник должна обнимать всего человека, она должна быть полная; след., не может быть воспрещено в праздник эстетическое наслаждение. По этой же причине празднику приличествует лучшая пища и лучшая одежда.

Но в наше время приходится бороться не столько с ригористическим, сколько со слабым взглядом на праздники. С ослаблением религии и благочестия ослабевает во многих местах и провождение праздничных дней. Во-первых, в праздники хотят продолжать обычные мирские работы (продажу в магазинах и пр.), а во-вторых, предаются развлечениям и удовольствиям, которые скорее оскорбляют святость праздника: пьянству, кутежу, спорам и раздорам, неумеренному сну и т.п. Все так называемые рабские работы, влекущие человека долу, а не горе, не приличествуют празднику. Праздник, конечно, не должен быть поводом к бездействию, к праздности. И в праздник христианин должен быть занят, но высшими занятиями, более одухотворенными: молитва, чтение назидательных книг, собеседование, эстетические наслаждения и т.п. Если человек просто отдыхает, то отдых в праздничный день сопровожден сознанием, что он есть отображение и часть покоя человека в Боге. Хуже всего, если человек в праздник предается порочным развлечениям и греховным удовольствиям, это еще хуже, чем заниматься обычной работой.

Вот в порядке провождения праздничного дня: прежде всего присутствовать в храме при богослужении. Нельзя назвать истинным христианином того человека, который не старается каждый праздник посетить храм. Во-вторых, христианин вступает в сердечные собеседования с родными и знакомыми, выражает людям свою любовь. Беседы в рабочие дни большей частью бывают по какому-либо делу, случайные; в праздник же они свободные и не вынужденные, изливаются от доброты сердца. В праздник христианин как бы еще больше любит своих ближних, принимает родных и знакомых или посещает их дома. А оставаясь дома, он занимается чтением, размышлением, отдыхом или молитвой. Он должен всегда помнить, что все должно совершаться по слову апостола *благообразно и по чину* (1 Кор. 14:40), т.е. в меру и прилично. Он, вообще, не позволяет себе ничего такого, что расстроило бы благодатное состояние души, полученное в храме при богослужении. Далее: христианин считает за правило — сделать ради праздника какое-либо доброе дело ближнему. Напр., посетить больного, подать милостыню, весь день не сердиться, никому не сказать обидного или жестокого слова и т.п. (что, конечно, желательно не только в праздник). Родители и старшие поучают детей в

праздник, рассказывая им историю праздника или объясняя евангельское чтение. Наконец, позволяя себе в праздник лучшую пищу и одежду, надо помнить, что все должно совершаться *во славу Божию* (1 Кор. 10:31).

Посты

С учением о праздниках можно соединить учение о постах, так как посты обыкновенно предваряют и приготовляют к ним. Так, среда и пятница предваряют воскресенье; пост в эти дни в память предательства Иуды, предания на смерть и самой смерти Господа Спасителя, служит приготовлением к празднованию воскресения Христова. Четыредесятница подготовляет христиан к празднованию св. Пасхи; филиппов пост предваряет Рождество Христово и т.д.

Образец поста представил нам Сам Господь Иисус Христос, проведши сорок дней в воздержании от пищи и питья и взалкавши, по замечанию евангелиста. Сам же Господь Иисус Христос предуказал посты в христианской церкви, когда заметил фарисеям: *когда отнимется у них жених, тогда будут поститься* (Матф. 9:15). Он же указал на необходимость поста, соединенного с молитвой, для победы над врагом нашего спасения: *сей же род изгоняется только молитвой и постом* (Матф.17:21). Постились и апостолы (Деян. 13:2,3; 14:23).

Пост состоит не только вообще в умеренности в употреблении пищи и питья, но и в совершенном воздержании от известных видов пищи (скоромной пищи), а иногда в ограничении обычных приемов пищи или в полном воздержании от всякой пищи. Последний предлагается христианам в особые дни, как великая пятница (до выноса плащаницы), первый день четыредесятницы (до появления вечерней зари), навечерие Рождества Христова и Богоявления (до освящения воды), день Святой Троицы (до окончания вечерни, соединенной с литургией), утро каждого праздничного дня (до окончания богослужения). Но, впрочем, степень участия в этом подвиге предоставляется усердию и навыку каждого христианина. Что невозможно для равнодушного в религиозном отношении и не упражнявшегося в пощении, то легко для ревностного и привыкшего к пощению. Не одобрено доводить пощение, до ослабления организма и невозможности к труду; такое пощение не может быть названо угодным Богу. Пока человек живет на земле, он не может освободить себя от земных потребностей.

Значение поста состоит в том, что он смиряет нашу плоть, помогает нам преодолевать чувственные пожелания, облегчает нашу душу и делает ее способной сосредотачиваться и возноситься горе на молитве и богомыслии. В этом состоит аскетическое значение поста. Но пост имеет и символическое значение: он служит выражением печали. Печаль имеет здесь двоякое направление: с одной стороны она есть печаль о страждущем Спасителе, а с другой стороны, она есть печаль о грехе. В этом смысле выразился Спаситель: *когда отымется от них* (сынов брачных) *жених, тогда будут поститься* (Матф. 9:15). Телесный пост не имеет значения сам по себе, независимо от дальнейшей, соответствующей ему деятельности духа, (потому и выразился Спаситель: *не то, что входит в уста оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека* (Матф. 15:11); пост имеет значение для духовного роста и преодоления страстей. Призывая народ через прор. Иоиля к посту, Господь Бог вместе с тем призывает его *к плачу и рыданию, раздиранию сердец* и к *обращению к Богу* (2:12 и д.). А св. Церковь воспевает в первый день четыредесятницы: «истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголания, лжи и клятвопреступления» (на стих). Наконец, пост имеет общественное значение. Во-первых, ограничивая себя в пище и питье, мы сберегаем лишние деньги и таким образом имеем больше возможности помогать бедным и выводить из общества нищету. Св. Церковь прямо и ясно призывает нас к благотворительности как необходимой принадлежности или следствию пощения, воспевая в четыредесятницу словами прор. Исаии: дадим алчущим хлеб и нищих и бездомных введем в дома (58:6.7). Во-вторых, добровольное воздержание людей богатых будет благодетельно влиять на людей бедных, которым приходится поститься по нужде.

В наше время в среде так называемого образованного класса посты довольно часто не соблюдаются. В оправдание указывают на различные основания, которые не выдерживают абсолютно никакой критики с нравственной точки зрения. На самом деле главной причиной нарушения постов является то, что скоромная пища приятнее, и не создает затруднений для готовящих ее. Говорят, что скоромная пища здоровее, но на самом деле постная пища более здорова, и сама перемена пищи весьма полезна для организма. От невоздержания умирает гораздо больше людей, чем при воздержании. Можно убедиться, что там, где постятся, люди бывают крепче и здоровее, чем там, где не постятся (при различных болезнях другой вопрос).

Грехи небрежности в Богопочитании

Рассматривая внутреннюю и внешнюю стороны богопочитания и говоря о необхоимости соединения их в одно целое, мы в то же время показали, какие бы произошли результаты, если бы христианин их разъединил в своей жизни. С одной стороны, вышло бы механическое исполнение внешнего богопочитания и даже мнимая набожность или фарисейство, а с другой — неуважение к священным обрядам и постановлениям Церкви, а отсюда — ослабление внутренней религиозности. Но неуважение к церковным обрядам и постановлениям может пойти дальше и выразиться в кощунстве и богохульстве. Такой человек не ограничивается холодным неуважением к священным предметам, а осмеивает их и порицает. В основании этого греха может лежать различная степень порчи сердца. Бывает кощунство по легкомыслию, но бывает и по озлоблению к Церкви. Господь Иисус Христос высказал самый строгий приговор богохульникам (Матф. 12:31,32; Мр. 3:28-29). Уже в земной жизни Бог нередко вразумляет и наказывает кощунствующих и богохульствующих. Жестокая судьба Вальтазара и Антиоха может послужить предостережением на все времена (Дан. 5:2 Мак. 9). К тому же разряду принадлежат святотатство и симония. Симонией называется грех приобретения за деньги каких-либо духовных даров. Известна история Симона волхва (Деян. 8:18 и д.). Предостерегая от этого греха, Господь Иисус Христос говорит: *«Даром получили, даром давайте»* (Матф. 10:8). А святотатством называется похищение священных или принадлежащих церкви вещей. Но в широком смысле под именем святотатства разумеется неблагоговейное обращение со священными предметами и злоупотребление ими, в особенности же — недостойное участие в Св. Таинствах. Сюда относится данная Господом Иисусом Христом заповедь апостолам: не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями (Матф. 7:6).

Особые виды внешнего богопочитания

Исповедание веры

Исповедание, как обязанность по отношению к Богу, есть свидетельство или признание перед миром веры в Бога, нашей надежды на Него и нашей любви к Нему. А проповедание есть возвещение перед миром божественных истин. Последнее есть обязанность не только священнослужителей, но и всех христиан, ревнующих о распространении христианской веры и благочестия. Каждый в своем кругу и при подходящих обстоятельствах может быть проповедником. Исповедание зависит больше от различных обстоятельств времени и места, а проповедание больше зависит от желания и соответствующей подготовки христианина. Обязанность исповедания Бога ясно возлагает на нас Господь Иисус Христос, когда говорит: *всякого, кто исповедает Меня перед людьми, того исповедую и Я перед Отцом Моим Небесным, а кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцом Моим Небесным* (Матф. 10:32-33; Мр. 8:38). Ап. Павел пишет: *Если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься* (Рим. 10:9-10; ср. 1 Тим. 6:12,13). А к обязанности проповедовать Бога ясно призывает всех христиан ап. Петр, говоря: *вы род избранный, царственное священство, народ*

взятый в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет (1Пет. 2:9).

Особенное значение получает исповедание во времена открытых нападений на веру. Такие нападения терпели христиане особенно в первые века, и будут терпеть, по пророчеству Господа Иисуса Христа, перед вторым Его пришествием. Этот подвиг называется исповедничеством и мученичеством. Это самое высшее прославление человеком Бога на земле и самое высшее торжество христианства. При этом подвиге уместно и проповедание. Мы знаем, что апостолы и мученики говорили речи о Христе, проповедовали Бога и своею речью даже обращали в христианство своих мучителей. Гонение на веру возможно во всякое время, и если не внешнее, то внутреннее, если не огнем и мечем, то словами, книгами и безбожной жизнью. Напр., в наше время христианам немало приходится бороться с вольнодумством, с равнодушием к вере и преследованием одних земных и материальных целей и т.п. При каких бы то ни было обстоятельствах христианин не должен стыдиться Евангелия Христова. Вся жизнь его должна быть благодарным исповеданием: *Умоляю вас, братия*, — пишет ап. Павел, — *предоставьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу* (Рим. 12:1). Христианин нисколько не беспокоится о том, что скажет и как отнесется к нему мир, если вся жизнь его, все движения и все речи будут иметь христианских характер.

Ревность к исповеданию Бога не должна иметь своих корней в тщеславии и гордости, она должна быть проникнута смирением и чистотой. Между тем, во времена гонений на христиан некоторые из них самовольно устремлялись к мученичеству, желая, так сказать, похитить у Бога своими руками мученический венец. Исповедание не должно быть и самонадеянным. Печальный пример предоставляет нам ап. Петр, по-видимому, чувствовавший в себе избыток ревности к исповеданию Христа, но сейчас же отрекшийся от Него. Наконец, исповедание должно быть проникнуто любовью. Пример видим в лице ап. Павла, который сказал перед лицом Агриппы: молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими как я, кроме этих уз (Деян. 26:29).

Грехами, противоположными обязанности исповедания, являются, с одной стороны, безразличие, холодность, а с другой — фанатизм.

Клятва

Клятва, или присяга, есть один из видов исповедания веры в Бога, как всеведущего Судьи. Она вызвана потребностью общества, в котором существует грех обмана, и, след., есть повод к недоверию и при помощи клятвы хотят сделать более достоверными показания и обещания.

Некоторые секты отвергают клятву на основании слов Господа Иисуса Христа из нагорной беседы: *Я говорю вам: не клянитесь вовсе... но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого* (Матф. 5:34-37; Иак. 5:12). Говорят, что этими словами Господь Иисус Христос воспрещает присягу. Но в нагорной беседе Господь изображает идеал царства Божия, мыслимого в его совершенстве; и с этой точки зрения присяга, конечно, должна быть признана неуместной, так как она возникает из недоверия людей друг к другу, между тем, в чистом царстве Божием не может быть недоверия. И это царство Божие не только ожидается нами в будущем, но уже началось и в настоящее время; след., и в настоящее время клятва между людьми излишня, если между ними господствует любовь. Требуя господства любви и доверия от Своих последователей, Господь Иисус Христос, естественно, требует и уничтожения клятвы. Одно с другим связано. Но так как наряду с царством Божиим существует еще царство человеческое или царство гражданской справедливости, и так как между людьми существует еще грех, ложь и недоверие, то ради уяснения истины, христианин, по требованию начальства, должен не отказываться от клятвы. И на суде у первосвященника Господь Иисус Христос отнесся с уважением к клятве: Он вначале молчал, но когда первосвященник сказал: *заклинаю тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?* — тогда отвечал (Матф. 26:63).

Ап. Павел нередко употребляет в своих посланиях обороты речи, сродные с клятвой; напр., *Бога призываю в свидетели на душу мою* (2 Кор. 1:23); *свидетель мне есть Бог* (Рим. 1:9).

Сущность истинной клятвы состоит в том, что приносящий ее подтверждает перед лицом всеведущего Бога свое показание или свое обещание и ставит себя в безусловную зависимость от Бога, ясно сознавая, что Он строго карает всякую неправду, и что ложно клянущийся навлекает на себя грозный суд Божий.

Кто хочет произнести клятву, тот должен приготовиться к ней. Подготовление должно состоять в осознании важности предстоящего дела и ответственности за приносимую клятву. Клятва должна быть произносима благоговейно и с решительным намерением свидетельствовать истину и стоять за правду. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, гласит третья заповедь закона Божия.

Клятва может быть двух видов. Один вид ее относится к фактам настоящего или прошедшего времени, а другой — к событиям будущего. В первом случае мы даем показания при разбирательстве дела в суде, а во втором — при вступлении в должность и в некоторых других случаях.

Гнусность ложной клятвы и клятвопреступления состоит в том, что ложно клянущийся, или клятвопреступник, играют не только частной истиной, подлежащей, положим, расследованию на суде, но и смеётся над истиной вообще, правдой самой по себе, смеётся над верой в Бога. Нарушить клятву, данную в полном сознании и по свободной воле, — значит совершить самую отвратительную вероломность не только по отношению к людям, но и по отношению к своей совести и к Богу. А еще отвратительнее ложная клятва, так как нарушитель клятвы, по крайней мере, в то время, когда давал клятву, мог иметь намерение исполнить обещанное; между тем ложно клянущийся от начала до конца презирает истину и верность. К грехам против клятвы надобно отнести еще божбу, которая есть легкомысленное, без всякой нужды употребление клятвы в обыкновенном разговоре и делах.

Обеты

Можно различать обеты в широком или в собственном смысле слова. К обетам в широком смысле слова относятся такие, как обет крещения, обет при вступлении в брак, при занятии должности. При крещении дается обет святой жизни; при вступлении в брак — супружеской верности; при занятии должности дается обет верного служения обществу и тщательного исполнения своих обязанностей. Эти обеты действуют благотворно, так как давший их чувствует себя обязанным перед Богом честно выполнять обещанное. К обетам же тесным, в собственном смысле слова, относятся обеты сверх обычных, данные Богу в затруднительных обстоятельствах жизни или служащие к чести Божией и направленные к преуспеянию нашего спасения. Напр., в болезни христианин может дать обет усилить по выздоровлении посещение богослужений или совершить путешествие в известный монастырь. Даже при опасности для своей жизни может дать обет раздать бедным значительную сумму денег. Среди тяжкого искушения и большой опасности согрешить он может наложить на себя особый пост или поговеть.

Многие протестантские богословы отвергают обеты, считая их недостойными истинного христианина. Можно, конечно, понимать и исполнять обеты так, что они будут недостойны христианина; но их нельзя назвать недостойными, понимая их в правильном смысле. Обеты, понимаемые, как **плата** Богу за оказанное Им благодеяние, относятся к недостойным. Надо понимать обеты в смысле благодарной жертвы Богу и добровольно возлагать на себя благочестивые упражнения для укрепления в себе навыка к добру. К обетам в тесном смысле слова можно отнести и добрые намерения, напр., принимаемые на исповеди. Исповедуясь, мы принимаем намерение и даем обещание исправиться. (Сюда можно отнести учреждения обществ трезвости). Протестанты возражают, что, если кто-либо захочет жить добродетельно, станет так жить и без обетов, а если кто-то не хочет, то и обещания не помогут. Но данное

обещание всегда будет служить нам напоминанием о необходимости добродетельной жизни; кроме того, давши обещание, мы будем остерегаться, как бы не приложить греха ко греху; след., мы будем вдвойне бодрствовать.

В Свящ. Писании есть прямое и ясное учение об обетах. Здесь находим и указание на факты обета и объяснение достойного отношения к ним. Известны обеты патр. Иакова (Быт. 38:20), Иеффая (Суд. 11:30-31), Анны, матери Самуила (1 Цар. 1:11), Давида (Пс. 65:13, и д.), Иоанна Предтечи (Лук. 1:15), ап. Павла (Деян. 18:18; 21:23 и д.). Предписывается искреннее и благоговейное настроение души при произнесении и исполнении обета: Делайте и воздавайте обеты Господу Богу вашему; все, которые вокруг Него, да принесут обеты Страшному (Пс. 75:12). Проклят лживый, у которого в стаде неиспорченный самец, и он дал обет, а приносит в жертву Господу поврежденное (Малах. 1:14). Настоятельно также напоминается о необходимости неотложного исполнения обета: Когда даешь обет, то не медли исполнить его, потому что Он не благоволит к глупым: что обещал, исполни. Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить (Еккл. 5:3-4). Есть и предостережение от легкомысленного обета, т.е. от обещания что-либо исполнить, что неудобоисполнимо или даже нравственно недостойно: *Сеть для человека — поспешно давать обет, и после обета обдумывать* (Притч. 20:25).

В нашей православной церкви существует еще обет монашества и соединенного с ним подвижничества. В настоящем месте ограничимся замечаниями о различных видах подвижничества: пустынножительство (св. Антоний вел., Павел Фивейский, Онуфрий Вел., Мария Египетская и др.), затворничество (св. Авраамий, Иринарх, и др.), столпничество (св. Симеон, Никита, Даниил и др.), юродство (Симеон, Андрей) и т.д. Все это разнообразные пути, на которые вступали избранники Божии для выражения одного и того же, именно — беспредельной любви своей к Богу и готовности пожертвовать ради Бога всем земным. Удалялись ли они в пустыню или затвор, они хотели уклониться от мирского шума и мирских развлечений, чтобы сосредоточенно размышлять о Боге и день и ночь служить Ему. Избирая столпничество, они хотели и внешним образом быть, так сказать, ближе к небу и Богу, и в то же время неизменно утверждать свое бытие и жизнь на одном незыблемом основании, которое есть Бог. Принимая на себя подвиг юродства, они доводили самоотвержение и духовную нищету до того, что решались быть «безумными» в глазах мира и всеми презираемыми скитальцами на земле (1 Кор. 1:27, 1:18-29; 3:18). Ко всем христианским подвижникам мы можем отнести слова ап. Павла: они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо он приготовил им город (Евр. 14:16). Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. 11:38). А себе самим мы должны сказать, имея в виду этих подвижников: Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех, и с терпением будем проходить предстоящее нам поприще (Евр. 12:1).

2. Добродетели самосовершенствования

Спасение души

С обязанностью любить Бога (*возлюби Господа Бога твоего всем сердцем)* Господь Спаситель непосредственно связывает обязанность любить ближних: *возлюби ближнего твоего* (Матф. 22:37 и д.). Поэтому нам следовало бы говорить об обязанностях любви к ближним, но Господь заповедует любить ближнего, как самого себя: *возлюби ближнего твоего, как самого себя*. Основываясь на любви к Богу, любовь к ближнему должна пройти через истинную любовь к самому себе, чтобы стать живой и деятельной. Кто уважает и истинно любит самого себя, тот будет уважать и истинно любить ближних. Кто чувствует потребность в снисхождении к себе и прощении, тот будет снисходителен и будет прощать других. Он будет исполнять слова Господни: *во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними* (Матф. 7:12).

Потому скажем сначала об обязанностях христианина к самому себе. Они разделяются на общие и частные. К общим относится прежде всего обязанность самопознания. Самопознание вращается около трех вопросов: а) что я такое? б) чем я должен стать? и в) чем я в действительности стал?, — считалось началом мудрости еще в древнегреческой философии. Оно написано на челе и новой философии. А то, что самопознанию уделяется важное значение и в Свящ. Писании, было указано выше. Обязанности самопознания противоречат умственная леность и беспечность.

Самопознание ведет к самоуважению, ко второй общей обязанности по отношению к самому себе. Самоуважение основано на высоком положении, занимаемом человеком в мире. Премудрый призывает нас к самоуважению, когда говорит: *воздавай душе твоей честь по ее достоинству* (Сир. 10:31). Но с самоуважением должно быть соединено глубочайшее смирение, основанное на признании бесконечного превосходства Творца сравнительно с творением и на сознании человеческих слабостей и недостатков, воспитываемых благодатью. *Что ты имеешь, чего бы не получил?* — говорит ап. Павел, *А если получил, что хвалишься, как будто не получал?* (1 Кор. 4:7). Сам Господь говорит: *когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лук. 17:10). Совместимость смирения с сознанием своего достоинства (как общечеловеческого, так и личного) можем видеть на примере ап. Павла, который сознавал, что он *«апостол»* (1 Кор. 9:1), *«видевший Господа Иисуса»* (там же), *«более всех потрудившийся»* (1 Кор. 16:10, 2 Кор. 11:23 и д.), но в то же время называвший себя *«первым из грешников»* (1 Тим. 1:15). Мы приобретем в себе сочетание смирения и сознания своего достоинства, если при этом будем в то же время сознавать свою полную зависимость от Бога и не будем иметь намерение выставлять перед людьми свое достоинство и хвалиться им.

К самоуважению примыкает любовь к самому себе и разумное стремление к возвышению своей жизни и своего достоинства, и это — третья общая обязанность по отношению к самому себе. В учении о главном начале христианской нравственности, об эгоизме как сущности зла, о самолюбии как грехе, противоположном любви к Богу, мы уже прежде достаточно выяснили различие между истинной и ложной любовью к самому себе. Поэтому сейчас скажем кратко, что истинная любовь христианина к самому себе состоит в исполнении им указанного ему Богом назначения. Исполнение этого назначения невозможно, конечно, без самоотвержения. С этой точки зрения рассмотрим частные виды проявления любви к самому себе.

Попечение о душе и образование ума

Так как душа важнее тела, то главное внимание христианина должно быть направлено на образование души, именно — ума, воли и чувства.

Образование ума совершается наукой. Встречаются люди, которые думают, что христианство относится враждебно к науке и ее тормозит. Для подтверждения своего мнения они ссылаются на некоторые места Свящ. Писания, где напр., в послании к колоссянам апостол уравнивает философию с пустым обольщением (2:3), в послании к коринфянам он резко противопоставляет мудрость Божию мудрости человеческой (1 Кор., гл. 1 и 2), говорит также, что *знание надмевает, а любовь назидает* (1 Кор. 8:1). Это указывают на то, что христианство требует все основывать на вере, между тем область науки есть область знания, а не веры. Но Свящ. Писание только к ложной науке относится неблагоприятно и даже резко, а не к истинной; и христианину не следует отдаваться первой встречной философии или какой-нибудь «научной» теории. А если христианство требует веры, то, во-первых, отнюдь не следует думать, что в науке совсем отсутствует вера; и науке присуща вера (напр. вера в существование невидимых атомов, вера в неизменные законы природы, вера в обманчивость разума и внешних чувств). Во-вторых, христианство требует не только веры, но и знания; оно ценит истинное знание. Так ап. Павел пишет коринфским христианам: *не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму*

будьте совершеннолетни (1 Кор. 14:20). В другом послании он высказывает желание, чтобы христиане были введены *во всякое богатство совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения* (Кол. 2:2-3). Симон Петр выразился в ответе на известное предложение Господа Спасителя: *мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго* (Ион. 6:69).

Надобно сказать даже, что только на почве христианства стало возможным успешное и полное развитие познаний и науки. Если апостол говорит, что во Христе сокрыты все сокровища премудрости и ведения, то он хочет сказать этими словами, что тот, кто признает во Христе спасителя своей души, тому откроется новый богатый мир для познаний и сделается возможным понять смысл миротечения и человеческой жизни; между тем вне христианства это невозможно сделать. Христианство сообщило истинное и прочное понятие о начале всего существующего, о назначении человека, о божественном мироправлении, о последней цели и конечном исходе истории. А не зная всего этого, нельзя иметь правильного и здравого взгляда на различные события и происшествия в мире и человеческой жизни. Все частные познания получают ценность и прочность лишь в том случае, когда они связаны с общим познанием, т.е. с познанием мира и человеческой жизни во всей их совокупности. Если последнее возможно только на почве христианства, то, следовательно, и все частные познания могут иметь ценность и прочность только на почве христианства. Кроме того, христианство, будучи делом общенародным, сделало высокие истины и мысли науки открытыми и доступными для всех людей; между тем вне христианства они заключены в тесном круге избранников науки.

Предмет познаний и науки — Бог, человек со своей историей и физическая природа. Известный объем сведений о всех этих предметах необходимо иметь каждому, кто хочет быть образованным человеком. Этот круг сведений составляет так называемое «общее образование». Оно необходимо каждому человеку. Но кроме общего образования существует еще специальное, или профессиональное, образование. Оно необходимо человеку, как должностному лицу. Напр., изучение философии или Закона Божия, Нравственного Богословия с учением о богослужении, и с библейской и церковной историей — принадлежит к общему образованию, так как оно необходимо каждому образованному человеку. Изучение Пастырского Богословия или Гомилетики, изучение юридических наук, медицины и т.д. принадлежит профессиональному образованию, так как оно необходимо лицам, готовящимся к занятию определенной службы или должности в обществе. Специальное образование, без общего образования, не может быть плодотворным; оно становится слишком односторонним. Равно общее образование, оторванное и не восполняемое профессиональным, недостаточно для человеческой жизни. Это вполне осознано в наше время.

Человеку, изучающему науки и формирующему ум, необходимо иметь, прежде всего, любовь к истине. Сама наука ищет истину, соответствия правильных мыслей о бытии и сущности всего существующего и происходящего. Во-вторых, для достижения образования требуется энергия и самостоятельность ума. Пассивный и ленивый ум не способен к образованию. В-третьих, необходима скромность, готовность учиться у других, умение выслушивать других. О самом отроке Иисусе в Евангелии замечено, что Он при посещении Иерусалимского храма «слушал и спрашивал» старших Себя возрастом (Лук. 2:40). К недостаткам нашего времени надобно отнести, между прочим, то, что молодые люди часто считают себя умными, гордятся и не хотят поучаться у прошедшего времени, у отцов и праотцев, смотрят на самих себя, как на источник всякой истины. Ап. Павел по этому поводу говорит: никто не прельщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым (1 Кор. 3:18). С мудростью змия мы должны соединить простоту голубя. Мы должны помнить, что утаенное от мудрых и разумных открывается младенцам (Матф. 11:25).

Образование воли

Все вышесказанное об образовании христианского характера относится и к образованию воли. Мы указали средства образования воли: самоиспытание, бдительность, дисциплина и самоупражнение. К ним присоединяются религиозные или благодатные средства, такие как молитва и другие. Теперь нам остается сделать частные указания насчет образования воли.

Во избежание поражений и падений воспитывающий в себе волю вначале не должен слишком доверять себе и много на себя надеяться, но сразу должен преодолевать слабые искушения; и только испробовав свои силы на слабых искушениях, может идти на большие. Но и тогда, конечно, его ожидает много падений. Для человека, не занятого серьезно воспитанием в себе воли, падения весьма вредны, так как отнимают у него энергию и запугивают в возможности идти по пути добра. Посвятившему же себя образованию воли падения оказывают ту услугу, что побуждают впредь к осмотрительности и к большему напряжению сил, а с другой стороны — дают ему почувствовать свое жалкое состояние при падении, по сравнению с которым прежнее состояние, когда он был победителем своих страстей и нравственно свободным — будет представляться ему высоким и желанным. Примером служит ап. Петр, отрекшийся от Господа и *горько плакавший* в сознании своего уничижения.

Хотя грехопадения неизбежны (*никто же чист будет от скверны, если и один день жизни его на земле;* Иов 14:4), но намерение или твердая решимость человека должна быть направлена на то, чтобы *ни однажды* не согрешить. Только под условием этого решительного намерения нам прощаются на исповеди грехи. В случае же **сделок** со грехом, не следует ожидать благих результатов. След., при образовании воли необходим радикальный разрыв со грехом. *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному усердствовать, а о другом нерадеть* (Матф. 6:24).

Кроме случаев падения, в жизни христианина бывает много других случаев, сообщающих некий толчок воле и производящих новое, лучшее направление жизни. Вспомним хотя бы о днях говения и принятия Св. Таин, напоминающих о необходимости исправления, вспомним о смерти близкого человека, порождающей мысли о бренности и суетности всего земного, вспомним о различных радостных случаях, побуждающих к благодарности Богу и к жизни, достойной излитых Им милостей. *Время благоприятное, день спасения,* — должен в таких случаях говорить человек вместе с апостолом (2 Кор. 6:2). *Дорожа временем, потому что дни лукавы* (Еф. 5:16; ср. Рим. 13:11-12). Бывают также случаи, когда человек торжественно перед лицом Церкви и государства дает обещание служить честно и жить достойно (напр., вступая в должность, принимая священный сан, а тем более монашество). Но хотя обещание можно дать, возымевши соответствующее ему намерение, но нельзя сразу переменить реальное состояние воли, нельзя злую волю сразу сделать доброй. Это возможно только с точки зрения индетерминистической, которая нами отвергнута. С точки же зрения истинного учения о свободе надо постоянно и много работать над собой, чтобы изменить свою природу.

Хотя нам известны случаи, когда люди иногда сразу производили разрыв со своей прежней греховной жизнью и начинали новую жизнь, святую, но это не значит, что они сразу делались святыми. Сразу может быть снята с человека в таинстве исповеди именно виновность греха, следствия же его, т.е. склонность и расположенность ко греху, еще долго остаются в человеке. Как и в таинстве Крещения снимается с ребенка только повинность в Адамовом грехе, следствие же этого греха, злая похоть, живет в нем. Например, читая жизнь св. Марии Египетской, мы видим, что она сразу почувствовала свое жалкое и даже ужасное состояние, сразу исповедалась и причастилась Св. Таин, давши перед иконой Богоматери обещание впредь не грешить. Этим ее виновность была снята. Но следы прежней греховной жизни долго в ней оставались. По ее собственному признанию, она много лет была вынуждена бороться с сильнейшим влечением возвратиться к прежней греховной жизни с почти непреодолимым желанием «прежних мяса и вина», как она выразилась в признании перед Зосимою, пока, наконец, спустя целое десятилетие, «тихий свет не озарил ее душу», и она была освобождена от

злых искушений и греховных желаний. Этим объясняются частые падения человека с той высоты, на которую, как ему казалось, он взошел. Напр., пьяница может сразу перестать пить, но спустя несколько месяцев он может запить еще хуже. А вот если бы пьяница отстал от пьянства таким способом, что бы постепенно ограничивать приемы вина, дойдя наконец до минимума, тогда он мог бы быть уверен в победе своей над страстью. Как человек не может сразу сделаться ученым, а лишь постепенно, так и высоко нравственным или святым. Воля должна тихо и плавно укрепляться, чтобы идти верной и надежной дорогой.

Пока человек работой над собой не изменил своей природы, до тех пор он должен стараться изменить свое внешнее положение или свои обстоятельства так, чтобы они служили ему не на соблазн и падение, а на совершенствование и укрепление в добре. Писание говорит: *с избранными избран будешь, а со строптивыми развратишься* (Пс. 17:27). *Сетование лучше смеха, потому что при печали лица сердце делается лучше* (Еккл. 7:3). *Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей* (Пс.1:1). Среди народов в истории, особенно древние греки придавали важное значение сообществу. Избегать дурного сообщества и искать хорошего — было у них главным правилом нравственного образования. Но общение мы имеем не только с людьми, но и с книгами: следов., и здесь нужно делать выбор между добрым и дурным сообществом. Probatos semper lege, заметил еще Сенека.

Когда человека преследует какая-нибудь дурная мысль или страсть, то, следуя правилу о перемене своего положение или обстоятельств, он должен немедленно направить мысли на другой предмет или еще лучше — заняться каким-либо делом. Например, углубиться в чтение интересной книги, заняться любимым искусством или ремеслом, физической работой, выйти в сад или огород, можно даже заняться рубкой и пилкой дров (что полезно не только в физическом отношении, но иногда и в нравственном) или найти хорошее сообщество. Свят. Тихон говорит о себе, что лишь только он замечал в себе приступ уныния, он сейчас же выходил в сад — и уныние рассеивалось. А древние опытные подвижники на вопрос братьев: «что мне делать? Меня постоянно преследует такое-то дурное желание» — отвечали: «перестань думать о нем, займись другим». А в некоторых случаях требуются даже коренные изменения своего положения. Напр., потерпевшие какой-либо тяжкий жизненный удар (потерю супруги, всего имущества и т. п). и опасаясь отчаяния, некоторые лица отправлялись в путешествие, меняли место жительств, поступали в монашество и т.п.).

Испытано благотворное действие и следующего средства: в порыве какой-либо страсти, напр., гнева, мщения, человек должен произвести в себе паузу, внутренне воззвать к себе — стой! В это время предложить себе вопросы: «что я делаю, и что выйдет из этого моего действия?» Во время такого размышления последует отлив накопившихся чувств, после чего человек становится более трезвым. И если тогда ему удастся изменить свое намерение, то это будет большая победа, которая для других останется незаметной, и, может быть, такого человека сочтут даже трусом, но зато тем более прав он будет перед самим собой. По этой же причине следует иногда отсрочить ответы на некоторые запросы или письма, резолюции и т.п. Это средство известно даже простым людям, которые дают такой совет: когда ты сильно разгневаешься на кого-либо, то сейчас же прочитай про себя краткую молитву (хотя бы «Отче наш»), или сосчитай до десяти. Подходящий случай рассказывается и в Евангелии. Фарисеи привели к Господу Иисусу женщину, захваченную на месте преступления. Дыша ненавистью ко Господу Иисусу и мстительностью к женщине, они этими страстями совсем заглушили свою совесть, обличающую их в неменьших грехах. Что же Господь? Вместо того, чтобы давать ответы на вопросы фарисеев, он наклонился и начал писать по земле. Молчанием он хотел заставить фарисеев одуматься. И когда они одумались, то фактически обвинили не грешницу, а самих себя, почему им пришлось со стыдом удалиться (ибо в написанном Господом каждый прочел свои собственные грехи, Иоанн 8:9).

В древнее время и в средние века было рекомендуемо и «momento mori!» (вспомнить смерть), как средство нравственного самообразования. И в Св. Писании говорится: *помни последняя твоя, и во веки не согрешишь*. Когда человек вспомнит о смерти, тогда все враждебные и мстительные мысли рассеиваются, и все чувственные и сластолюбивые желания теряют прелесть и приманку, все горделивые и эгоистические чувства притупляются. Прах, которым человек некогда сделается, и суд, перед которым он по смерти предстанет, смиряют и исполина. Глядя на иконы св. Марии Магдалины, мы видим перед ней череп: это образ памяти о смерти, которую Мария Магдалина всегда имела перед глазами и которая сделала из великой грешницы великую праведницу.

Но вообще внимание и память имеют важное значение в деле нравственного самовоспитания. Здравое состояние этих способностей находится в тесном взаимодействии со здравым состоянием всего человеческого духа. Не напрасно некоторые философы все человеческие слабости и недостатки производят из неспособности быть внимательными. Не напрасно некоторые современные педагоги говорят о внимании и памяти не в отделе об умственном образовании, а в отделе о методе образования вообще. Они говорят: «Воспитательная деятельность предполагает некоторые предварительные условия своей успешности, и прежде всего внимания и памяти». Известно, как сильно тормозится и часто расстраивается воспитание некоторых детей или диких народов, отличающихся рассеянностью и невнимательностью. Вонми себе, внемли себе! — часто повторяет Бытописатель. Внимайте себе! взывает и ап. Павел. Будьте слушателями незабывчивыми (Иак. 1:25), говорится также в Свящ. Писании.

Образование эстетического чувства

Образование эстетического чувства совершается посредством изящных искусств: поэзии, музыки, пения, живописи и т.д., и наблюдений прекрасных явлений природы и человеческой жизни. Изящное или прекрасное есть адекватное (соответствующее, гармоничное) выражение в конкретной форме какой-либо идеи или мысли. След., прекрасное имеет для нас то значение, что оно делает идеи наглядными. А делая идеи наглядными, выражая их в соответствующих чувственных формах, оно располагает нас к ним, привлекает наше сердце. Напр., как могущественно действует на нас идея бесконечности, когда мы представляем ее в образе необозримого звездного неба или безбрежного океана! Как благоговейно настраивает нас торжественное церковное пение! Но и независимо от содержания, прекрасное благотворно влияет на нас своей гармонией. Оно вносит гармонию в нашу внутреннюю жизнь, умиротворяет душу, успокаивает страсти, отвлекает от всего грубого и пошлого, облагораживает. В то же время прекрасное доставляет нам высшее наслаждение. Оно есть превосходное средство для освежения и отдыха трудящегося человека. Кроме того, прекрасному мы отдаемся бескорыстно, по высшему идеальному интересу, из чистой любви к этому предмету. И нравственная деятельность тем выше, чем более свою цель заключает в себе, а не совершается ради каких-либо внешних побуждений и целей. Таким образом, искусство служит в этом случае нравственной деятельности. Особенно в наше меркантильное и утилитарное время полезно возбуждать в обществе с помощью искусства высшие интересы и приучать к бескорыстной деятельности. Наконец, эстетическое образование помогает человеку соблюдать нормы морали.

Из евангельских сказаний мы знаем, что Сам Господь Иисус Христос относился весьма сочувственно к красотам природы и ее любил. Для молитвы Он удалялся на холмы и горы, учил народ при живописных берегах моря, на полях, красовавшихся жатвой, обращал внимание слушателей на роскошные лилии Палестины, преобразился на одной из прекраснейших гор Галилеи. И христианские подвижники любили избирать для своих подвигов места, отличавшиеся красотой. Напр., св. Василий Великий в письме к св. Григорию Богослову описывает с восторгом прелесть избранного им уединения. И Псалмопевец не один раз одушевлялся в псалмах красотами природы. Напр., Ты возвеселил меня, Господи, творением

Твоим: я восхищаюсь делами рук Твоих, Как велики дела Твои, Господи! (Пс. 91:5,6). Праведника Он сравнивает с цветущей пальмой, возвышение его уподобляет кедру Ливанскому (там же, стих 13).

После сказанного можно не сомневаться, что на каждом из нас лежит обязанность воспитывать в себе эстетическое чувство и вкус к прекрасному. Мы не бесплотные духи, мы облечены чувственной природой; потому наша душа невольно ищет воплощение духовного в чувственных формах, притом в формах совершенных, прекрасных. И нет человека, который был бы неспособен к эстетическому или художественному образованию. Если не каждый способен творить художественные произведения, быть поэтом, композитором, живописцем и т.д., то каждый способен воспринимать художественные произведения, наслаждаться ими. А в области пения каждый может принимать и деятельное участие.

Из истории известно, что изящное искусство было доведено до совершенства у древнегреческого народа. Но их совершенство, как и вообще языческое искусство, — низшего разбора, сравнительно с искусством христианским; оно выражено главным образом во внешних формах, между тем, как искусство христианское внесло в эти совершенные формы высшие идеи. Если, напр., войдем в Афинский мраморный храм Тезея, а затем в Константинопольский храм св. Софии, то какую огромную разницу почувствуем в душевном настроении под впечатлением архитектурного стиля того и другого храма, (хотя мусульмане испортили последний). Или во сколько раз возвышеннее, чище, одухотвореннее изображение Богоматери христианским художником, сравнительно с языческой статуей какой-либо богини. Христианство раскрыло для искусства высоты души, глубины сердца, неведомые языческому миру. В особенности высочайшая идея христианства, идея победоносного величия в глубочайшем уничижении, выраженная в образе Господа Спасителя на суде у Пилата или в Гефсиманском саду, или на кресте, была совершенно непонятна язычеству.

Свойствами подлинного искусства является главным образом целомудрие, или чистота, и истинность. Вследствие тесной связи искусства с чувственными формами, оно легко может принять характер плотяности и нецеломудрия. Тогда оно не возвышает и не умиротворяет душу, а соблазняет и возбуждает страсти. Напр., песня иной раз бывает страстной и соблазнительной, и не только по содержанию, но и по напеву. Чтобы искусство было чистым, надо чтобы чувственная сторона в нем находилась под господством духа, идей. Эстетически-прекрасное должно находиться под господством нравственной стороны прекрасного. Если художественное произведение причиняет ущерб нравственному и религиозному чувству, то оно действует разрушительно на душу, а не гармонично, и поэтому цель искусства не достигается. А к требованиям истинности в искусстве относится то, что искусство должно выражать не какой-то совершенно вымышленный мир, а действительный, но только в идеальной и совершенной форме. Оно не должно изображать ничего несогласного с психологическими законами. Но в то же время оно должно соблюдать согласие с нравственным законом и миропорядком; и, след., ложь и зло представлять именно ложью и злом, носящими в себе разрушительное и гибельное начало, а не перекрашивать их и выставлять под оболочкой истины и добра.

Попечение о теле

Заботясь главным образом о душе и о вечной жизни на небе, христианин не оставляет забот и о теле, и о жизни на земле. Душа может жить и действовать на земле не иначе, как в теле; и временной жизнью в настоящем веке обусловлено достижение вечной жизни в будущем веке. А отсюда следует обязанность заботиться о жизни в здоровом теле. В книге Бытия изображается вселение *дыхания* жизни, т.е. исшедшей от Бога души, в *персть земную*, т.е. в образованное Богом тело, как в орган и символ души (Быт. 2:7). Ап. Павел называет тело *хижиной* (2 Кор. 5:1, 4) и *сосудом души* (2 Кор. 4:7). В то же время мы призываемся Свящ. Писанием действовать, *пока есть день*, т.е. пока продолжается земная жизнь; *придет ночь,* т.е. прекратится земная жизнь, *когда никто не может делать* (Иоан. 9:4). *Пока имеем время, будем*

делать добро (гл.6:10), — говорит ап. Павел. На страшном суде каждый из нас получит доброе или злое, соответственно тому, *что он делал, живя в теле* (2 Кор. 5:10). Высший взгляд на человеческое тело Свящ. Писание высказывает, когда называет его членом тела Христова (1 Кор. 6:15; Еф. 5:26), храмом св. Духа (1 Кор. 6:19; 3:16 и д.), и когда говорит, что оно некогда воскреснет с душой для вечной жизни (Иоан. 5:25 и д). и прославится по подобию прославленного тела Христова (Филип. 2:21; 1 Кор. 15:47-49). Отсюда вытекает высокая обязанность — *соблюдать* нравственную чистоту тела. Ап. Павел призывает христиан *представить тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу* (Рим. 12:1), храня без порока дух, душу и тело в пришествие Господа Иисуса Христа (1 Фесс. 5:23).

Можно различать отрицательную и положительную сторону в обязанности по отношению к телесной жизни и здоровью. Отрицательная сторона состоит в охранении их от вредного и сокращающего жизнь. Прежде всего следует назвать намеренное уничтожение жизни, или самоубийство. Преступность этого греха состоит в том, что самоубийца возмущается против творческого и промыслительного божественного порядка и своего назначения, произвольно прекращает свою жизнь, которая принадлежит не ему только, но и Богу (а также ближним), и которая дарована ему для нравственного преуспеяния, а не для злоупотребления ею, — отрекается от всех лежащих на нем обязанностей и является в загробный мир непризванным. О принадлежности нашей жизни Богу говорит ап. Павел: *никто из вас не живет для себя и никто же умирает для себя, а живем ли — для Господа живем, а умираем ли — для Господа умираем* (Рим. 14:7-8). О принадлежности нашей жизни ближним он же говорит: *оставаться мне во плоти нужнее для вас* (Филип. 1:24). Ап. Петр призывает христиан: *потщитесь явиться перед Ним неосквернеными и непорочными в мире и долготерпение Господа нашего почитайте спасением*, — т.е. старайтесь, чтобы явиться перед Господом непорочными, и Его долготерпение, выражающееся в сохранении и продлении нашей жизни, — считать для себя спасительным (2 Пет. 3:14-15). Вообще же к греху самоубийства можно отнести слова Свящ. Писания: *если кто Божий храм разорит, да покарает сего Бог* (1 Кор. 3:17). Следует припомнить также мрачную картину самоубийства Иуды, изображаемую в Свящ. Писании. Самоубийца попирает и естественный закон, так как, по этому закону, *никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее* (Еф. 5:29). Некоторые указывают на мужество самоубийцы, что не каждый решится на такой смелый поступок. На этом основании у язычников самоубийство восхвалялось, как героизм. Но с христианской точки зрения самоубийца есть не герой, а трус, так как не в состоянии снести тех неприятностей и несчастий (напр., потери имущества или любимого человека, или неизлечимой болезни, стыда заслуженного или незаслуженного и т.п.), из-за которых обыкновенно решаются на самоубийство. Вообще, самоубийца обнаруживает сильную привязанность к земным благам и счастью, коль скоро в несчастье отказывается жить. А еще большее неразумие обнаруживает он, потому что для избежания временного бедствия подвергает себя вечному бедствию. В наше время многие склонны объяснять каждое самоубийство временным помешательством. Но это объяснение далеко не верно.

Кроме прямого и намеренного самоубийства, люди очень часть совершают непрямое и ненамеренное самоубийство, или сокращение жизни, вследствие ли незнания гигиенических правил, или вследствие невоздержания или неосторожности. Премудрый говорит: *Здравый сон бывает при умеренности желудка: встал рано, душа его с ним; страдание бессонницею и холера и резь в животе бывают у человека ненасытного.... во всех делах твоих будь осмотрителен, и никакая болезнь не приключится тебе* (Сир. 31:22 и д.).

Грешит против обязанности самосохранения и дуэлист. Подвергая прямой опасности жизнь ближнего, он подвергает столь же великой опасности и свою собственную жизнь. И для какой цели? Обыкновенно вызывают на дуэль за оскорбления чести. Но неужели я восстановлю свою честь тем, что вызову оскорбителя на дуэль? Надобно иметь весьма превратное понятие о чести, чтобы утверждать это. Гоняясь за внешней и мнимой честью, дуэлист теряет внутреннюю

честь или нравственное достоинство. Он подобен самоубийце, который, гоняясь за земным и временным благом, потеряв его, лишает себя также истинного и вечного блага. И по какому праву дуэлист вызывает противника на дуэль? Для разрешения споров и для удовлетворения оскорблений существуют в обществе законные суды. Дуэлист же попирает закон и на его место ставит своеволие. И какая сила разрешает на дуэли спор? Не сила истины, а сила ловкости, проворства, физического превосходства. След., дуэль напоминает времена кулачных боев. А если оскорбление такого сорта, что не может быть представлено для разбора судье, то христианину лучше не обращать внимания на оскорбление и простить, чем прибегать к недостойному средству для восстановления чести. Свящ. Писание говорит: *не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию* (Рим. 12:19).... *не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками* (Рим. 12:16-17). И еще: *Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать*ь (Гал. 5:26).

К отрицательной стороне обязанности самосохранения принадлежит и защита себя в случае нападения на нашу жизнь. Защищаться следует не для умерщвления нападающего, но чтобы его обессилить, обезвредить и затем предать в руки правосудия. Образец самозащиты видим в лице Самого Господа Иисуса Христа. Когда враги однажды взяли камни, чтобы побить Его, то Он уклонился и прошел невидимо для них (Иоан. 8:59).

А положительная сторона обязанностей по отношению к телесной жизни состоит в поддержании сил и укреплении тела, чтобы оно было пригодно для деятельности души. Ап. Павел даже посылает Тимофею диетический совет: *пей не одну воду, но употребляй немого вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5:23). Колоссян он предостерегает от ложного изнурения тела (Кол. 2:23). Кроме разумного питания, укреплению сил содействует правильная смена труда и отдыха. Также надо заботиться об исцелении тела во время болезни. Премудрый говорит: *Почитай врача честью по надобности в нем, ибо Господь создал его... Господь создал из земли врачевства, и благоразумный человек не будет пренебрегать ими* (Сир. 38:1 и д.).

Но обязанность самосохранения имеет и ограничения. Так как телесная жизнь не есть самое высшее благо, то необходимо в иных случаях жертвовать жизнью ради высших целей и достижения высших благ. Случаи пожертвования жизнью могут иметь место, во-первых, при служении Богу. Для примера можно указать на мучеников. *Если кто приходит ко Мне*, говорит Господь Спаситель, *и не возненавидит отца своего и матери и жены и детей и братьев и сестер и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лук. 14:26 и д.). И еще: *Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Матф. 10:39; 16:25). Во-вторых, при исполнении обязанностей своей должности. Для примера можно указать на воина, врача, священнослужителя. Ап. Павел говорит: «я ни на что не взираю, и не дорожу своей жизнью, только бы с радостью совершить поприще свое и служение, которое я принял от Господа Иисуса» (Деян. 2:24). В-третьих, в делах любви к ближнему и для его блага. *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*, говорит Господь Спаситель (Иоан. 15:13). *Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за ближних* (1 Иоан. 3:16), говорит ап. Иоанн. Во всех этих случаях долг самосохранения переходит в долг самопожертвования.

Как смотреть на краткую и продолжительную человеческую жизнь? Образец Господа Иисуса Христа, жившего на земле только 33 года, показывает, что в короткое время жизни может быть совмещена вся ее полнота. В этом случае человек, *достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета* (Прем. Сол. 4:13). *Ибо не в долговечности счастливая старость и не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь — возраст старости* (там же, ст. 8 и 9). И наоборот: продолжительная жизнь может быть пуста по содержанию, может не иметь цены для вечной жизни. *Если и будут они долгожизненны, но будут почитаться за ничто, и поздняя старость их будет без почета* (Прем. Сол. 3:17). Но

вообще говоря, христианин должен смотреть, как на Божий дар и на Его долготерпеливую милость, если ему досталась в удел продолжительная жизнь. Ап. Петр говорит: *Долготерпение Господа нашего почитайте спасением.* (2 Пет. 3:15). Чем продолжительнее жизнь, тем больше времени для делания добра и приготовления к вечности.

Потому-то и желание смерти есть вещь сомнительная. Очень часто оно есть нежелание трудиться и переносить жизненные бедствия. Если даже она есть положительное желание совершенной жизни за гробом, то и тогда необходимо помнить, что смерть всегда преждевременна, если она не посылается человеку Богом. Господь лучше знает, когда пора окончиться нашей жизни: «в книге Которого записаны все дни, назначенные для человека» (Пс. 138:16), «в руке Которого душа всего живущего и дух всякого человека» (Иов. 17:10). Вообще, желание смерти тем большее имеет право, чем больше человек созрел для вечной жизни, и тем фальшивее и бесправнее, чем менее он созрел для нее. В последнем случае, вместо того, чтобы желать смерти, необходимо позаботиться об истинно христианской жизни.

Богатство и бедность

Богатство и бедность сами по себе нравственно безразличны, т.е. ни богатство, ни бедность, сами по себе не делают человека добрым или плохим. Все зависит от отношения сердца к богатству и бедности, от такого или иного отношения человека к ним. Потому-то в числе прославленных церковью святых мы встречаем и богатых, и бедных. И богатство, и бедность имеют, как свои выгоды и преимущества, так и свои опасности и искушения. Не напрасно в книге Притчей Соломона возносится следующее моление к Богу: «двух вещей я прошу у Тебя, не откажи мне, прежде нежели я умру: суету и ложь удали от меня, *нищеты и богатства не давай мне*, питай меня насущным хлебом, дабы, пресытившись, я не отрекся от Тебя, и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе» (гл. 30:7,8). Как видим, среднее материальное благосостояние представляется в Свящ. Писании самым благоприятным в нравственном отношении.

Что богатство и вообще всякое имущество не предосудительно для христианина, это видно из того, что Сам Бог предоставил человеку право господствовать над землею и обладать ею (Быт. 1:26; 9:1). А всякое имущество есть плод земли. Обладанием имущества обусловлена возможность духовного образования человека и приобретения известной степени самостоятельности и независимости, необходимых для деятельности в мире. Имуществом же доставляется возможность благотворения. Но, обладая имуществом, необходимо быть внутренне независимым от него, не пленяться им. *Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца* (Пс. 61:11). Не богатство должно обладать нами, а мы должны обладать богатством, свободно распоряжаться им и употреблять его на благие дела. Противонравственное владение богатством и греховное употребление им выражаются в форме любостяжания, корыстолюбия, скупости или в форме расточительности и нравственной беспечности при уповании на богатство. Против корыстолюбия и скупости, Свящ. Писание высказывается весьма резко. Оно называет его идолослужением: *любостяжание есть идолослужение* (Кол. 3:5). *Лихоимцы Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6:10). *Не можете служить Богу и маммоне* (Матф.6:24). Образец расточительности Свящ. Писание предоставляет нам в лице блудного сына: *расточил имение свое, живя блудно* (Лук. 15:13). А образец ложного упования на богатство и нравственной беспечности видим в лице евангельского богача, который в надежде на изобилие собранных плодов, сказал душе своей: *много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись* (Лук. 12:19). Ап. Павел предписывает Тимофею увещевать христиан *не уповать на богатство неверное, но на Бога живаго, дающего нам все обильно для наслаждения* (1 Тим. 6:17).

Нравственно оправдываемый источник обогащения и приобретения имущества указан в лице Адама, которому заповедано *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3:19). Труд и бережливость — вот источники обогащения христианина. На труд, как на источник пропитания

и материального благосостояния, указывает ап. Павел фессалоникийцам, в среде которых развилось праздношатание и тунеядство (Фесс. 3:6-12). А пример бережливости показал Сам Господь Иисус Христос, сказавший апостолам после насыщения хлебами народа: *соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало* (Иоан. 6:12). Отдавать деньги на законные проценты и употреблять свое имущество для умножения имущества, конечно, позволительно. Притчей о талантах, показана допустимость последнего. Но всякое ростовщичество, безусловно, противоестественно, о чем говорит и Писание, уже выше приведенное. Высокий пример возвращения несправедливо приобретенного имущества виден в лице Закхея.

Если богатые и имущие должны иметь внутреннюю независимость от богатства, то бедные должны внутренне иметь независимость от бедности. Вынужденные жить бедно должны внутренне желать оставаться бедными. *Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него* (1 Тим. 6:8,7). В то же время бедные должны сознавать, что и при материальной бедности они могут быть духовно богатыми и высокими. Ап. Павел говорит: *«мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем»* (2 Кор. 6:10). Ап. Иаков говорит: *«*да хвалится богатый унижением своим, а брат униженный — высотой своей» (гл. 1:9-10). Бедность имеет свои опасности и искушения: она подает повод к обману, хищению, зависти, недовольству своей судьбой, малодушию, ропоту на Бога. Об этих искушениях должны помнить люди неимущие и остерегаться их. Но бедность имеет и свои преимущества, такие как избавление человека от искушений богатством. Желающие обогащаться впадают в искушение и попадают в сеть, и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу (1 Тим. 6:9).

Правила, указанные как относится христианину к богатству и бедности, являются руководством и для отношения его ко благам и удовольствиям жизни, а также к бедствиям, страданиям и болезням. Именно: мы должны во всех случаях соблюдать нравственную свободу, свою внутреннюю независимость, должны быть не рабами своего счастья или несчастья, а господами его. Всякие страдания и болезни являются воспитательными средствами в руках Божиих, без них нравственное состояние человечества во много раз ухудшилось бы. При посещении несчастья христианин должен спрашивать, по наставлению Самого Господа (Иоан. 9:3), не о том, чем он заслужил несчастье, а о том, как им воспользоваться, чтобы исполнились на нем намерения Божии. А Божии намерения состоят в том, чтобы в горниле несчастий и страданий очистить христианина и побудить его к ревностному служению Богу и спасению своей души. Ап. Петр говорит: *О сем радуйтесь, поскорбевши теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе, в явление Иисуса Христа* (1 Пет. 1:6,7). Отец духов, говорит ап. Павел, наказывает нас *для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его* (Евр. 12:10).

Несчастья и страдания побуждают нас к самоуглублению и познанию своих недостатков и пороков, показывают нам суетность и скоротечность всего земного и возбуждают желание вечных и непреходящих благ, учат нас молиться и возлагать упование свое на Бога, воспитывают в нас терпение и сомоотверженность, располагают нас к горю и несчастьям ближних и делают нас снисходительными к недостаткам ближних. Страдания служат и предохранительным средством. Ап. Павел говорит о себе: *чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился* (2 Кор. 12:7). Даже о Господе Иисусе сказано, что Он страданиями *«*навык послушанию»: *хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию* (Евр. 5:8). Конечно, страдания и болезни могут производить и обратное действие: они могут сделать человека раздражительным, гневным, недовольным и ропщущим, нетерпеливым, эгоистом. Все эти опасности необходимо иметь в виду страдающему и болящему, чтобы оберегать себя от них. Страдающий должен быть мужественным и владеть собой. Он должен укреплять себя мыслью,

что *«Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью, но после научением через него доставляет мирный плод праведности»* (Евр. 12:11), что тех кого Бог любит, тех обличает и наказывает (Апок. 3:19), что Самому Христу *надлежало пострадать и войти в славу Свою* (Лук. 24:26). Необходимо *смириться под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о нас* (1 Пет. 5:6,7). Естественно христианину в страдании и болезни прибегать к религиозной помощи, к помощи св. Церкви, исповедоваться, причащаться, заказывать молебны, водоосвящение. Но если он не упражнялся в терпении и мужестве во дни здорового и благополучного состояния, то едва ли удастся соблюсти терпение во дни болезни и бедствий. Поэтому необходимо заранее подготавливать душу к перенесению испытаний.

Общественные обязанности

Назначением человека для небесной жизни, для служения Богу, отнюдь, не исключено его назначение для земной жизни, для служения в среде человеческого общества. Напротив, в земной жизни и земным служением в обществе, христианин должен приготовить себя для жизни небесной и выразить в полной мере свое служение Богу. Потому каждый человек должен избрать определенное занятие или службу в обществе, в которой будет проходить его труд. Апостол Павел завещевает: *если кто не хочет трудиться, тот и не ешь* (2 Фес. 3:10). Учение Свящ. Писания предписывает служение друг другу при помощи того дара, который каждый получил (1 Петр. 4:10), о благоразумном «управлении домом» (Лук. 12:42), о «предании себя и пребывании в той службе, какую дал Бог» (1 Пет. 4:11), о «делании дел, пока продолжается день» (Ин. 9:4), относится и к земной должности. Своей должностью каждый не только служит обществу, но и совершенствует свою собственную личность, получая в то же время истинное удовлетворение. Следствием отсутствия определенного занятия у человека неизбежно будет праздношатание и тунеядство, о которых говорит ап. Павел во 2-ом послании к фессалоникийцам: *слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, но суетятся* (3:11).

Выбор должности или профессии зависит частью от способностей или таланта человека, а частью от обстоятельств его жизни, в которых следует усматривать пути промысла Божия. Одному дается пять талантов, другому два, иному один (Матф. 25:15); один рождается в одних условиях и получает одно образование, другой рождается в других условиях и получает иное образование.

Но какова бы ни была служба, главное, чтобы она была выполнена верно. *В малом ты был верен, над многим тебя поставлю* (Матф. 25:21). Верность своей службе выражается прежде всего в усердии и напряжении сил к наиболее тщательному и полному ее выполнению. Сюда относится и борьба с препятствиями в выполнении службы. Мы должны ценить свою службу (не унижая других видов службы) и смотреть на нее, как на служение Самому Господу (Рим, 14:18; Колос. 3:17). Неверен своей службе тот, кто помышляет о перемене рода службы. *Каждый оставайся в том звании, в котором призван*, заповедует ап. Павел (1 Кор. 7:20). Если наша служба нам представляется непривлекательной и тяжелой, то не надо от нее бежать, а усерднее и настойчивее ею заниматься, тогда она станет легкой в наших глазах. Если человек может развить свою самодеятельность в работе, то это делает работу более интересной и привлекательной. Тот, кто при каждом затруднении готов бросить службу, тот может оказаться негодным и на всяком другом месте. Если действительно мы встречаем на службе много тягостей и затруднений, то надо вспомнить общечеловеческую судьбу: *в поте лица твоего будешь есть хлеб* (Быт. 3:19). Эта заповедь относится не только к одним земледельцам и ремесленникам, но и к учителям, художникам, священнослужителям и т.д. Не исключено и развитие в себе интереса к другим родам службы, напротив, оно требуется для гармоничного и полного образования собственной личности, и для плодотворности занятий по своей службе.

Доброе имя и честолюбие

Годность и успешность человека на поприще своей службы и своих обязанностей делают его досточтимым или доставляют ему честь. Честь есть признание другими людьми или обществом моего личного достоинства. Потому на нас лежит обязанность заботиться о приобретении и сохранении своей чести.

В Свящ. Писании честь весьма определенно признается благом, и христианину внушается заботиться о ней. В книге притчей Соломона доброе имя ставится выше золота и серебра: *Доброе имя лучше большого богатства* (22:1). *Заботься об имени*, — говорит Сирах, — *ибо оно пребудет с тобою долее, нежели многие тысячи золота* (41:15,16). О Самом Господе Иисусе Христе евангелист замечает, что Он *«преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков»* (Лук. 2:52). И первому христианскому обществу вменяется в достоинство, между прочим, т0о, что оно «находилось *в любви у своего народа*» (Деян. апост. 2:47). Честь есть важное условие успеха нашей деятельности и в обществе; кто не пользуется уважением и честью в обществе, тот не может в нем благотворно действовать. Нам заповедано также своим хорошим примером назидать ближних (так да просветится свет ваш перед людьми, да видят ваши добрые дела, и прославят Отца вашего, Который на небе); как же мы можем назидать ближних, если ближние нехорошо думают о нас?

Но мы должны остерегаться, чтобы не подвергнуться ложной зависимости от чести, т.е. чтобы не дорожить честью у людей больше, чем честью у Бога и своей совести, чтобы свою внутреннюю честь (безусловное благо) не принести в жертву внешней чести (благу относительному). Ложная зависимость от чести выражается в формах честолюбия и тщеславия. Честолюбивый стремится к важному положению в обществе, к отличиям, к знакам почтения, а тщеславный хочет нравиться другим, интересовать их собой. Имея в виду ложную зависимость от чести, ап. Павел говорит: *«для меня очень мало значит, как судите обо мне вы, или как судят другие люди; судия мне Господь»* (1 Кор. 4:3,4). Упрекая честолюбивых и тщеславных фарисеев, Господь Иисус Христос говорит: Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете? (Ин. 5:44). Гоняясь за славой у людей, человек теряет славу у Бога. Потому мы должны быть готовы терпеливо сносить незаслуженное попрание нашей чести. Высокий пример видим в лице Самого Господа Иисуса Христа. Мы должны утешать себя с ап. Павлом мыслью, что хотя мы теперь *неизвестны, но нас узна**ют*** (2 Кор. 6:9). Мы имеем также высокое обетование Господа: *Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня* (Матф. 5:10,11).

Мы вправе, и нередко даже обязаны, защищать свою честь. Сам Господь Иисус Христос защищал Свою честь: при обвинениях в замысле иудеев на Его жизнь Он указывал на Свои дела, которые вовсе не заслуживают этого (*много добрых дел показал Я вам от Отца Моего; за которое из них хотите побить Меня камнями?* Ин. 10:32). Защищал свое личное достоинство и ап. Павел, указывая на свои труды, подвиги и страдания (2 Кор. 11:21). В настоящее время каждый гражданин найдет защиту попранной чести у суда; но христианину далеко не приличествует при всяком оскорблении чести обращаться с жалобой в суд. Великодушное прощение обиды есть самое действительное спасение чести. Могучим средством для восстановления чести является и строгая последовательность наших действий в служении честности и добру. Видя нашу верность нравственному началу, наши клеветники или не понимающие нас невольно замолкнут. Страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному создателю, души свои, делая добро, говорит ап. Петр (1 Пет. 4:19).

3. Уважение и любовь к ближним

Уважая и любя самого себя, христианин уважает и любит и ближних: *возлюби ближнего твоего как самого себя.*

Уважение к ближним основывается как на их общечеловеческом достоинстве, так и на личном. Мы должны уважать ближних, коль скоро каждый из них есть образ Божий, за каждого пролита кровь Господа Спасителя на кресте, и каждый призван к вечной жизни в единении с Богом. В этом состоит общечеловеческое достоинство каждого ближнего. А если ближний — христианин, то он к тому еще возрожден в таинстве крещения и принадлежит к одной с нами Церкви. Но ближний наш имеет и личное достоинство, состоящее в его нравственных заслугах. В последнем случае мы особенно должны уважать ближнего. Но так как по личному достоинству или по нравственным заслугам ближние наши весьма различаются, то и уважения нашего они заслуживают то большего, то меньшего.

Свящ. Писание внушает нам уважение к ближним весьма ясно. *Ибо человек создан по образу Божию*, — говорит Господь, заповедуя уважение к жизни ближних (Быт. 6:9). Христос Спаситель, *не стыдившийся называть нас братьями Своими* (Евр. 2:11), произносит строгий приговор над неуважительно относящимися к ближним: *кто скажет брату своему: «рак**а**»* (пустой человек) *подлежит синедриону, а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной* (Матф.5:22). *Всех почитайте*, — говорит ап. Петр (1 Пет. 2:17). *Будьте братолюбивы друг ко другу,* — пишет ап. Павел*, — в почтительности друг друга предупреждайте* (Рим. 12:10).

Уважение противоположно неуважению или даже презрению к ближним. Презирать мы не должны даже нравственно недостойного, порочного человека. Мы можем и даже должны отвращаться от него. И это есть отвращение не от личности человека, а от живущего в нем порока. Отвращение от личности тем более неуместно и непозволительно, что рядом с пороком есть в каждом человеке и что-то доброе (пока человек не дошел до диавольского состояния). Порочного человека мы должны не презирать, а обличать, с целью его исправления. Мы должны помнить слова апостола: *силен Бог восставить его* (Рим. 14:4). *Любовь все покрывает, всему верит, всего надеется* (1 Кор. 13:7). Из евангельских сказаний мы не видим, чтобы Господь Иисус Христос относился к кому-либо, хотя бы к нравственно недостойным людям, например, фарисеям, презрительно; Он к ним относился обличительно; и обличая, Он имел к ним сострадание (Матф. 23:2.. 37..). А что сказать о пренебрежительном отношении к ближним без разбора, след., и к нравственно достойным? А между тем в недалеком прошлом даже образовалась целая философская система Шопенгауера, поучающая презрению к людям. Но большей частью мы относимся к ближним пренебрежительно просто по эгоизму.

Уважая ближних, мы должны и любить их. Любовь к ближнему состоит в желании ему всякого блага и в стремлении содействовать его благосостоянию душевному и телесному. В наше время много говорят о гуманности и филантропии. Но они обе не тождественны с истинно христианской любовью. Гуманизм проистекает лишь из сознания человеческого достоинства каждого ближнего, проникнут ложным оптимистическим взглядом на состояние человеческой природы и потому не в состоянии увидеть всех глубин порчи человеческой, а след., и врачевать их (да и не имеет средств к тому); он имеет в виду лишь земное благополучие ближнего и в то же время не забывает и своих собственных интересов, ищет славы не Божией, а своей, т.е. связан с эгоизмом. Между тем истинно христианская любовь к ближним проистекает из мысли и любви к Богу и Искупителю всех людей, видит все язвы, произведенные грехом на человеческом роде и в состоянии предложить соответствующее врачевание, радеет не только о земном благополучии, а более всего о вечном и небесном, проникнута самоотречением и стремлением к славе Божией. Но, впрочем, слово «гуманность» можно понимать и в высшем смысле, в смысле истинной христианской любви, тем более, что это слово в наше время весьма часто употребляется и в христианских сферах. Только надо отличать истинную гуманность от неистинной или неполной.

Как уважение к ближним должно простираться на всех людей без исключения, так и любовь к ближним должна обнимать всех без исключения. В притче о самарянине Господь учит нас благотворить ближним, невзирая на различия национальности, религии, нравственного достоинства их (Лук. 10:29). Но так как мы не можем иметь общение с чрезвычайно широким

кругом людей, то своими ближними мы должны признавать круг тех лиц, с которыми мы находимся в особенно близких отношениях и к которым можем проявлять деятельное участие. Такое именно понятие о ближнем дается в притче о милосердном самарянине. Ближними названы те люди, которым предоставляется случай благотворить другим (Лук. 10:36,37). Ап. же Павел различает любовь к ближним и любовь к *братьям*. Братьями, или ближними в тесном смысле слова, он называет сродных по вере (Рим. 8:17,29; Гал. 3:26, 4:26; Евр. 3:1). След., христиане, особенно православные, есть по преимуществу наши ближние, которым предпочтительно мы должны благотворить. *Будем делать добро всем, а наипаче своим по вере* (Гал. 6:10). По преимуществу любовью к братьям мы должны учиться, по слову апостола, любить и всех ближних. *Вас Господь исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем, какою мы исполнены к вам* (1 Фес. 3:12). Православные христиане по преимуществу наши ближние, как потому, что они находятся в особенно близких отношениях к нам, так и потому, что мы имеем больше возможности и случаев им благотворить. В таких же отношениях мы находимся со своими родственниками или находящимися на нашем попечении, со своим народом, сослуживцами и жителями одного города и т.д. Все эти лица по преимуществу наши ближние.

Справедливость и милосердие

Все виды и действия любви к ближним можно совместить со справедливостью и милосердием.

Насколько справедливость выражается в сообщении ближнему наших мыслей, настолько она есть правдивость или истинность; насколько она выражается в сообщении ему наших чувств — она есть искренность; а насколько она выражается в различных практических действиях по отношению к нашим ближним, настолько она есть честность.

Долг правдивости возлагает на нас Свящ. Писание, когда говорит: *отвергнувши ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг друга* (Еф. 4:25). Таким образом, мы должны говорить правду, будучи членами одного тела, и должны служить друг другу. Глубочайшее основание обязанности говорить правду лежит в том, что мы должны быть служителями вечной Истины. *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 1:5). Нельзя, конечно, сказать, что мы обязаны всем все говорить; истину надо сообщать с мудростью, и потому иной раз надо удержаться от сообщения горькой истины: *время говорить, и время молчать* (Екл. 3:7). Бывают и такие случаи, когда мы вынуждены из любви к ближнему, напр., больному, скрыть от него истину. Но решительно должна быть отвергнута всякая ложь по эгоистическим побуждениям. И не только ложь с намерением повредить ближнему, но и ложь легкомысленная. *Мерзость перед Господом уста лживые*, говорит Премудрый (Притч. 12:22). Хитросплетенная ткань лжи называется коварством.

Долг искренности требует от нас сообщения ближним истинных чувств в полной мере. Долг откровенности есть чистосердечие, прямодушие. Показывая человека искреннего, Псалмопевец говорит, что *он говорит истину в своем сердце* (Пс. 14:2). А ап. Павел учит примером *отвергнуть скрытность, не прибегать к хитрости* (2 Кор. 4:2; Деян. 4:19,20). Противоположностью чистосердечия является притворство и лицемерие, крайняя степень которого называется изменой, предательством. Примером притворства служат фарисеи с иродианами, льстиво спрашивавших Господа Иисуса: *Учитель! Мы знаем, что Ты справедлив и истинно пути Божию учишь и не заботишься об угождению кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо; итак скажи нам* и т.д. (Матф. 22:16 и д.). А как на пример предательства можно указать на поступок Иуды Искариотского. Противоположностью же откровенности является скрытность.

Наконец, долг честности, или праведности по отношению к ближним нам заповедали пророки: *когда суды Твои совершаются на земли, тогда живущие в мире научаются правде: всякий кто не научится правде на земле.... не будет взирать на величие Господа* (Ис. 26:9,10).

Иоанн Предтеча, отвечал на вопрос мытарей: *ничего не требуйте более определенного вам*, — а воинам: *никого не обижайте* (Лук. 3:13,14). Сам Господь Иисус Христос говорил: *во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки* (Матф. 7:12); или: *каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерит* (Матф. 7:1-2); *горе вам книжники и фарисеи, потому что оставили суд* (Матф. 23:23). Наконец, апостолы учили: *отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь* (Рим.13:7); или: *неправедные Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6:9). Долг честности требует, чтобы мы в практических действиях по отношению к ближним строго соблюдали право каждого, и отдавали все принадлежащее другим. В то же время и мы должны требовать от ближних, чтобы они соблюдали наши права и воздавали нам должное. Но христианин должен смягчать строгое право христианской гуманностью, он должен помнить, что ближние имеют право на самую любовь нашу *не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон* (Рим. 13:8), и потому свои права по отношению к ближним должен растворять любовью и снисходительностью.

К обязанностям честности, или праведности, принадлежит и обязанность благодарности. К благодарности побуждает человека уже естественное чувство (Лук. 6:32-34; Ис. 1:3); и сказать — «он человек неблагодарный» — значит выразить весьма унизительное суждение о человеке, значит назвать его вероломным. Ап. Павел говорит: «*За все благодарите*» (1 Фес. 5:18). В послании к римлянам апостол посылает благодарность Прискилле и Акилле, как от себя, так и от всей церкви (16:4). Известен упрек, сделанный Господом Иисусом Христом девяти исцеленным от проказы (Лук. 17:18).

А милосердие к ближним выражается в следующих формах: утешение больных и опечаленных, благотворительность нуждающимся, терпение к согрешающим и прощение провинившимся перед нами, а также любовь к врагам.

Долг утешать больных и опечаленных возлагает на христиан ап. Павел, когда заповедует *плакать с плачущими* (Рим. 12:15) и *помнить узников страждущих* (Евр. 13:3). Утешать печальных надо не только словами, но и своей настроенностью. При утешении нужны осторожность и искусство, чтобы не причинить печальному досады (подобно друзьям Иова). Утешая страдающих по своей собственной вине (напр., заключенных), надо уметь соединить пощаду с серьёзностью. А плача с плачущими, христианин, конечно, и *радуется с радующимися* (Рим. 12:15); т.е. не только сострадает, но и сорадуется.

Свящ. Писание дает нам весьма ощутительные побуждения к совершению благотворительности. Наприм., Господь говорит: *просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся* (Матф. 5:42). *Благотворите и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего* (Лук. 6:35). *Благотворения не забывайте*, пишет ап. Павел (Евр. 13:16). *Раздели с голодным хлеб твой*, — говорит прор. Исаия, — *и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, — одень его* (Ис. 58:7). *Благотворящий бедному дает взаймы Богу, и Он воздаст ему за благодеяние его* (Притч. Сол. 19:17). *Суд без милости не оказавшему милости*, говорит ап. Иаков (2:13). Заслуга благотворительности показана Господом в изображении страшного суда. Благотворительность не должна ограничиваться лишь материальной помощью; она должна включать в себя и нравственное исправление нищих, способность их «молиться и трудиться», а, след., и достижение ими такого состояния, при котором они могли бы существовать без посторонней помощи. Потому благотворитель, пособляя материально бедным, должен стараться влиять на их личность, посещая их дома, вступая в беседы, подавая советы, как выйти из трудного положения. При случайной и уличной подаче нищему это невозможно. Поэтому благотворительность должна быть организована; т.е. для бедных должны быть устроены приюты, где бы они получали необходимую помощь, как телесную, так и духовную. Каждый христианин должен принять участие в устроении таких приютов. Подавая нищим на улице, надо

также разбираться, чтобы не питать тунеядцев (2 Фес. 3:10) и не отказать действительно нуждающимся.

Свойства истинной благотворительности следующие. Во-первых, доброхотность: *Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит Бог* (2 Кор. 9:7). Во-вторых — бескорыстие. Не ожидать благодарности, славы, награды. Потому лучше ее совершать тайно. *Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне* (Матф. 6:3,4). Поэтому балы, концерты и т.п. с благотворительной целью далеки от ее истинно христианских форм. В-третьих — самоотверженность. Должно благотворить не только от избытка, но и при скудости (по примеру бедной вдовы), лишая себя кое-чего ради ближнего. В-четвертых — ласковость к получающим милостыню, без укоров, как и Бог, по словам ап. Иакова, «подает всем просто и без упреков» (1:5), и не унижая получающих благодеяние. Мы не должны давать им почувствовать, что мы, благотворители их, даем им от своего великодушия. Наконец — нелицеприятие. Благотворить всем без исключения нуждающимся — христианам и нехристианам, родным и чужим по народности, добрым и злым, друзьям и врагам. *Благотворите ненавидящим вас... да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо он повелевает солнцу Своему всходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Матф. 5:44-45).

Милосердие выражается также в долготерпении и прощении обид, которыми мир обусловлен. Мы окружены греховными людьми, которые готовы нам досаждать и вредить. Мы должны терпеть и быть кроткими. *В терпении вашем спасайте души ваши*, говорит Сам Господь (Лук. 21:19). И ап. Павел сказал: *облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение* (Кол. 3:12). *Да не зайдет солнце во гневе вашем* (1 Кор. 13:4). Известно также *ублажение* Господом *кротких* (Матф. 5:5). Терпение и кротость — это сила, унимающая раздражение и гнев, и дающая человеку возможность не расторгать союза любви с ближним. Мы не должны, конечно, потворствовать грехам ближнего ради сохранения мира с ним (Рим.12:18); можно гневаться на ближнего, но и *гневаясь*, не *согрешать* (Еф. 4:26); гнев не должен переходить в гнев страстный и переступать меру и границы пощады ближнего. Мы не должны быть обидчивы, но должны носить в сердце неистощаемый родник прощения, на который указал Господь Спаситель: *кто ударит тебя в правую твою щеку, обрати к нему и другую; и кто хочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду* (Матф. 5:39,40). Нам нетрудно будет это сделать, если мы припомним, что и ближнему иногда приходится немало терпеть от нас неприятностей и досад (имея эту в виду, апостол сказал: *друг друга бремена носите*, — Гал. 6:2) и что нам прощается Богом бесконечно больше того, что нам должны ближние. Следует помнить притчу о милосердном царе и жестокосердном рабе (Матф. 18:32). «Остави нам долги наши», читаем мы в молитве, «яко же и мы оставляем должником нашим». Надо научиться видеть лучшие стороны в жизни и действиях ближних, вместо того, чтобы им не доверять, подозревать и толковать все в худую сторону. Прощение должно быть искреннее и полное, обиду надо не только простить, но и забыть. Противоположность прощению составляют ненависть и мщение.

В случае происшедшего разлада и разъединения с ближним, мы должны быть готовы мириться. Если сами виноваты, то должны просить прощения. Первый шаг к примирению должен, конечно, сделать виновник или оскорбитель. Но так как виновному обыкновенно бывает трудно первому подать руку примирения, и так как в разладе более или менее бывают повинны обе стороны, то потерпевший должен облегчить оскорбителю возможность испросить прощение. В деле примирения должны принять участие и друзья их, помня слово Господне: блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими (Матф. 5:9). Противоположность примирению составляет вражда.

И в тех случаях, когда ближний не хочет мириться, показывает себя врагом, ненавидит и всячески вредит нам, мы не должны отворачиваться от него. Мы должны любить и врагов своих. *Любите врагов ваших*, говорит Господь, *благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Матф. 5:44). *Если враг твой голоден, накорми его, если жаждет, напои его*, — пишет апостол (Рим. 12:20;14:17). Любя врагов, мы хотим добром победить зло. *Не будь побежден злом, но побеждай зло добром* (Рим.12 :21). *Любовь все покрывает, всему верит, всегда надеется* (1 Кор. 13:7); потому и мы надеемся, что враг может сделаться нашим другом.

Внешняя форма выражения любви к ближним есть учтивость, или вежливость. Она выражается в приветствиях, рукопожатиях, поцелуях и других формах любезного обращения с людьми. Посылая апостолов на проповедь, Господь Иисус Христос дал им такое наставление: В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему (Лук. 10:5). И апостолы нередко посылают в посланиях своих целование христианам (1 Пет. 5:14, Рим. 16:16, 1 Кор. 16:19 и д.). Мы, конечно, часто здороваемся совершенно механически; однако и в приветствиях должна сказываться наша любовь и расположение. Вежливости сродни услужливость. Мы услужливы, когда, напр., ссужаем ближнего деньгами в финансовых затруднениях его, когда выполняем за него какую-либо работу и т.п.

Утверждение ближних в доброй нравственности

Мы должны быть готовы служить ближнему, передавая ему от души свои знания, в особенности — наставлением его в религии и доброй жизни. *Слово Христово да вселится в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга* (Кол. 3:16).

Заботясь о доброй нравственности ближних, мы сами должны показывать добрый пример, остерегаясь, как бы не послужить ближнему соблазном. *Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Матф. 5:16). *Горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Матф. 18:7). Должно поощрять ближнего к добру, увещевать, ободрять, советовать, карать. *Увещевайте друг друга и назидайте один другого*, говорит апостол Павел (1 Фес. 5:11). *Поощряя к любви и добрым делам* (Евр. 10:24). *Вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых* (1 Фес. 5:14). Но все это надо совершать весьма осторожно, с мудростью, в духе кротости и любви, иначе результат может оказаться противоположным тому, что мы ожидаем.

Самый тяжкий грех против жизни ближнего называется человекоубийством. Это один из грехов, вопиющих на небо об отмщении. *Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли* (Быт. 4:10). Тень убитого постоянно преследует убийцу; а за гробом его ожидает *участь в озере огненном, горящем огнем и серою* (Ап. 21:8). Но возможно, конечно, губить здоровье и самую жизнь ближнего косвенным образом, что не менее тяжкий грех.

Преступление против имущества ближнего называется грабежом или воровством. Грабитель и вор также и тот, кто нечестным образом переводит чужие деньги в свой карман. Например, кто взимает лишнюю плату, или не доплачивает, тот грабит и ворует. В наше время распространены все виды хищничества и прямое воровство. А между тем в Свящ. Писании сказано, что *ни воры, ни лихоимцы, Царство Божия не наследуют* (1 Кор. 6:10). И опытом достаточно доказано, что «чужое добро не пойдет в прок». *Не доставляют пользы сокровища неправедные* (Притч. 10:2).

Попечению же о чести и добром имени ближних противоречат осуждение их и клевета. Осуждение ближних есть страсть без нужды и без разбора, просто из греховного самоудовлетворения, по злобе говорить о недостатках ближних и разглашать о них. Господь говорит: *Не судите, да не судимы будете... что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?* (Матф. 7 и д.). В особенности же мы виновны в грехе осуждения, когда забираемся в глубину сердца и души ближнего (которые доступны лишь сердцеведцу Богу) и порицаем (на основании его действий) его сердце и характер. *Един есть*

Судия..., говорит ап. Иаков, *а ты кто, который судишь другого*? (4:12). А клевета или оговаривание есть распространение ложных сведений о ближних. *Клеветников и злоречивых* апостол называет на ряду с самыми порочными людьми, творящими *неподобное* (Рим. 1:30). *Наушник и двуязычный да будут прокляты, ибо они погубили многих*, — говорит Сирах (28:15).

4. Христианин как член общества

А. Обязанности и добродетели в церковном обществе

Отношения между членами общества

«Назидание» церкви совершается совместными усилиями пастырей и пасомых при содействии Духа Святого. Обязанностью пастырей является прежде всего проповедание слова Божия и совершение богослужений. Но этим не ограничиваются обязанности пастыря, т.е. он должен пасти свое стадо и вне храма. И здесь открывается весьма широкое поле для его деятельности: наставлять неверующих, заблуждающихся и сомневающихся, ободрять унывающих и больных, утешать скорбящих, внушать мужество искушаемым, поднимать дух покинутых, мирить враждующих, вразумлять и карать порочных и ожесточенных, напутствовать умирающих. Деятельность пастыря церкви полна самоотверженности. Пастырское богословие указывает средства и способы для выполнения названной задачи. Мы заметим только, что для выполнения этой задачи требуется, кроме умственной и нравственной подготовки, еще и знание человеческих душ и их различных состояний, нужна и способность приноравливаться ко всем и быть, по слову апостола, *всем для всех* (1 Кор. 9:22), и, наконец, необходима широта сердца: «*сердце наше расширено, вам не тесно в нас»* (2 Кор. 11:12). Что касается дисциплинарных отношений между пастырями и пасомыми, то в нашей Православной Церкви они занимают золотую середину между крайностями католичества и протестантства. Католические ксендзы чрезмерно опекают пасомых, а у протестантов господствует слишком большая самостоятельность пасомых по отношению к пасторам.

Обязанность пасомых содействовать пастырям собственным старанием в выполнении их задачи (Рим. 15:30). А затем — пасомые должны иметь глубокую почтительность и любовь к пастырям, как к своим духовным отцам. Апостол говорит: *Просим же вас, братия, уважайте трудящихся у вас и предстоятелей ваших в Господе, вразумляющих вас, и почитать их преимущественно с любовью за дело их* (1 Фес. 5:12,13). А об отношении пасомых между собой апостол говорит: *будьте в мире между собой* (там же), *стараясь сохранять единство духа в союзе мира* (Еф. 4:3). Единение духа и мир среди православных нарушаются в особенности ересями и расколами. Ересь есть искажение или отрицание какого-либо догмата веры (Арий, Македоний и др.). А раскол есть искажение или отвержение какой-либо истины нравоучения, богослужения или постановления православной церкви (Новат, Донат и др.). Раскольники, в свою очередь, могут распадаться на различные толки и секты. *Умоляю вас, братия*, пишет апостол, *остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них* (Рим. 16:17). Дальнейшие обязанности пасомых друг к другу апостол выражает словами: *будем делать добро всем, а наипаче своим по вере* (Гал. 6:10).

Православная Церковь вступает в отношение и к скончавшимся, и к церкви, торжествующей на небе. По отношению к умершим наша обязанность состоит в памяти о них, в продолжении их благих дел и в молитве о них. И все это в надежде свидания с ними за гробом (Лук. 16:9). Молитва за умерших вполне естественна: если мы любим ближних, то любовь наша следует за ними и после их отшествия (любовь никогда не перестанет — 1 Кор. 13:8); если их благо интересовало нас при их жизни, то тем более интересует после их смерти. Молитва за умерших имеет свое действие, поскольку мы пребываем с ними в одном и том же Божием царстве (Лук. 20:38; Рим. 14:8), и так как до страшного суда возможно изменение в состоянии умерших. Потому-то молитвы за умерших всегда существовали в христианской Церкви. Если

даже богач в аду хлопотал за своих братьев, оставшихся на земле (Лук.16:27), то не тем ли более мы должны молиться за умерших? Ап. Павел заповедует молиться *за всех человеков*, так как Бог *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2:1,4). Произнося молитву «да приидет царствие Твое», мы молимся, конечно, чтобы царствие Божие пришло во все области существования, следовательно, и в область умерших. Во 2-ой книге Маккавейской говорится, что за убитых на брани иудеев была принесена жертва (12:42-45).

Скорбеть и плакать об умерших нам не воспрещается. В книге Деяний апостольских читаем, что при погребении первомученика Стефана христиане *сделали великий плач по нем* (8:2). *Прослезился* Сам Господь при гробе Лазаря (Ин. 12:35). Но мы должны скорбеть не как *неимеющие упования* (1 Фес. 4:13).

Закапывание трупов в землю вполне естественно и согласно со Свящ. Писанием. *Земля есть и в землю возвратишься* (Быт. 3:19). *Сеется тело душевное, восстает тело духовное* (1 Кор. 15:44). Обычаю сжигать трупы (кремации) наша Церковь противодействует.

А к членам Церкви, торжествующей на небе, мы должны относиться как к покровителям и заступникам нашим перед Богом. Самая высшая покровительница и заступница наша есть пресвятая Дева Мария, Матерь Господня, «честнейшая херувим и славнейшая без сравнения серафим». Она Сама пророчески изрекла: *ибо отныне ублажат Меня все роды* (Лук. 1:48). Множество чудотворных икон Ее по всей русской земле громко говорят об изобилии благодати, изливаемой через Нее Богом на человеческий род. Затем следуют лики архангелов и ангелов. Из их числа должен быть особенно призываем ангел-хранитель (Пс. 90:11). Наконец, ходатайствуют о нас перед Богом прославленные святые человеки. К ним в особенности применимо изречение ап. Иакова: *Много может усиленная молитва праведного* (5:16). По изображению ап. Иоанна, пред Агнца предносятся в небе *золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых* (Ап. 5:8). Ап. Павел заповедует поминать наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и взирая на кончину их жизни, подражать вере их (Евр. 13:7). Особенного почитания заслуживают святые, восхваляемые нашей церковью и оказывающие помощь нашему русскому народу (напр., свят. Николай), а также святой, имя которого мы носим.

Наш русский народ верит, что тот или другой святой помогает особенно в той или другой нужде человеческой. Напр., св. Пантелеимон считается помощником особенно в болезнях; св. Гурий, Самон и Авива — в семейной жизни; св. Власий — в скотоводстве; св. Конон Градарь — в огородничестве; св. ап. Петр — в рыболовстве; св. Мартиниан и Моисей Угрин — в борьбе человека с чувственной похотью, и т.д. Верование это имеет основание в жизнеописании святых. Там повествуется, что названные святые или сами занимались теми предметами, в которых помогают, или по смерти своей проявили чудо помощи в этом, или претерпели в жизни искушение от того греха, от которого избавляют притекающих к ним.

По отношению к инославным христианам и нехристианам на православном христианине лежит долг веротерпимости и молитвы о «соединении церквей» и об обращении неверующих в христианство, а также участие в миссионерском деле. Участие может быть личным, или по крайней мере, денежным.

Б. Обязанности и добродетели в отношении семейства

Семья

Семейство есть первая основа нравственного мира. Здесь впервые человек знакомится с нравственностью и развивает в себе нравственную жизнь. Потому-то Господь Спаситель, прежде чем выступил на служение обществу, благословил посещением Своим брачную чету. И апостолы, проповедуя слово Божие народам, прежде всего вносили его в дома. От нравственного благосостояния каждой семьи зависит благосостояние и всего общества, и

государства; а разрушение семьи имеет неизбежным следствием разрушение общества и государства.

Семья основана на браке, который ничто иное, как добровольный и основанный на любви союз двух лиц различных полов, имеющий целью совершенное взаимное восполнение и вспомоществование, и следствием его является рождение и воспитание детей. Не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему (Быт. 2:18); или: оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью (Матф. 19:5; Быт. 2:24); вот выражение цели брака. И благословил их (Адама и Еву) Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю (Быт. 1:28) — вот выражение следствия, или плода, брака. Бездетность не уничтожает сущности брака и не лишает его цели. Истинный брак возможен только при единоженстве (моногамии); многоженством исключаются полная преданность и равенство двух лиц, требуемые сущностью брака. Брак по своей идее должен быть нерасторжим. Вступление в брак с мыслью о возможном расторжении его в дальнейшем делает невозможным полную преданность друг другу двух лиц.

Вступление в брак не предоставлено произволу человека. Для лиц, предназначенных природой и обстоятельствами жизни к браку, вступление в брак есть требование долга. Брак, вводящий человека во множество нравственных задач и обязанностей, есть важная школа воспитания человека для его деятельности. В то же время человеческий род может продолжаться по божественному устроению только через брак. Потому уклонение от брака из эгоистических целей противоестественно. Но бывают случаи обязательства оставаться вне брака. Безбрачие возможно невольное и вольное. Бывает, например, служба, несовместимая с брачным состоянием; или человек потерпит неудачу в выборе лица для вступления в брак, или не имеет средств для содержания жены и детей, в этом случает приходится оставаться вне брака временно или навсегда. А добровольное безбрачие известно у нас под именем монашества. Получив дар к безбрачной жизни, человек принимает его ради безраздельного служения Богу (Матф. 19:11). *Не женатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене* (1 Кор. 7:32,33). Ап. Павел отнюдь не унижает брака; напротив, брак он называет «великой тайной» (Еф. 5:32), а унижающих его достоинство называет «лжецами», «духами обольстителями» (1 Тим. 4:1-3). Но в то же время безбрачие ради Господа и царства Божия он ставит выше брака. *Хорошо человеку не касаться женщины, говорит он* (1 Кор. 7:1). Безбрачным же и вдовам говорю: *хорошо им оставаться, как я* (8). *Выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше* (38). Предпочтение безбрачия ради царствия Божия предполагается и словами Господа Иисуса Христа: *не все вмещают слово сие, но кому дано... кто может вместить, да вместит* (Матф. 19:11,12). По изображению книги Апокалипсис перед престолом небесным воспевается песнь, которой не может научиться никто «из осквернённых с женами» (14:3,4). И кто не согласится, что то состояние, при котором *ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах* (Матф. 22:30), должно быть поставлено выше того состояния, в котором находятся в зависимости от земных условий и плотских ощущений? Или кто не согласится, что отказывающийся от блага брака, приносит Богу великую жертву? Но, конечно, безбрачие нечистое, нарушающее обет Богу, должно быть поставлено гораздо ниже чистого брака. Потому говорит апостол: *если не могут воздержаться, пусть вступают в брак, лучше вступать в брак, нежели разжигаться* (1 Кор. 7:9).

Чтобы брак был правильным с нравственной точки зрения, он должен быть браком не только по влечению, но и по рассудку. Брак ненормален, если брачующиеся слишком расходятся по возрасту (старик женится на молодой девице). Не может быть полной гармонии и единения и в том случае, если между брачующимися лицами огромная разница в воспитании и образовании. Браки лиц различных вероисповеданий допускаются с канонической точки зрения и могут быть счастливыми. Хотя нельзя не указать и на некоторые нравственные затруднения из-за различных исповеданий супругов. Наконец, непозволительны браки в близком родстве.

Основание для воспрещения браков между близкими родственниками следующее: между родственниками уже существуют известные нравственные отношения, и эти отношения осквернились бы и разрушились новыми отношениями, завязываемыми в браке.

Существенное содействия желающим вступить в брак могут оказать их родители. У родителей дети должны будут испросить благословения на брак, *так как благословение отца утверждает дома детей* (Сир. 3:9), к родителям должны обращаться дети за советом в этом важном деле. Но в данном случае родители имеют право только соизволяющее, а не избирающее; выбор должен производиться самим вступающим в брак. Вступать в брак по приказанию — безнравственно.

Взаимные отношения супругов

Задача вступивших в брак — выполнить возложенное на них Богом назначение. Это назначение состоит в том, чтобы свято соблюдать заключенный союз, содействовать друг другу в нравственном преуспеянии, делить тяготы жизни и воспитывать детей, если Бог благословит ими.

Первая обязанность супругов есть верность данному перед лицом церкви обещанию. Супружеская неверность есть главное зло, производящее расстройство и разрушение всего семейного дома. И верность должна простираться даже до глубины движений сердца, так как *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Матф. 5:28). А о неверности действием, апостол говорит: *брак да будет у всех честен и непорочен; блудников же и прелюбодеев судит Бог* (Евр.13:4). *Прелюбодеи царствия Божия не наследуют* (1 Кор. 6:9,10). Верность не требует, чтобы супруги забыли окружающий мир и замкнулись сами в себе; тогда их любовь была бы эгоистична, и их жизнь иссушилась бы. Верность и истинная супружеская любовь исключает слепую и страстную ревность, для которой всякое свободное движение супруга уже кажется нарушением верности. Супруги должны иметь доверие друг к другу, но также не быть равнодушными и слишком уверенными в том, что они неразрывно связаны; они должны стараться вновь и вновь приобретать друг у друга любовь и уважение. «Муж», говорит апостол, «оказывай жене должное расположение; подобно и жена мужу» (1 Кор. 7:3).

Супруги должны делить все между собой. А для этого требуется полная откровенность в отношениях их друг к другу. Недостаток откровенности свидетельствует о неполной любви. Супруги должны принимать взаимное участие в своих занятиях. Муж должен интересоваться занятиями жены, а жена занятиями мужа. Любя мужа, жена должна любить и его должность. По возможности, супруги должны помогать друг другу в своих занятиях, делить как все скорби, так и все радости, и прежде всего семейные, в которых никогда не бывает недостатка.

Так как сочетавшиеся браком, как и все люди, греховны, со многими недостатками и слабостями, то они обязаны иметь взаимное терпение и снисхождение, также и заботу об устранении недостатков, в особенности пороков. Кто искренне любит, тот непременно будет стараться о нравственном усовершенствовании супруга и об устранении своих собственных недостатков, которые неприятны другому супружескому лицу. У супругов будет множество благоприятных случаев для взаимного благотворного влияния. Сила мужа по отношению к жене заключается в его умственном и волевом превосходстве; а сила жены по отношению к мужу заключается в ее преданности, просьбах, грусти, слезах.

По учению Свящ. Писания, муж есть глава жены и семьи; а жена должна находиться в повиновении у мужа. *Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви* (Еф. 5:22-33; Быт. 3:16). Это не значит, что жена ниже мужа по нравственному или личному достоинству, в этом отношении они совершенно равны: *мужеский и женский пол едино есть во Христе Иисусе* (Гал. 3:28; 1 Пет. 3:7); главенство мужа есть естественное следствие свойств природы мужчины и женщины. Да и не может быть две главы в доме. Еще Аристотель заметил, что каждый семейный дом должен быть монархией, а не

республикой. То, что главенство мужа, отнюдь, не деспотического характера, это видно из ясной заповеди Свящ. Писания: *Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее* (Еф. 5:25); и еще: *Мужья, любите своих жен и не будьте с ними суровы* (Кол. 3:19). Как глава жены и семьи, муж должен оберегать жену и щадить ее, как *немощнейший сосуд*, по выражению апостола (1 Пет. 3:7), заботиться о содержании семьи (1 Тим. 5:8), править домом (1 Тим. 3:4) и быть представителем и блюстителем его в обществе. А жена должна быть душою дома, должна благоустроять дом, поддерживать в нем порядок, сберегать и разумно употреблять приобретаемое мужем имущество на нужды семьи (1 Тим. 2:5). Прекрасный образец домохозяйки рисует Соломон в книге Притчей, 30:10-31.

В наш век распространилась так называемая эмансипация женщины. Женщины выходят из семейного дома и занимают те же должности, которые занимает мужчина. Это направление основано на недоразумении: с одной стороны, при этом не вникают в свойства природы женщины, а с другой стороны, не ценятся надлежащим образом важность занятий женщины детьми и домом. Обязанности женщины совсем не легче и не менее важны, чем занятия мужчины. В самом деле, неужели благоустроить дом легче, чем заниматься в конторе или на другой работе? Неужели воспитывать детей легче и менее важно, чем мужские занятия? Воспитание детей — трудная и важная задача, и эмансипация женщин неизбежно приводит к ухудшению в состоянии семьи и даже к ее разрушению; а это вредно отразится и на состоянии государства и человечества. Если у женщины подлинная женская натура, то она не может хорошо себя чувствовать, будучи оторванной от семейного очага; она, как растение, вырванное из своей почвы. На ней исполнится слово: всякий возвышающий сам себя, унижен будет (Лук. 18:14). Женщина имеет влияние на общественную жизнь, но ее влияние не прямое, а посредством воспитания детей. Если она внушает им любовь к церкви и отечеству, навыки к полезной деятельности для общества и государства, этим она оказывает великую услугу самому обществу, гораздо большую, чем работа вне семьи.

Родители, дети, работники

Долг родителей по отношению к детям — вскармливать их и воспитывать. *Отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери*, говорит премудрый Соломон (Прем. 29:15). *Стыд отцу рождение невоспитанного сына, дочь же невоспитанная, рождается на унижение*, говорит Сирах (22:3). Задача воспитания — довести детей до нравственной зрелости, т.е. до способности самостоятельно стремиться к добру и отвращаться от зла. Вместе с этим дети должны получить необходимые знания и навыки для службы в обществе. Средствами воспитания является дисциплина, наставление и учение. *Отцы, не раздражайте своих детей, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем*, говорит апостол (Еф. 6:4). Средствами дисциплины являются приказание, надзор, наказание. А средства управления — личный пример, наставления, чтение книг. Основывается же управление на силе развивающихся в питомце совести и чувстве авторитета и любви к воспитателю. Необходимо уметь правильно сочетать дисциплину и управление, и остерегаться крайностей того и другого. Иначе ребенок получит при строгой дисциплине рабское воспитание. А без дисциплины, только при наставлении — воспитание либеральное. И то, и другое воспитание имеет вредные последствия. Слишком строгая дисциплина делает дитя забитым, боязливым, лишенным всякой энергии и самостоятельности, даже лицемерным и льстивым. А либеральное воспитание сделает дитя беспорядочным, увлекающимся, капризным, самонадеянным, высокомерным, упрямым, дерзким. Чем моложе воспитывающийся, тем необходимее дисциплина; по мере же приближения воспитания к концу, дисциплина должна переходить в управление. Воспитание имеет в виду привить послушание, сначала вынужденное, а потом добровольное. Послушание есть первая и главная добродетель воспитываемого.

Совместно с нравственным должно происходить и религиозное воспитание. Есть воспитатели, которые думают, что религиозное воспитание не должно начинаться рано, так как

малые дети не способны понимать высоких религиозных истин. Это правильно только при раннем религиозном обучении. Но здесь главное не обучение, а религиозная атмосфера семьи, в которой растет дитя. Если в поступках родителей и всех живущих в доме проявляется истинный дух благочестия, то дитя весьма рано им проникнется и станет религиозным человеком. С религиозного чувства и с совести необходимо начинать ребенку учиться благочестию. А затем должно присоединиться и религиозное обучение. *Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им; ибо таковых есть Царствие Божие* (Мр. 10:14). Умственное образование совершается главным образом в школах. Следовательно, воспитание вообще должно быть не только частным или семейным, но и общественным. Заботы о детях должны касаться воспитания духовного и физического. В настоящее время вполне осознана важность воспитания физического и душевного.

В заключение приведем слова апостола Павла: *насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог взращающий* (1 Кор. 3:7). И действительно, воспитание далеко не всемогуще, и результаты его иногда оказываются не теми, к чему стремились родители. Поэтому родители, воспитывая детей, должны в тоже время молить о них Бога. Родительская молитва особенно сильна перед Богом и низводит на детей Божие благословение.

А обязанностью детей по отношению к родителям является почтительность, послушание и благодарность. Исполненная доверия почтительность есть основание всего поведения ребенка. *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20:12; Матф. 15:3,6). Непочтительность к родителям есть чрезвычайно тяжкий грех. *Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти* (Исх. 21:16; Матф. 15:4). Почтительность обязательна для детей и в том случае, если родители обнаруживают какие-либо слабости и недостатки. *Хотя бы он и оскудел разумом* (отец)*, имей снисхождение и не пренебрегай им при полноте силы твоей, ибо милосердие к отцу не будет забыто; несмотря на грехи твои, благосостояние твое умножится. В день скорби твоей вспомянется о тебе: как лед от теплоты, разрешатся грехи твои* (Сир. 3:13-15).

Следствие почтительности есть послушание детей. *Слушай сын отца, родившего тебя, и не презирай, когда состарится мать твоя* (Сир. 23:22). *Дети, повинуйтесь своим родителям, ибо сего требует справедливость* (Еф. 6:1). О Самом отроке Иисусе замечено, что *Он был в повиновении у них* (Иосифа и Матери Своей) (Лук. 2:51). Только в том случае, если бы родители потребовали от детей чего-либо противного закону Божию, дети не должны слушаться их.

Наконец, благодарность по отношению к родителям вполне естественна и имеет основательные причины. По слову апостола, *дети должны стараться воздавать должное родителям* (1 Тим. 5:4). *Всем сердцем почитай отца твоего и не забывай родительных болезней матери твоей. Помни, что ты рожден от них, и что можешь ты воздать им, как они тебе?* (Сир. 7:29,30). Благодарность должна простираться и за пределы жизни родителей, выражаясь в молитвах и поминовении их.

Духом детских обязанностей определяется и все отношение учеников к учителям и воспитателям, вообще младших к старшим. *Младшие повинуйтесь старшим, говорит апостол* (1 Пет. 5:5). *Старца не укоряй, но увещевай, как отца... стариц, как матерей* (1 Тим. 5:1,2).

Что касается взаимных отношений между братьями и сестрами, то уже от природы они находятся в тесном союзе, на основании которого должно развиваться нравственное сообщество и единение между ними, взаимную пощаду, деление благ без зависти и бескорыстно, а также услуживать друг другу. Происходящие столкновения между братьями и сестрами, как следствие близости отношений, должны быть поскорее устраняемы. Старшие дети должны помогать родителям в воспитании младших. А со смертью родителей они должны заступить их место для младших детей. Насчет вообще отношений между родственниками апостол Павел говорит: *Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверных* (1 Тим. 5:8).

К семейному дому в широком смысле слова принадлежит и служебный персонал. В наше время слышится много жалоб на прислугу, которая, в свою очередь жалуется на своих хозяев. В старые времена между ними существовали личные и нравственные отношения, теперь же все сводится только к денежной договоренности. Хозяевам важна только наибольшая польза от домашних работников, а для этих последних хозяева лишь источник дохода. Авторитет и почитание, взаимное участие в жизни отошли на задний план. Поэтому для улучшения отношений в семейном доме надо восстановить нравственные или личные отношения между хозяевами и работниками.

Хозяева должны видеть людей в своих домашних работниках, уважать их и любить, как братьев о Господе (Филим. 16), *перед Которым нет раба, ни свободного* (Гал. 3:28), и у *Которого нет лицеприятия* (Еф. 6:9). Потому хозяева должны не только платить жалование (Иак. 5:4), но и принимать участие в их жизни и давать советы и наставления в затруднениях. Хозяева должны не только требовать исполнения работ, но и заботится о религиозном и нравственном воспитании работников, наблюдать за поведением и за порядком в доме и личным примером давать образец доброй жизни. За усердное и честное исполнение работ должно воздавать не только подарками, но и выражением личного довольства и доверием. При таком к себе отношении порядочная прислуга будет питать уважение к хозяевам и не станет переходить из дома в дом в надежде получить лучшее жалование. Особенно ласково надо относиться к многолетней прислуге и даже состарившейся в доме. Безнравственную же прислугу следует поскорее удалять из дома. В свою очередь, работники должны выполнять свои обязанности терпеливо и без досады *в простоте сердца, боясь Господа* (Колос. 3:22-24), соблюдать интересы дома и страшиться самых тонких видов нечестности (Тит. 2:10), быть благодарными попечению добрых хозяев. Апостол говорит: *Рабы, повинуйтесь всякому человеческому начальству, для Господа... слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам не только кротким, но и суровым* (1 Пет. 2:13; Еф. 6:5). Разумеется, слуги не должны исполнять противозаконных требований господ.

Гостеприимство и дружба

Семьи не должны замыкаться в самих себе; они должны иметь общение с другими семьями и посторонними лицами. В этом случае возникают общежительные отношения и обязанности, именно — гостеприимства и дружбы.

Высокий образец гостеприимства видим в лице Авраама (Быт. 18:1 и д.). Ап. Павел говорит: *страннолюбия не забывайте* (Евр. 13:2). На страшном суде Господь скажет праведным: *был странником, и вы приняли Меня* (Матф. 25:35). А насчет дружбы хотя нет прямых заповедей в Свящ. Писании, так как дружба в первые времена была включена в общее отношение христианского братолюбия, однако мы знаем, что Господь Спаситель на тайной вечери назвал учеников Своих друзьями: *вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего* (Ин. 15:14-15). Назвал Он другом Своим и Лазаря (Ин. 11:11). Известна дружба между Давидом и Ионафаном, ап. Павлом и Тимофеем, великими отцами и учителями церкви Василием Вел. и Григорием Богословом. Истинная дружба имеет немаловажное нравственное значение: истинный друг есть как бы зеркало, или воплощенная наша совесть. В ней отражается и ясно видится, как все хорошее в наших мыслях, намерениях и действиях, так и все дурное. Не напрасно премудрый Сирах сказал: *Верный друг — врачевство для жизни, и боящиеся Господа найдут его* (Сир. 6:16).

В то же время дружба есть, после семейных отношений, самая первая и самая простая форма любви, посредством которой мы можем учиться любви вообще. Для истинной дружбы требуются одинаковое воззрение на жизнь и одинаковые общие убеждения, взаимная откровенность, доверие, преданность, готовность оказать личную помощь другу и жертвовать собой ради него, неизменная верность. Есть немало неистинных друзей. Подлинная дружба

далеко незаурядное явление. *Приобретай друга по испытании и не скоро доверяйся ему* (Сир. 6:7).

В. Отношение к государству

Государство и нравственность

Множество семейств, объединенных одним общим происхождением, составляют **народ**. А когда народ организуется и введет у себя юридический порядок, то образовывается **государство**. След., государство есть союз народа, управляемого выработанными исторически законами, или правом, под главенством государя или вообще правительства. В государство может входить и несколько народностей. Когда законы и учреждения государства находятся в согласии с христианским учением, то такое государство называется христианским государством.

Основные права, на которых учреждается государство, находим в Свящ. Писании. Когда после потопа человечество начало умножаться и распространяться по земле, Бог изрек такой закон: *кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию* (Быт. 9:6). След., существование права в государстве основано на божественном распоряжении. Авторитет начальствующих опирается на божественный авторитет. А последнюю цель существования народов и государств выразил ап. Павел в речи к афинскому ареопагу: *От одной крови Бог произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас* (Деян. 17:26-27). Нельзя, конечно, сказать, что области государственная, моральная или нравственная покрывают друг друга, что они тождественны, как утверждают некоторые философы, напр., Гегель, и некоторые протестантские богословы, склонные смешивать нравственность с культурой и цивилизацией. Область государства есть область права и справедливости; а область нравственная есть главным образом область любви. Государственная область относится больше к внешней жизни человеческих отношений, это область внешнего благоустройства общества; а область нравственная есть главным образом область внутренних побуждений к деятельности, область душевных движений и личного совершенствования человека. Но государственная и моральная области находятся в тесном союзе и взаимодействии. Без морали и нравственности государство было бы непрочно. Мораль внушает нам повиноваться государственным порядкам ***не только из страха наказания, но и по совести*** (Рим. 13:5). Без побуждений со стороны морали мы были бы весьма плохими и ненадежными гражданами. И без государства мораль и все чисто нравственные учреждения, силы и отношения (семья, церковь, общежительность, личные отношения между людьми) не имели бы, так сказать, оплота. Нельзя сказать, что они обязаны государству своим происхождением, — они имеют собственные корни существования, питания и развития; но государство есть их охранитель. Без государства произошел бы беспорядок в обществе. Это пагубно отразилось бы на течении чисто нравственной человеческой жизни: мы не могли бы тогда проводить *жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. 2:2).

Гражданская и политическая стороны государства

Государство можно рассматривать с двух сторон: со стороны гражданской, или общественной (социальной), и со стороны политической. Рассматривая гражданскую сторону, надо сказать о сословиях общества; а рассматривая политическую сторону — о правительстве и подданных.

Сословия гражданского общества делят различно. Мы делим их на три класса: 1) сословие, питающее общество: земледельцы, промышленники и торговцы, 2) просветители общества: духовные, лица ученые и люди искусства, 3) хранители общественного порядка:

административные, судебные и военные. Государь же стоит вне и выше всякого сословия. Сейчас мы рассмотрим обязанности и добродетели первого класса.

Земледелие есть основание культуры и цивилизации. Потому в древнее время оно даже считалось священным занятием; тем более, что в произрастании зерна есть некая тайна. Земледелец должен внимать этой тайне и поучаться у нее, и, вообще, поучаться у природы, с которой он находится в самых близких отношениях. *Невидимое Его, вечные силы Его и Божество, от создания мира, чрез рассматривание творений видимы* (Рим. 1:20). *Взгляните на птиц небесных, они не сеют, не жнут, не собирают в житницу; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?* (Матф. 6:26). *Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон, во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!* (28-30). В то же время земледелец непосредственно призывается к порядку и постоянству, как основному условию нравственной деятельности. Быть консервативными — это естественная добродетель земледельцев. Столь же сильно земледельцы придерживаются религиозности, зная, что судьба их посевов находится в руках Божиих. *Насаждающий есть ничто, все есть взращающий Бог* (1 Кор. 3:7). *Вот, земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний или поздний* (Иак. 5:7). Земледелец научается надежде на Бога и терпению. В то же время он побуждается к молитве. Наконец, земледельцам свойственен простой образ жизни. Потому и одежда его не зависит от моды. Земледелец находится в самых близких отношениях с домашними животными и потому старается относиться к ним заботливо. *Праведник печется о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко* (Притч. 12:10). После отмены крепостного права, крестьяне получили важные личные права, но, к сожалению, среди них распространились серьезные пороки: пьянство, разврат, плутни и сутяжничество, кулачество и мироедство. На очереди у них освобождение от этих пороков.

В близких отношениях с крестьянами живут и крупные землевладельцы. Их долг знакомить крестьян с усовершенствованиями в сельском хозяйстве, заботиться о народных школах и благосостоянии церквей.

Задача же промышленников — обрабатывать продукты сельского хозяйства для потребностей человека. Это делают ремесленники и фабриканты. В языческом мире ремесла не пользовались почетом. Но другой взгляд на это был в израильском народе, и иной существует у христиан. Даже ап. Павел, ученейший из иудеев, занимался деланием палаток (Деян. 18:3; 20:34 и др.). О Самом Господе Иисусе Христе мы знаем, что Он помогал Иосифу в занятии плотничеством. Земледельцу в работе помогает сама природа, но ремесленнику надо делать все только своим трудом, руками и машинами. Промышленное сословие склонно к прогрессу. В наше время человек начал успешно исполнять божественную заповедь о господстве над землей и обладании ей (Быт. 1:18). В виду этого успеха надо предостеречь человека от искушения — забыть Бога и приписывать весь прогресс исключительно своему гению. Между тем Свящ. Писание говорит, что всякое промышленное и художественное искусство посылается от Бога (Исх. 1:6). Потому люди не должны забывать, что все успехи в труде (науки и техники) даются Господом Богом (Сир. 38:39).

Задача торгового сословия — быть посредником между производителем и потребителем и доставлять во все места произведения как природы, так и искусства. Торговым людям, больше чем другим, угрожает опасность нарушения честности, именно — взимания лишнего барыша, лжи и обмана. Сирах говорит: *Посреди скреплений камней вбивается гвоздь: так посреди продажи и купли вторгается грех* (27:2). Потому правдивость и честность должны быть первой заповедью людей, занимающихся торговлей и, кроме того, они должны помнить, что хотя торговля их частное дело, но они служат и обязаны служить обществу, ближним. Крупная торговля оказывает еще и ту услугу народам и человечеству, что служит взаимообщению, и не только материальному, но отчасти и духовному. Ведение торговли требует по временам

некоторого риска; но безрассудный риск непозволителен. В то же время торговцы, вместо того, чтобы говорить: *сегодня или завтра отправимся в такой-то город и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль,* — должны говорить, «*если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое»* (Иак. 4:13-15).

Власть, законодательство, война

Рассматривая политическую сторону государства, необходимо сказать о правительстве и подданных. Государство немыслимо без правительства. *При недостатке попечения падает народ* (Притч. 11:14). Сильное государство невозможно без сильного правительства. Исторически у различных народов образовались различные формы правления. Но самая совершенная форма есть монархия, так как она наиболее соответствует идее правления и наиболее способна поддерживать порядок и крепость государства. Особенно было свойственно русскому государству монархическое правление при живой вере в единого личного Бога, при сознании родительской власти. Потому русский народ хотел иметь и единого личного правителя, к которому можно обращаться с преданностью и почтением, с безусловным доверием, с любовью. Счастье тому народу, у которого государи богобоязненны, правдивы, служат народу образцом верного исполнения обязанностей. А такими государями могла похвалиться православная Россия. Самодержавное правление таких государей может быть только на благо подданных. Самодержавным называется неограниченный монарх. Это означает не то, что он стоит выше закона, а то, что во всех вопросах законодательства и управления последнее решение исходит от Государя. Он не обязан давать отчет в своем решении никому, как только Самому Богу, себе и суду последующей истории. Потому Государь неприкосновен.

Свящ. Писание весьма ясно учит о происхождении государственной власти не снизу, не по воле народа, а сверху, от Бога. В Ветхом Завете Господь возвещал: *«Мною цари царствуют, и повелители узаконяют правду. Мною начальствуют начальники и вельможи, и все судьи земли»* (Притч. 8:15,16). *От Господа дана вам держава и сила от Вышнего*, говорит Премудрый (Прем. Сол. 6:3). В Новом Завете сам Иисус Христос сказал: *ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше* (Иоан. 11:19). Ап. Павел учит: *нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противятся Божию установлению* (Рим. 13:1,2). Даже в государствах, где правители избираются народом, власть государства отнюдь не от народа; если народ сам избирает органы власти, то это не значит, что он есть источник власти. Потому весьма ошибаются те, кто думают, что народ обладает верховенством по отношению к правителям и может поставлять и снимать правителей. Наследственная монархия наглядно выражает идею божественного происхождения государственной власти, каковой являлась наша русская монархия.

Функции правительства или государственной власти есть, во-первых, соблюдение порядка внутри государства и, во-вторых, обережение государства от внешних врагов со стороны других государств.

Соблюдение порядка имеет функцию издания законов (*писания правды*, как выразился Премудрый) и управления на основании существующих законов. Законодательство есть совокупность порядков, регулирующих отношения между подданными и правительством и между отдельными лицами. А управление есть проведение законов в жизнь посредством назначенных лиц — чиновников (*посланных* — 1 Пет. 2:14). Чиновники разделяются на администраторов и судей. Судьи ведают криминальным законом. Если делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отомститель в наказание делающему злое (Рим. 13:4). И главная добродетель администраторов и судей — правда и верность закону.

Идея карательного закона, или уголовного права, понимается различно. Одни думают, что главная цель наказаний есть устрашение граждан, а другие, что главная цель их — исправление преступников; а иные полагают, что цель их — возмездие. Верна последняя теория. Судья назван отомстителем в гневе зло творящему (см. выше). *Мы осуждены*

справедливо, выразился распятый разбойник, *потому что достойное по делам нашим приняли* (Лук. 23:41). Наказание есть прежде всего реакция права против нарушения его. Закон справедливости заявляет себя, как незыблемую силу по отношению к преступнику. При назначении и выполнении наказаний должны быть соблюдены справедливость и человечность. Всякая бесчеловечность (пытки, клеймения и пр). должны быть изгнаны из наказаний. Самое тяжкое наказание есть смертная казнь. Она предполагается Свящ. Писанием: *кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека* (Быт. 9:6). *Не напрасно меч носит: он Божий слуга, отомститель в наказание делающему зло* (Рим. 13:4). *Все, взявшие меч, от меча погибнут* (Матф. 26:52). *Кто мечем убивает, тому самому надлежит быть убиту мечем* (Апок. 13:10). Ап. Павел произнес перед судом: *не отрекаюсь умереть* (Деян. 25:11). Отрицающие смертную казнь считают, что человека наказывает другой человек, который не имеет власти над жизнью подобного себе, и что цель наказаний есть исправление. Между тем, наказывает в государстве не только человек, но и Бог, т.е. судья от имени Божия, и первая цель наказания — не исправление, а возмездие.

Вторая функция государственной власти есть обережение государства извне или со стороны другого государства. Власть оберегает государство как от врагов внутренних, так и от врагов внешних. Государство должно защищать себя от нападений и несправедливых притязаний, но оно может также действовать наступательно при достаточных основаниях. Война есть величайший бич человечества, так как она есть смертоубийство в широчайших размерах и разрушение мирной жизни и ее плодов. Благотворная сторона войны та, что она поднимает народные силы, оживляет патриотизм, призывает граждан к самопожертвованию ради общего дела, научает молиться и смиряться перед грозным судьбами Царя царей. Некоторые оптимисты мечтают о водворении «вечного мира на земле». Но войны неизбежны, пока будет жить грех на земле. *Во всякое время мы можем услышать о войнах и военных слухах... ибо надлежит всему тому быть* (Матф. 24:6). Остается только по возможности ограничивать войны. Война невозможна без войска. Следов., и государство немыслимо без войска. Главная обязанность воинов — строжайшая субординация и подчинение низших старшим. Столь же свойственно воинам геройство, отсутствие боязни *убивающих тело, души же не могущих убить* (Матф. 10:28). Иоанн Предтеча указывал воинам: *никого не обижать...и довольствоваться своим жалованием* (Лук. 3:14).

А обязанности подданных по отношению к правительству (и к Высочайшей Власти) есть общие обязанности — соблюдать гражданские добродетели, вытекающие из любви к отечеству, или патриотизма. Любовь к отечеству есть любовь к стране, в которой мы родились и живем, к своему народу, его религии, его обычаям, и, наконец, к государству и его главе. Любовь к отечеству выражается в добросовестном исполнении обязанностей своего звания, в содействии общему благосостоянию страны, помощи нуждающимся, а также в почитании высшей Власти (*Бога бойтесь, царя чтите* — 1 Пет. 2:17) и в повиновении ее указаниям (*будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли или верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым;* или: *всяка душа властям предержащим да повинуется* (1 Пет. 2:13), в готовности защищать отечество даже ценой жизни, и платить следуемые налоги в пользу государства (*отдавайте кесарево кесарю*; или: *воздавайте всякому должное: кому подать, подать, кому оброк, оброк* (Рим. 13:7), наконец — в молитве *за царя, и за всех начальствующих* (1 Тим. 2:1-2).

Патриотизму, или любви к отечеству, противоположен тот космополитизм, который мечтает обо всем мире, а между тем небрежет о своем собственном народе и стране, или который унижает свой народ перед чужими народами и государствами.